Подвенечный саван



детективная мелодрама

Романова Галина

f.Ceez/8

ДЕТЕКТИВНАЯ
МЕЛОДРАМА

ЧИТАЙТЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ МЕЛОДРАМЫ

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность
Встретимся в другой жизни
Я – его алиби
Девушка с секретом
Блудница поневоле
Неплохо для покойника!
Стервами не рождаются!
Дожить до утра
Крестный папа
Ничто не вечно под луной
Миллион причин умереть
Рыжая-бесстыжая
Охотники до чужих денежек
Мужей много не бывает
Ты у него одна
Любитель сладких девочек
Игры в личную жизнь
Черт из тихого омута
Обмани меня красиво
Старая тайна, новый негодяй
Миллионерша поневоле
Внимание: неверный муж!
В любви брода нет
Последняя ночь с принцем
Осколки ледяной души
Счастье по собственному желанию
Любвеобильный джекпот
Длинная тень греха
Личное дело соблазнительницы
Большие проблемы маленькой блондинки
Красотка печального образа
Ночь с роскошной изменницей
Окно в Париж для двоих
Лицензия на happy end
Черная корона
Рыцарь чужой мечты
Демон искушения
Грешница в шампанском
Принцип Отелло
Исполнительница темных желаний
Жизнь нежна
Мода на чужих мужей
Пока смерть не разлучит нас
Завтра не наступит никогда
Пять минут между жизнью и смертью
Любовь окрыляет
Единственная моя
С первого взгляда
Второй подарок судьбы
Зеленые глаза викинга
Тайна, приносящая смерть
Цвет мести – алый
Не доставайся никому!
Чужая жена — потемки!
Возвращаться – плохая примета
Врачебная тайна
Призрак другой женщины
Тайну хранит звезда
Семь лепестков зла
Свидание на небесах
Ведьма отмщения
Программа защиты любовниц
Кинжал в постели
Гнев влюбленной женщины
Лучший день в году
Огненный шар
Незнакомка с тысячью лиц
Последнее прибежище негодяя
Счастье с третьей попытки
Подвенечный саван
Заклятие счастья
Торговка счастьем

ГАЛИНА
РОМАНОВА

Подвенечный саван



Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *А. Дурасова*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Подвенечный саван : [роман] / Галина Романова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив-мелодрама. Книги Г. Романовой).

ISBN 978-5-699-86337-2

Отец, получивший десять лет назад пожизненный срок, бежал. Володю это потрясло. Дома повисло гнетущее молчание после истерики матери и сестры. Единственной радостью была Маша. А через несколько дней пришло известие, что отец убит при задержании. Постепенно жизнь входила в привычное русло. Володя снова стал улыбаться, снова беззаботно любить Машу. Но однажды он получил записку. «Сделай ей предложение» — было написано рукой отца. Что за бред? Его кто-то разыгрывает? Тот, кто хорошо знал отца, его почерк? Зачем? Как бы то ни было, Володя сделал Маше предложение. Не потому, что так велел мертвец, а потому, что любил ее, был по-настоящему с ней счастлив. Хотя толком они не успели узнать друг друга. И Володя ей еще не признался, чей он сын... Но ему и в голову не могло прийти, что Маша знает, из какой он семьи. А вскоре Володя получил новое послание...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86337-2

ГЛАВА 1

Город заливало солнечным светом — ярким, оранжевым. В нем тонули улицы, люди, автобусы, скверы. Сорванные легким ветром последние листья медленно плыли по воздуху. А звуки, проникающие сквозь его окно, казались вязкими, маслянистыми. Их даже можно было пощупать — шелковистый девичий смех, острый и колючий, как клубок шерсти, собачий лай, шуршащий бумажный шелест метлы по брусчатке.

Ничего, с неожиданным раздражением подумал он, поворачиваясь к яркому воскресному городу спиной, уже завтра похолодает. Уже завтра все станет серым и невзрачным. Тогда не до смеха будет.

Не до смеха теперь было ему — здоровому, симпатичному мужику тридцати пяти лет, оставшемуся без работы и не знающему, куда применить свои силы, знания, ум. И что обиднее всего, без работы он остался по собственному желанию. Не по семейным обстоятельствам, не в связи с переменой места жительства, не потому, что не сработался и оказался не понят. Нет! Просто по собственному желанию!

— Ты идиот, Лавров, — подвела черту неделю назад под его объяснением соседка Маша Астахова. — Ты же ничего не умеешь больше! Ничего!

— Почему? — удивился он и даже обиделся.

— А что ты умеешь, Саша? Ремонт делать? Нет! С паяльником сидеть? Нет! Компьютерные программы придумывать? Снова нет! Ты же ничего не умеешь! А знаешь почему?

— Почему?

Он продолжил на нее обижаться, хотя в глубине души понимал, что она права. Ничего из перечисленного он не умел. И даже никогда не пробовал ни с ремонтом возиться, ни с паяльником.

— Потому что ты, Саша, — мент! Мент с большой буквы! Ты таким родился, Саша. И когда родился, вся природа замерла!

И Машка заржала своим странным блеющим смехом, как овечка, накручивая кончик своей косы себе на кулачок.

— Может, и мент. И что? — забубнил Лавров. — Я многим людям помог.

— И продолжал бы помогать дальше, Лавров! Чего уволился-то?

— Не знаю. Навеяло, — пожал он тогда — неделю назад — широченными плечами. — Взял и уволился. Достало все.

— Я же говорю, идиот, — удовлетворенно улыбнулась она, покивав прехорошенькой головкой. — Теперь-то куда, Саша?..

А вот теперь куда, он и не знал. Он ничего не умел! Ничего! Умел ловить бандитов, распутывать сложные преступные комбинации, умел в ворохе ненужной информации выбрать то, что необходи-

мо. И все! Никакими прикладными искусствами не владел. Как плотник или столяр был бесполезен. И вообще все, хватит! Завтра вот похолодает, снег пойдет, тогда узнают они все...

Три глухих удара в дверь — так ломилась только Машка — его вдруг обрадовали.

— Чего тебе? — с наигранной ворчливостью встретил он ее на пороге. — Соль или спички закончились? Сколько раз говорил: купи зажигалку.

Машка стояла на его пороге, как Афродита, только что вынырнувшая из морской пучины. С длинными — до попы — распущенными волосицами, заспанной мордахой и почти в чем мать родила. Малюсенькие какие-то трусишки, именуемые ею спортивными шортами. Рубашонка до пупка такая тонюсенькая, прозрачная, что на ней словно и не было ничего.

— Маш, ты когда одежду уже начнешь носить? — произнес Лавров со вздохом, чуть отступая в сторону, чтобы пропустить соседку.

— Я в одежде, — буркнула она недовольно и, виляя едва прикрытой попкой, сразу пошла в кухню.

— Я мужик все же, Машка. Не стыдно тебе так вот передо мной появляться? — ворчал Лавров, следуя за ней по пятам.

— Ты, Саша, не мужик, — изрекла она со смешком, сразу принявшись открывать крышки кастрюлек, стоящих на плите.

— А кто же, простите? — Он снова подумал, что готов обидеться.

— Ты, Саша, мент. И мой сосед уже сто лет. А это почти что брат. И поэтому я не могу тебя стесняться. Ты же вот тоже передо мной стоишь в трусах — и ничего.

Упрек был принят. Лавров сходил в комнату, натянул широченные джинсовые шорты, в которые двое таких, как он, влезли бы запросто, вернулся в кухню. Машка уже наложила себе каши, которую он приготовил на завтрак себе, между прочим. Села на его любимое место в уголочке, из-за чего он постоянно злился. И теперь облизывала ложку, которой накладывала кашу, и смотрела на него как-то странно.

— Чего? — Он сел напротив, на самое свое нелюбимое место — спиной к двери, он не терпел так сидеть за столом. — Ну! Говори!

— Только не ори, ладно? — Машка опустила синие глазищи вниз, уставилась на тарелку каши.

— Только не это, Маш!

Он не заорал, он взвизгнул так, что она поморщилась. Она что — эта дурища с косицей, снова собралась замуж?! В третий раз?! В неполные тридцать лет снова замуж?! В третий раз?!

— Не ори, — буркнула она.

И тут же забила себе рот тремя ложками каши, щеки раздулись, она начала медленно жевать. Это, надо полагать, для того, чтобы не отвечать на его немой вопрос.

Значит, правда!

— Маша, Маша, опомнись! Тебе еще и тридцатника нет, Маша! — принялся тут же Лавров ее увещевать, поняв по ее забитому кашей молчанию, что да — она собралась в очередной раз замуж. И ничего уже с этим поделать нельзя. — Чего ты так летишь-то туда?

— Пока берут, — пробубнила она сквозь кашу, пожав плечами.

— Кто берет-то?! Кто?! Урод на уроде! И где ты их только откапываешь?!

Она со вздохом подняла на него голубые глаза, покачала головой. Что означало: ты не поверишь! И Лавров понял — на работе. Она снова познакомилась с очередным своим претендентом на ее изящную ручку и беспечное сердце на работе.

— Дура! — проворчал Лавров.

Вылез из-за стола, налил себе кофе из большого медного кофейника, доставшегося ему в наследство от двоюродной бабки, прожившей почти всю свою жизнь в Турции.

Раритетную посудину он обожал. Кофе в нем получался отменным. Долго не остывал и аромат хранил часами. Чашку налил большущую, чайную, всыпал туда две ложки сахара. Размешал, шумно хлебнул. Зажмурился. Вкусно, крепко, горячо.

— Мне налей, — скомандовала Машка, кашу она доедала.

Лавров послушно налил ей в точно такую же чашку, всыпал две ложки сахара, размешал. Машка, как и он, любила крепко, сладко, горячо.

— На, — с грохотом поставил перед ней чашку. — И рассказывай. Кто на этот раз? Что за принц? С долгами по кредиту? Или с невыплаченной ипотекой?

— Ну че ты опять? Саш, ну че ты? Разве в меня нормальный мужик не может, что ли, влюбиться? — Машка надула губы, спрятав обиженную мордаху за чашкой.

— Может, — согласился Лавров, подходя к окну и с возросшим раздражением рассматривая плавающий в оранжевом свете город — красивый, нарядный и беспечный. — Только он не успевает!

— Чего-чего? — Она наморщила лоб.

— Не успевает нормальный мужик пробиться к тебе сквозь строй мерзавцев! Ты ведь едва развод оформишь, и тут как тут — очередная тварь! Когда нормальному мужику тебя рассмотреть-то?! В очереди отстоять? — И закончил с печальным вздохом: — Говорю же, дура!

Завтрак закончился в полном молчании. Лавров, выпив кофе, наложил себе все же каши. Машка дождалась, пока он доест, собрала посуду со стола, все перемыла. Снова села в уголок. Уставилась на него ручным зверьком.

Он сразу понял, в чем дело.

— Даже и не думай, Маша, — и Лавров, смастерив гигантский кукиш, помотал им у нее перед носом.

— Почему? — Ее губы набухли, ресницы затрепетали — Машка готовилась зареветь.

— Потому что теперь у меня нет работы! Потому что у меня теперь нет удостоверения! И...

— Но связи-то остались, Саша, — затянула она плаксивым противным голосом, который он терпеть не мог. — Ты же можешь узнать в паспортном столе, кто он и что он. И вообще... Узнать по своим каналам, что это за человек? Откуда он вообще?

— О господи!

Если бы были у Лаврова волосы, он бы теперь принялся их дергать. Но череп его был гладко выбрит, поэтому все, что ему оставалось, это хлопать ладонями себе по голове.

Если Машка пытается что-то узнать о своем избраннике, значит, в чем-то не уверена. Значит, вообще ни черта о нем не знает. И сомневается в его легенде. И это, между прочим, впервые! Первые два

замужества такой проверки не подвергались. Вернее, проверка была, но уже задним числом. Когда первый хмырь на нее пытался свой кредит переоформить. А второй...

Лавров чуть не удавил урода, узнав, что он Машку ударил головой о стену, уговаривая подделать банковские документы, чтобы избавить себя от необходимости платить по ипотеке.

Теперь-то что?! Вернее, кто?! Почему она так озабочена? Впервые озабочена!

— И кто на сей раз, Маша?

— Коллега, — призналась она со вздохом.

— О! Уже неплохо. — Лавров чуть расслабился. — Коллега чем занимается?

— Он в кредитном отделе менеджер. — Ее локоток встал на стол, мордаха опустилась на кулачок, румяная щечка сморщилась. — Хороший парень. Двадцать девять лет, как и мне. Местный. Зовут Володя...

— А фамилия у твоего Володи имеется?

— Имеется, — с неуверенным вздохом произнесла Маша. И тут же неожиданно предупредила: — Только она тебе не понравится.

— Говори!

— Филиченков...

Оранжевый свет воскресного утра мгновенно раскалился за окном. Он плеснул огненными брызгами через стекло в лицо Лаврову. Он опалил брови, он выжег ему глаза, высушил горло. Саша перестал дышать на какое-то время.

— Как-как его фамилия? — переспросил он в надежде, что ослышался, что эта глупая деваха решила его разыграть, помотать нервы воскресным оранжевым утром. — Филиченков?!

— Да, — тихо, почти шепотом подтвердила Машка. И глянула на него с несмелым вызовом. — И чё такого-то, Саш? Подумаешь! Это однофамилец! Скорее всего, однофамилец!

— Да-да, конечно.

Он подергал плечами, медленно полез из-за стола, встал одним боком к окну, вторым к двери, вытянул руку в сторону выхода, как регулировщик, и проговорил:

— Если ты решила, а ты решила... Тебе здесь больше делать нечего. Уходи.

— Как уходить, Саш?

Он промолчал, продолжая регулировать движение в своей кухне. Машка прошлепала босыми ступнями мимо него к кухонной двери с опущенной головой, поникшей спиной. Шмыгнула носом, поравнявшись. И еще раз спросила:

— Как уходить, Саш?

— Навсегда уходи, Маш. Навсегда...

Он не смотрел на нее, не потому, что не хотел, а потому, что не увидел бы. Он видел сейчас кое-что другое.

Утро было тогда...

Да обычным было то утро. Ранним, правда, очень ранним и туманным сильно. Было зябко, сыро. Туман пропитал одежду, лип к лицу, елозил за воротником. Хотелось сжаться в комок в каком-нибудь теплом углу, а не идти, крадучись, к заброшенным ангарам. Они были уверены, что там никого нет. Были уверены, что анонимный звонок — это лажа. Поехали проверить. Просто проверить. Конец дежурства, поехали? А поехали, все время быстрее пройдет. Они расслабились с Виталькой Сухаревым — другом и напарником.

Конец дежурства, в сон клонило, тут еще туман, прохладно. Поэтому и попали в переплет, в перестрелку. Виталика прошило очередью сразу. Он странно дернулся, глянул в его сторону затухающими глазами и упал лицом вниз. А он...

Он потом орал и стрелял. Орал, матерился что есть мочи и стрелял. Куда-то в пустоту, в темноту, откуда в него тоже стреляли. Соображал плохо. Казалось, что его окружила целая банда. Что палят отовсюду. Пули со свистом летели над головой, щелкали о стены, выбивая фонтаны штукатурки. Все ревело и грохотало вокруг. А когда предутренние сумерки отступили, когда туман съежился и растворился в лучах вывалившегося из-за бугра солнца, оказалось, что он давно не один. Прибыло подкрепление. Кто-то вызвал, услыхав стрельбу со стороны заброшенных ангаров. Может, все тот же аноним, сообщивший, что в ангарах нынче под утро должна пройти серьезная сделка торговцев оружием? Может, и он. Но подкрепление прибыло вовремя, у него совсем не осталось патронов. Хоть камнями начинай кидаться. Хорошо, что «левый» ствол был при нем и два магазина запасных, и Виталик обоймами запасся, а так бы...

Бандитов забрали почти всех. Кого-то подстрелили. Руководил сделкой некто Филиченков Игнат Владимирович. Он же и убил Виталика. И подельники показали на него. И сам он потом сознался. По совокупности преступлений дали ему пожизненное. У него будто бы осталась семья. Лавров не вникал. Он страдал от потери друга очень долго. Еще дольше ругал себя, что не проконтролировал, что позволил расслабиться себе и Виталику.

У Витальки осталось двое детей — близнецы Генка и Сережка, и бывшая жена — непутевая Маринка, блудная и неработающая. Виталик бросил ее, но не бросил детей. Помогал им, возился с ними. И вдруг пацаны остались совсем одни. Отца не стало, матери, по сути, и не было.

Ох как страдал в те дни Лавров. Ох как было ему больно! Ох как он клялся тогда, что если вдруг когда-нибудь судьба сведет его с кем-нибудь из Филиченковых, то он...

А что, собственно, он?! Он вот стоит и смотрит в несчастную Машкину спину с заострившимися лопатками. И позволяет ей уйти и самой разбираться с этим Володей Филиченковым! А она разберется точно! Она так разберется, что мама не горюй!

Одного друга потерял из-за этой фамилии, теперь что, и ее еще потерять?

— Стоять! — скомандовал ей Лавров, скрипнув зубами.

Машка послушно остановилась на выходе.

— Вернулась и села!

Маша вернулась и замерла в уголочке на стульчике. Вымахала дылда под метр восемьдесят, тридцатник скоро, дважды замуж сходила, а дите дитем. Что с ней делать?!

— Рассказывай, — приказал Лавров и тут же потрогал бок медного кофейника.

Кофейник был горячим. Он налил себе в кружку. Сыпанул сахарку, помешал.

— В общем, так...

Она положила ладошки на стол, погладила, будто скатерть пыталась расправить. Только там ее отродясь не бывало. Даже в праздники. Аскетичными

они у него всегда выходили, праздники эти чертовы. Не до них все было, работу он свою работал!

— Он появился в нашем банке месяца три назад.

— Сколько-сколько?! — Лавров обхватил голову руками. — Машка! Ну, Машка же!

— Саш, не начинай, — промямлила она, робко глянула на кружку в его руке. — Дай хлебнуть.

Он сунул ей кружку, Машка шумно глотнула раз, другой. Покосилась на него, вернула кружку.

— Я понимаю, что для замужества знакомство в три месяца это ничто, но...

Машка повела плечиками. Это ее движение было хорошо знакомо Лаврову. Чем черт не шутит, так? Или можно и год встречаться, а человека не узнаешь, так? Или еще вариант был: подумаешь, три месяца! Любовь, она нечаянно нагрянет...

Так вот всегда поводила Машка плечиками, когда тупила и выскакивала замуж. И за это Лаврову хотелось ее посадить под замок. В какую-нибудь темную-претемную темницу с ворохом шерсти, которую бы она пряла, не переставая, и думала, думала, думала, почему же она такая дура?

— Но, Саша, твои родители в поезде познакомились, когда из Владивостока в Москву ехали! И на вокзале в Москве сразу взяли такси и в загс поехали заявление подавать.

И угораздило же его — придурка — рассказать ей об этой семейной легенде! Он сам-то в нее верил с трудом, все время виделся ему в истории этой какой-то подвох, а Машке понравилось сразу. Еще бы!

— А тут целых три месяца, Саш! — продолжила развивать тему Маша.

— Действительно! Это же целых девяносто дней! — фыркнул он со злостью. Помыл кружку, прошелся по кухне. Сел на нелюбимое место. — И? Чего топчешься? Говори, что смутило тебя впервые в жизни? Он позвал тебя замуж, я правильно понял?

— Да. Вчера позвал.

Ее длинные ресницы вспорхнули, выпустив наружу огонек невероятного счастья, но, наткнувшись на угрюмый взгляд Лаврова, счастье тут же устыдилось и улизнуло.

— Сделал мне предложение, — поправилась Маша и зачем-то добавила: — Володя...

— А с чего вдруг? Вы встречались? Все эти девяносто дней вы встречались?

— И да и нет, — нехотя призналась соседка.

— Как это?! — вытаращился Лавров.

— Как-то так выходило, что нас никогда с ним не оставляли наедине. То одна девочка, то другая с нами увяжется.

— Куда вязалась девочка? — поднял темные брови Лавров.

— Ну... То в кафе, то в кино, то в клуб.

— Каждый раз девочки были разные?

— Ну да, почти.

— А ты не менялась? В том смысле, что...

— Да поняла я. — Машка поморщилась. — Да, правильно. Он, я и кто-нибудь еще.

— Кто инициировал этих «кто-нибудь еще»?

— Они сами. Навязывались. И вот вчера...

Машкины щеки густо покраснели. Голова опустилась настолько низко, насколько это вообще было возможно в ее сидячем положении. Еще чуть — и она уткнулась бы лбом в стол.

— И вот вчера вы остались наконец одни, и он тут же сделал тебе предложение, так? — решил он ей немного помочь.

— Так, — кивнула она.

— Что способствовало этому, Маша? — вкрадчиво поинтересовался Лавров, заподозрив неладное. — Ты притащила его к себе, и вы переспали? И он тут же сделал тебе предложение?

— Типа того, — промямлила она. Теперь у нее покраснела и шея. — Переспали. И тут же сделал мне предложение.

— Как порядочный человек он должен жениться, а как же! — Лавров выматерился, шлепнул ладонями по коленкам. — Маш, что могу тебе сказать...

— Что? — Голова не поднималась.

— Ты дура, Маш!

— Да иди ты, — неожиданно беззлобно огрызнулась она и, подняв голову, глянула на Лаврова глазами влюбленной дуры. — Он такой, Саш... Он такой хороший...

Он промолчал. Хотя мог бы напомнить, что нечто подобное он слышал и о первом ее супруге, и о втором. Но он промолчал. Ему вдруг сделалось любопытно. Да так, что ладони зачесались.

А с какой такой блажи Владимир Филиченков запал на его соседку? С той, что она начальница кредитного отдела банка? Что зарплата у нее хорошая, да и так в деньгах нет нужды, родители снабжают? Что жилплощадь у нее завидная — центр города, просторная трешка, не в залоге, между прочим, две лоджии, мебель модная, ремонт дорогущий? Поэтому? Или еще какая причина кроется в неожиданном предложении руки и сердца Филиченкова Владимира?

Может, причина в том, что он — Лавров Александр — способствовал поимке и аресту Филиченкова Игната Владимировича? Кем ему приходится юный Владимир, а? Кем?! Не однофамильцем же, не смешите! Это не Иванов с Петровым, это Филиченковы. Таких фамилий одна на тысячу, а то и на сто тысяч...

— Так, ладно, это я понял.

— Что?

— Что он красавец, хорош в постели и благороден, как Айвенго. Дальше-то что?

— Что? — Машка тупела на глазах.

— Что еще ты хочешь о нем узнать, дорогая моя? Что тебя смущает? Ну!

— Понимаешь... — Машкины пальчики сплелись невероятным узором. — Как-то все неправильно с ним, Саш.

— Ух ты! — с невольной радостью вырвалось у него. — Взрослеешь? И что неправильно-то?

— Я спросила его о родителях. А он говорит, что лучше бы он был из детского дома, представляешь? — Ее ротик тронула недоверчивая ухмылка. — Что, мол, семья у него неблагополучная. А одевается лучше нашего управляющего! Часы дорогие. Образование опять же блестящее! Что-то не верится. Что мальчик из неблагополучной семьи мог бы там учиться.

— Молодец! — похвалил Лавров.

И подумал, что, может, не все так плохо, может, и одумается влюбленная коза и остепенится? Перестанет водить под венец каждые два года уродов всяких.

— Потом его зовут Володя, так? Я сама паспорт его смотрела, когда на работу принимала, собеседо-

вание было. — Пальчики распустились, разошлись в разные стороны и тут же снова схлестнулись узором замысловатее прежнего. — А недавно ему кто-то позвонил на мобильный, какая-то женщина и отчетливо назвала его Алешей. Я слышала!

— Оп-па! — Лавров накрыл ладонями голову, прищурился на Машку. — Ты спросила у него об этом?

— Нет. Скажет еще, что я подслушиваю! — возмутилась она.

— Но ты же подслушивала, Маш, — хихикнул Саша.

— Нет! Просто так вышло!

— А о чем шел разговор?

— Точно не могу сказать. Звонившая спросила о чем-то, а потом говорит, ну что же ты, Алеша?

Лавров вдруг вспомнил новую хохму: Алексей, мол, это имя, а Алеша уже диагноз. Так что вполне мог кто-то эту хохму пустить в дело при разговоре с Филиченковым.

Но Машку радовать прежде времени не стоило. Пусть попереживает.

— А он что? Что ответил звонившей?

— Он? Он как-то смутился. Съежился. И сразу предложил мне встретиться у меня без девочек.

— Ух ты! — Ладони сползли с головы на шею, помяли мышцы плеч. — И тебя смущает все это?

— Да, — кратко ответила Машка и устремила несчастный взгляд за окно, где в солнечном свете плавал, как в масле, город. — И сегодня мы собираемся с ним ехать за город.

— Куда конкретно?

— Этого я не знаю, Саш. Просто, сказал, посидим где-нибудь, отметим помолвку, вкусно поедим.

— Ага... Он это... — Лавров потеребил основание безымянного пальца на правой руке. — Кольцо-то тебе подарил?

— Сказал — сегодня.

— Ага. Сегодня, стало быть. А что у нас сегодня? — Он глянул на численник, где странички не отрывались со дня его увольнения. Перевел взгляд на Машку. — Правильно. Сегодня у нас воскресенье. Ладно, я понял. Ты хочешь, чтобы я тебя подстраховал.

— В смысле? — снова начала тупить соседка.

— Прокатился за вами, понаблюдал. Так?

— Ну-у, не знаю. — Она махнула русой гривой. Глянула с надеждой. — А ты можешь? Не занят?

Не занят он был. И беситься уже начал от незанятости своей. Даже начали приходить в голову шальные мысли: а не вернуться ли? Бывший начальник тут звонил, просил зайти, поговорить. Бывшие коллеги шепнули, что назад звать его собрался. Раскрываемости, мол, никакой. Кадры так себе идут. Лавров пока ломался, не шел. Но, судя по психозу, в каком он просыпался который день, это не за горами.

— Ладно. На какое время назначен ваш выезд за город?

— На пятнадцать ноль-ноль.

Машка робко улыбнулась, поняв, что Саша сдался, он поможет, он не бросит. Не оставит ее один на один с милым симпатичным Володей, в котором даже ей — безмозглой — чудилась какая-то червоточинка.

— Он за мной заедет. И мы...

— Понял. Ладно, иди умывайся. И это... — Лавров проводил ее вихляющуюся едва прикрытую поп-

ку осуждающим взглядом. — Надень на себя что-нибудь поприличнее.

— Хорошо, — кивнула Машка, и через мгновение хлопнула входная дверь.

Она ушла.

Лавров рассеянно осмотрел свою аккуратную скромную кухню. Два бежевого цвета шкафа наверху, два внизу, раковина, газовая плита, обеденный стол, стулья, окно без занавесок. Зачем они на третьем этаже, рассуждал он, заполняя кухонное пространство. Перевел взгляд на стул в уголочке, где только что сидела Машка. Хорошая девчонка, талантливая, перспективная в своем банковском деле, но такая по жизни наивная. Хорошо, в этот раз ума хватило обратиться к нему за помощью.

В три часа пополудни, значит? Лавров глянул на часы. Половина одиннадцатого. Времени предостаточно, чтобы принять душ, побриться, одеться и сбегать в магазин. Полки его холодильника пора было заполнять.

Лавров вошел в ванную и уставился на свое отражение в зеркале над раковиной.

Хорошей формы череп. Но он точно знал, что если его не брить каждую неделю, то полезет странная мягкая поросль, стоящая дыбом, которая потом начнет закручиваться мелкими кудряшками. Бр-р, с подросткового возраста не терпел своих кудрей. И всегда стриг их как можно короче.

Что еще выдающегося? Высокий лоб, темно-карие красивые глаза, правда взирающие на мир немного мрачновато. Обычный мужской нос, жесткий рот, крепкий подбородок. Среднестатистическая внешность. Таких тысячи. Но Машка утверждает,

что он симпатичный и при своих внешних данных давно мог бы найти себе королеву.

Вопрос! Что он с ней станет делать, с королевой той? Прислуживать? Развлекать? Он так не может. Он может обычно, просто, без затей. А королевы так не могут. Им необходимо поклонение.

— Н-да...

Лавров со злостью плеснул горсть воды на свое лицо, взял в руки флакон пены для бритья, тряхнул, выдавил. Несколько пышных белых капель с мягким шипением выползли в ладонь, тут же шипение захлебнулось, затихло. Пена кончилась! Как бриться? А морда заросла, да. Он потер колючие щеки, кое-как намылил, поскоблил станком. Почистил зубы. Тюбик зубной пасты пришлось выворачивать спиралью, тоже кирдык, закончилась. Полез под душ, моля бога, чтобы и вода на нем не закончилась.

Как-то не задался день у Лаврова, хоть и плескалось с утра за окном все в солнечном свете, радуя глаз. У него не задался. Кассирша на кассе в супермаркете попыталась обсчитать на шестьдесят копеек. Мелочь, а неприятно. Потом какой-то умник подпер его машину на стоянке перед магазином, и пришлось ждать полчаса, пока этот толстозадый дядя вернется. И ладно бы извинился, облаял еще.

Из машины во дворе собственного дома Лавров вылезал в самом скверном настроении. Машинально отметил, что машина Машки на месте. Балконная дверь распахнута настежь. Занавеску надувает волдырем. Значит, дома. Она всегда закрывала балкон, когда уходила куда-то. Сегодня должна была уйти перья чистить перед свиданием. Это тоже одно из ее правил.

Лавров вытащил из багажника два огромных пакета с покупками, запер машину, сделал шаг и едва не наступил на Игоря Васильевича — старшего по дому.

— Здрасте, — буркнул Лавров и попытался его обойти.

Но не тут-то было! Пожилой мужчина тут же преградил ему путь и пробормотал тихо «здрасте», посматривая то на Сашу, то на какую-то бумагу, зажатую в руке. Так, будто сверял с какими-то нужными ему данными.

— Я вас слушаю. — Лавров удобнее перехватил пакеты. — Проблемы?

— Сэршенно верно, — прошелестел Игорь Васильевич, проглотив несколько букв. — У нас проблемы.

— И в чем суть?

Лавров задрал голову к Машкиному балкону. За раздутой парусом занавеской кто-то мелькал. Хоть бы выглянула и догадалась позвать его. Очень не хотелось общаться с этим въедливым мужиком, вознамерившимся выкрасть у Лаврова часть его воскресного времени. Оно, конечно, не было строго расписано. И свободного времени у него, если честно, теперь было хоть отбавляй. Но! Об этом ведь никто не знал. Никто, кроме самого Лаврова и Машки еще. Ну и бывших коллег, но они по соседству не жили.

— Я слушаю вас, Игорь Васильевич, — поторопил его Лавров, поскольку мужик не торопился, продолжая рассматривать что-то на бумаге.

— Ах да, простите, Ас-н-др Иваныч, — снова глотая слоги, опомнился старший по дому. Протянул ему бумагу, развернув ее так, чтобы Лавров мог смотреть не притрагиваясь. — Вы это видели?

На бумаге было фото мужчины, ниже текст. Обычная ориентировка на преступника. Он таких за время работы видел множество.

— Что это, Игорь Васильевич?

Лавров задрал голову. Машка вышла на балкон в стильных брючках в обтяжку, черном свитере. Слава богу, хоть оделась, тут же подумал Саша. Волосы она уложила великолепной башенкой. Прическа делала ее строгой и неприступной. Ему понравилось.

— Это преступник, — коротко ответил, отвлекая, управдом. — Его подозревают в страшных преступлениях.

— Допустим. Я-то тут при чем?

— Вы бывший сотрудник полиции. Ныне безработный, — удивил его осведомленностью сосед из соседнего подъезда. — То есть ничем не занятый.

— И вы меня желаете занять? — Лавров развеселился, на какое-то время оторвав взгляд от Машки, делающей ему какие-то знаки с балкона.

— Не я желаю. А все мы!

Игорь Васильевич широко растопырил руки, упакованные в такую жару в рукава теплой куртки.

— Все вы, это кто?

— Это общественность! — возмутился и покраснел Игорь Васильевич. Хотя покраснеть он запросто мог и оттого, что зажарился.

— И что же хочет от меня общественность?

Саша насмешливо посматривал с высоты своих почти метр девяносто на тщедушного коротышку.

— Пользы! Пользы, гражданин Лавров! — четко, забыв проглатывать слоги, проговорил мужчина. — Вы — ныне безработный, должны приносить обществу пользу. Вас и так слишком долго не задейство-

вали! Вы никогда не выходили на субботники. Не посадили ни одного дерева. Ни одной кормушки не повесили на деревьях для птиц.

Лавров огляделся. Насчитал четыре кормушки, сотворенные умельцами из пластиковых бутылок. Два скворечника. Но он ни разу не слыхал по весне, как поют скворцы!

— И мы вас не беспокоили, понимая, что это не для вас! Это не ваше! Но это вот... — Лист бумаги гневно задрожал перед глазами Лаврова. — Это по вашей части! И вы не должны оставаться безучастным. Тем более что...

Игорь Васильевич неожиданно выдохся или окончательно зажарился на солнцепеке в теплой куртке, схватился за сердце и дышал какое-то время широко распахнутым ртом, как выброшенная на берег рыбина.

— Тем более что, Игорь Васильевич? — сжалился над мужиком Лавров.

Спешить было больше некуда. За Машкиной спиной на балконе выросла фигура высокого крепыша в светлой водолазке в обтяжку. Фигура протянула две сильные мускулистые руки, обхватила Машку под грудью и увлекла с балкона за занавеску-парус.

— Тем более что этого преступника видели в нашем районе! — чуть с меньшим нажимом возмутился управдом.

— В самом деле? — поинтересовался Саша.

Но рассеянно поинтересовался, из вежливости скорее. Мысли были сейчас заняты другим. Тем самым крепышом, что позволил себе принародно лапать Машку и тащить ее собственнически с балкона. Может, он ее теперь еще и раздевать станет?

Снимет с нее черный свитер и все остальное, растреплет аккуратную строгую прическу и...

— Вы меня не слушаете! — в отчаянии всплеснул руками в толстых рукавах толстой куртки Игорь Васильевич.

— Простите. Отвлекся, — честно признался Саша. — Итак, этого преступника предположительно видели в нашем районе. Я правильно вас понял?

— Не предположительно. А видели! — с нажимом поправил мужчина. — Пошли к участковому. Они обошли почти все квартиры наших трех домов. Пусто! Нигде не проживает человек с такими приметами. И никто его не видел.

— Ну вот видите. — Лавров сделал пробный шаг с автомобильной стоянки. — А говорите, видели. И тут же — никто его не видел. Как понимать?

— А так! — с обидой отозвался мужчина, складывая лист вдвое. — Видела его моя супруга, когда четыре дня назад выгуливала собаку около полуночи. Сявочке приспичило, понимаете? Она и пошла. А этот мужик... На детской площадке, на карусельках сидит и на наш дом посматривает.

— Да ладно! — не поверил Лавров, вспоминая его жену с Сявочкой под мышкой. — Могла и обознаться.

И про себя подумал, что обознаться могла, чтобы в следующий раз Сявочку ночью на улицу не тащить, когда той приспичит. Просто решила безалаберного мужа попугать.

— Она, может, и могла, — не стал спорить управдом. — Но я-то не мог! Я тоже его видел, когда с Сявочкой выходил.

— А-а, понятно...

Лавров прищурился. Стало быть, жену он на вечерних собачьих прогулках все же сменил, так?

— А еще кто видел этого человека? — Саша кивнул на сложенный листок, подрагивающий в перегревшихся руках управдома.

— Никто, — нехотя признался он. — Как это у вас говорится: поквартирный обход ничего не дал. Не выявил.

— Стало быть, видели его только вы и ваша жена? — подвел черту Лавров и широко зашагал к своему подъезду.

Игорь Васильевич семенил рядом, не отставал.

— Стало быть, так, — запыхавшись, пробормотал он.

Потом каким-то невероятным образом обогнал на ступеньках Лаврова. Опередив его на мгновение, привалился спиной к подъездной двери и глянул страшными глазами ему прямо в рот, выше не получилось, Саша стоял слишком близко.

— Не думайте, что мы выдумываем, — зашептал он быстро и вдруг начал совать свернутый лист бумаги в один из пакетов с покупками. — Все, чего мы хотим, это обратить ваше внимание! Пробудить в вас бдительность!

— Вы — это ваша жена и вы? — Саша кивком подбородка велел ему убираться с дороги.

— Мы — это общественность, гражданин Лавров! — взвизгнул Игорь Васильевич уже за его спиной.

Саша вошел в подъезд, дверь хлопнула, замочек щелкнул, и стало так тихо, что он чуть не запел от радости. Он всегда пел, когда радовался. Некрасиво, фальшиво и чтобы никто не слышал.

На свой третий этаж пошел пешком. У двери нарочно долго возился с ключами, старательно прислушиваясь к звукам из Машкиной квартиры. Но там было тихо. Очень тихо. Отвратительно тихо! Думать о том, чем вызвана такая тишина, не хотелось.

Он вошел к себе, захлопнул дверь, скинул ботинки и понес пакеты в кухню. Быстро разложил все по полкам холодильника и шкафов. Швырнул на подоконник свернутый лист бумаги, который всучил ему Игорь Васильевич. Скомкал пакеты в комок и сунул в нижний ящик шкафа у окна. Там уже гора была этих шуршащих шариков. Каждый раз, выходя из дома в магазин, забывал брать с собой. Потом добавлял, вернувшись, к остальным. И почему-то не выбрасывал. Почему?

Саша глянул на часы над обеденным столом, почти половина второго. Успеет пообедать, сварить очередную порцию кофе и отправиться следом за Машкой, на загородную прогулку.

Лавров поставил сковороду на огонь, быстро очистил и нарезал в нее три картофелины размером с его кулак, накрыл крышкой. Нарезал свежих огурцов, колбасы, открыл банку зеленого горошка. Кофейник уже нагревался.

На улицу он вышел в половине третьего. Привычно огляделся. Машкина машина по-прежнему на стоянке. Балконная дверь открыта. Штора отдернута, обнажая черную дыру Машкиной гостиной. Никакого движения в обнажившемся проеме балконной двери.

Лавров вымыл стекла машины, сел за руль, начал полировать панель. Без пяти три они вышли из

подъезда. Маша в тех же стильных брючках, черном свитере, с той же строгой прической. То, что она не растрепана и не переодета, Лаврова порадовало. Фигура в обтягивающей водолазке шагала рядом, одной рукой придерживая Марию за талию, второй размахивая с такой интенсивностью, будто решила взбить воздух в крепкую пену.

Не придирайся! — одернул себя Лавров. Она собирается за него замуж. И может прожить с ним долго и счастливо, и даже нарожать ему таких же крепких и мускулистых детишек. И фамилию они все вместе станут носить — Филиченковы. И ничего с этим уже поделать нельзя. Потому что Машка смотрит на этого крепыша с обожанием. А она это умела! В смысле — обожать!

Впившись в лицо крепыша, Лавров не нашел в нем никакого сходства с осужденным на пожизненный срок Игнатом Владимировичем, расстрелявшим в упор его друга более десяти лет назад. Игнат Филиченков был высоким, худым, с узким морщинистым лицом, запавшими серыми глазами, губастым ртом, огромными залысинами. Этот был...

Этот был хорош, со вздохом признал Лавров. Красивое лицо, красивая фигура, мягкие губы, мягкий голубоглазый взгляд, шикарная темноволосая шевелюра. Хорош, стервец. Неудивительно, что у Машки крышу сорвало через девяносто дней знакомства.

Молодые люди подошли к ее машине, расселись. Машка успела подмигнуть Лаврову, когда устраивалась за рулем. Это порадовало. Значит, помнит их уговор. Не одурела окончательно от голубоглазого красавчика.

Со двора они выехали с интервалом в три минуты. Пропустив впереди себя три машины, Лавров прочно держался у них в хвосте до самой «Загородной Станицы».

Имелось у них в городе такое заведение, на любой вкус, на любой кошелек. Тут вам крытый и открытый бассейны, рестораны и кафе, гостиницы и кемпинги, площадки для танцев и закрытые танцзалы, куда частенько приглашали знаменитостей. И теннисный корт даже имелся. Место было посещаемым, и всегда тут бывало многолюдно. Поэтому молодую пару Лавров потерял почти сразу. Пока искал место на стоянке, пока расплачивался с парковщиком, Машка с хахалем своим уже куда-то улизнула. Не обходить же все бары и рестораны по очереди! Их тут десятка полтора. Да и войти и ничего не заказать, Лавров не любил.

Он побродил по красивым аллеям. Постоял у пруда, покормил черствой булкой, купленной там же с лотка, жирных уток. Потом зашел в боулинг, понаблюдал за игрой, выпив пол-литра безалкогольного пива. Вернулся на стоянку. Машина соседки была на месте. Уже неплохо. Значит, отдых продолжается.

Опустив стекло со своей стороны, он откинул сиденье и решил подремать. Минут сорок дремал. Может, больше, как-то не уследил за временем. Потом вдруг вздрогнул от какого-то резкого хлопка и очнулся.

Время катилось к вечеру, солнце умчалось на запад, оставив за собой длинные тени от зданий и деревьев. Машин на стоянке осталось совсем мало. Машкина была все еще в соседнем ряду. Он выбрал-

ся из машины, потянулся, прошелся метров десять в одну сторону, потом назад, разминаясь. Поежился от неожиданной прохлады, хлынувшей из ближнего леса. Не обманул прогноз. Последний день был солнечный. Завтра холод, потом снег.

Вот тогда узнаете, подумал Лавров с мимолетным раздражением, рассматривая шумное семейство, бредущее к своему внедорожнику.

Мама была высокой и красивой. В нарядном спортивном костюме, кроссовках, белокурые волосы перетянуты спортивной повязкой. Она шла грациозно рядом с папой, улыбаясь его словам, которые он шептал ей на ухо. Папа тоже был высоким, но заурядной внешности, тоже в спортивном костюме, в руках по сумке. Двое детишек — шумных, активных, нарядных. Семья шла к машине, обсуждая меню воскресного ужина. Время от времени они со смехом вспоминали неудачи какого-то Макса на беговой дорожке. Максом оказался один из нарядных детенышей. Принявшись сердито огрызаться, он от них поотстал. Потом, заметив, что Лавров за ними наблюдает, неожиданно показал ему язык. Саша пожал плечами и полез в машину.

Черт с ними, решил он, поднимая стекло и включая печку, чтобы противный озноб не сотрясал тело, делая его слабым. Семейка на отдыхе! Прямо рекламный ролик, а не семейка! А мальчик-то... Мальчик при всей их нарядности и успешности семейной воспитан дурно.

Тут в его окошко коротко стукнули. Он приоткрыл дверь, высунулся наружу, почти не видя в сгустившихся сумерках, кто стоит перед ним, и тут же дикой силы удар обрушился на его обритый череп...

ГЛАВА 2

Прежде чем открыть глаза, Лавров подумал, что торопиться ему никуда не нужно. Он не работает нигде. Он уже несколько недель не заводит будильник, щелканье которого ненавидел пуще щелканья затвора пистолетного. Какого же хрена он все время просыпается так рано?! Изо дня в день! Каждое утро! Как на дежурство!

Он завозился, устраиваясь поудобнее. Подивился тому, как страшно болит голова. Попытался вспомнить причину, не вышло. Подумал, что вчера, наверное, дико надрался, раз ничего не помнит и так болит башка. Шумно втянул носом воздух, поморщился. Воняло отвратительно. Он что же, мало того что вчера устроил оргию, так еще и устроил ее дома?! И какие-то бабы переговариваются. Точно! Притащил вчера к себе проституток, надрался с ними, нагадил в квартире, теперь вот как следствие головная боль, вонь.

— Ну что, очнулся?

Голос, больно уткнувшийся ему в висок острым гвоздем, показался знакомым.

— Кажется, нет, — робко шепнула одна из проституток.

— Очнулся, очнулся, я же вижу, — радостно произнес все тот же знакомый, острый, как гвоздь, голос. — Водички ему подайте, милая.

Где-то забулькала вода. «Милая» хлопочет, сообразил Лавров. Потом на лицо его упало несколько капель живительной влаги, затем вода коснулась губ, он жадно глотнул, раз, другой. И открыл глаза.

Картинка была смутной, плыла и корчилась перед глазами, но «милую» в белом халатике он рассмотрел. И тут же ужаснулся.

Ролевые игры! Они обожрались вчера с кем-то и устроили ролевые игры! И мужик со знакомым голосом тоже в белом. Хотя на роль доктора он ни черта не тянет. Скорее на опера. Пропитого, побитого жизнью, как старая шляпа молью, прокуренного и странно похожего на Женьку Заломова — его бывшего коллегу.

— Ну че, безработный? Доигрался в частного детектива? — съязвил острый Женькин, точно его, голос. — Получил по кумполу?

— Ты-ы?! — протяжно выдохнул Лавров.

— Я-а-а-а... — передразнил его Заломов и ощерил желтые прокуренные зубы. — Как ты, бродяга?

— Башка трещит. Я где? В больничке, что ли?

Лавров сообразил уже, что девушка в белом халатике с грустным милым лицом никак не может быть проституткой, которую он вчера приволок к себе в дом, чтобы затеять с ней ролевые игры. И Женьке ни к чему в халат рядиться. Он не из таких затейников. Он обычный.

— В больничке, в больничке, — поддакнул Женька, поставил локоток на коленку, подпер подбородок с вчерашней щетиной. — Доставила «неотложка» из «Загородной Станицы». Сначала наши подумали, что запил ты, загулял. И нарвался на какого-нибудь ревнивого мужа или любовника. Потом анализ доктора взяли, нет, говорят, трезв как стеклышко. В машине сидел с пробитым кумполом. Весь в крови... Вещей никаких нет. Значит, никуда уезжать не собирался. Думаю, пасет кого-то наш профи. Правильно я догадался?

— Не совсем. — Лавров попытался приподняться на локтях, но его будто к простыням пришили, тело даже не колыхнулось. Он перепугался. — Я хоть не парализован? Чего-то ноги не двигаются?

— С вами все в порядке, — пискнула девчонка в белом халатике. — Сильное сотрясение, шишка на голове. А так...

— А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо, — пропел прокуренным голосом, сильно смахивающим на голос Утесова, Женька. — Ладно, Саня, ты говори, что помнишь, я запишу, заяву там накатай и...

— Иди ты, Жэка, к черту. — Лавров слабо улыбнулся. — Какая заява? О чем ты? Тебе нужно?

— Мне? — Его палец с желтым ногтем уткнулся в поношенный джемпер. — Мне нет. Начальству нужно. Чтобы, говорит, никому не повадно было на наших сотрудников нападать. Даже на бывших. Так чего?

— А ничего. Упал я. Споткнулся в темноте, упал, — начал сочинять Лавров версию для начальства, оскорбившегося за него. — Еле до машины добрался. Там меня «неотложка» и подобрала.

— Чего метешь-то, Саня? — Женька с радостью захлопнул папку, где собирался записывать показания пострадавшего. — «Неотложки» у нас по автомобильным стоянкам не ездят пострадавших подбирать. Ты мне вот лучше скажи...

— Ты мне вот лучше скажи — где мои шмотки? — Лавров выпростал из-под одеяла голую ступню, повертел ею. — А еще лучше притащи их мне, и мы с тобой домой ко мне поедем. Посидим, как раньше.

— Это бы хорошо... — мечтательно произнес Жэка, почесав заросший кадык. — Только ведь на службе я, брат. Понедельник нонче. Что начальству скажу?

— А скажешь, что пострадавший капризничает. И говорить, скажи, станет только в домашних стенах.

— О! Это вариант! Я всегда говорил, что в твоем лице наш отдел лишился таких мозгов... Таких мозгов!

— Вам нельзя шевелиться! — пискнула «милая» в белом халатике.

Но ее слабый писк потонул в деловитой Женькиной суете, слабых стонах пострадавшего Лаврова и оглушительном скрипе пружин больничной койки, это Саша поднялся лишь с пятой попытки. Кое-как выбравшись на улицу, они поймали такси и поехали к Лаврову домой.

— Тачка моя где? — Он потрогал тугую повязку на голове.

— Отогнали ребята. У твоего дома. — Жэка со вздохом инспектировал содержимое своего кошелька. — Денег нет ни черта после выходных.

— Дочка в гости приходила? — догадался Лавров.

— Она самая, — кивнул Заломов.

Как и положено старому оперу, Заломов состоял в разводе. Какая нормальная женщина станет терпеть больше десяти лет постоянное отсутствие мужа дома, его вечные посиделки с пацанами, прокуренный до хрипоты голос, простуженный от чертовой работы взгляд? Если только она не в здравом уме, тогда да, надежда еще может быть. А так...

А так, как и полагалось нормальной здравомыслящей бабе, жена его оставила еще лет пять назад. Ушла, не взяв с собой ничего и плюнув на порог его маленькой квартирки.

«Чтоб тебе, Заломов, пусто было!» — пожелала она напоследок.

Он не возражал. Понимал, что с ним и правда невозможно. Хозяйство велось без него. Дочь росла тоже без него. В постели он...

Да он до нее еле добирался!

С женой они потом практически не общались. Дочка навещала. В последнее время все больше из-за финансовой необходимости.

— Чё, Саня? Может, сразу заехать, взять чегонить? — Женька покрутил зажатой меж пальцев пятьсотрублевкой.

— Может, и взять. Жратвы у меня полно, — тут же вспомнил он про вчерашний свой поход в магазин. — Так что закуска есть. Меня пускай до подъезда, а ты там сам уж... Что-то башка трещит, Жэка, не по-детски...

Машкиной машины на стоянке перед домом не было. И балконная дверь была закрыта. Значит, на работе стрекоза. Лавров поднялся на третий этаж в лифте. Ноги держали совсем плохо. Открыл дверь, вошел в квартиру и тут же с городского телефона набрал ее рабочий номер.

— Добрый день... — тут же защебетал незнакомый голос, рассказал и про банк, и про отдел, куда Лавров попал.

— Мне Астахову можно?

— Секундочку...

Девица прикрыла трубку ладошкой, но он все равно отчетливо слышал, как она зовет Машку к телефону. И Машкин голос слышал, что-то невнятно отвечающий.

— Простите, а кто ее спрашивает? — спросила щебетунья.

— Лавров.

Саша поморщился от боли в голове. Может, доктора все же ошиблись и ему проломили черепушку? Или занозу какую нападавший оставил в его башке! Огромную такую, острую как гвоздь. Что же так болит-то?

— Да, — ответила Машка сердито. — Саня, ты?

— Я.

— Ты где вообще?

— Сейчас дома.

— А был где?

Машка говорила чужим натянутым казенным голосом. Понятно, при исполнении! Кругом подчиненные. Да еще этот, как его, Володя, где-то рядом.

— Вчера был там, в «Станице», тебя потерял из вида почти сразу. Но не уезжал, решил посидеть, подождать, и...

Он запнулся. Признаваться, что получил по башке, как лох последний, было неловко. Он для Машки всегда был героем.

— И что? — прозвучал в ухе допросный Машкин голосок, как ему показалось, зазвеневший дикой обидой.

— И кто-то меня вырубил, Маш, — решил он не врать.

Вдруг ей кто-нибудь уже сообщил? Она с Володей своим вернулась на стоянку, а там происшествие. Могла и узнать. Врать незачем.

— Что значит вырубил! — повысила она голос. Тут же чем-то громыхнула, потом протопала куда-

то с трубкой и прошипела со злостью: — Что значит вырубил?!

— По башке меня чем-то огрели. Очнулся в больнице.

Лавров еле стянул с ног туфли, прошел в комнату, прилег на диван, прикрыл глаза. Дневной свет, хоть и не такой яркий, как вчера, делал глазам больно.

— А сейчас ты дома?

— Да.

— А как ты туда попал, Лавров?! — заверещала Машка. — Тебе же наверняка лежать надо!

— Я и лежу. — Он зачем-то похлопал ладонью по дивану.

— В стационаре, Лавров! В стационаре надо лежать! — И она начала ныть и учить, учить и ныть, как это она любила делать, воспитывая его.

— Маш, не ори. Голове больно.

Лавров приоткрыл глаза, услышав суету в прихожей. В комнату сунулась заросшая щетиной Женькина рожа. Рожа довольно улыбалась. Значит, купил то, что хотел. Может, даже сэкономил. И у начальства отпросился. Чего ему еще так светиться-то?

— Саня, так я там похлопочу? — шепнул он.

Лавров согласно кивнул.

— Может, мне отпроситься, Саша? — вдруг предложила Машка.

— Зачем?! — Он не понял.

— Ну... Ухаживать за тобой стану.

— Ага! А потом мне твой мачо еще раз по башке врежет? — пошутил Лавров.

Как оказалось, неудачно.

— Ты так говоришь, будто это он тебя ударил! — возмутилась соседка. — «Еще раз»! Думай, что говоришь, Лавров!

— Ну... Извини, — нехотя произнес он, хотя извиняться из-за какого-то хлыща с буграми мышц ему не очень хотелось.

— Ладно, принимается, — шмыгнула Машка носиком. — Чего купить после работы? Пожелания какие-нибудь есть?

— Ничего не надо. Я вчера все купить успел. Да и Женька что-то принес, — прислушался Лавров к активному грохоту с кухни.

— Да знаю я, что может принести твой Женька! — фыркнула Машка почти весело. — Не обожритесь там, господа!

— Ладно тебе, — хмыкнул Лавров и тут же спохватился. — Ты лучше расскажи, как отдых твой вчера? Удался? Я что-то так быстро вас из вида потерял. Куда вы сквозанули-то, Маш?

— Ох, и не спрашивай. — Она странно хихикнула.

— Что такое? — Ее хихиканье ему не понравилось. Противное какое-то, виноватое, как у опростоволосившейся девчонки.

— Володя заказал отдельный кабинет в одном из ресторанчиков. Кухня шикарная, интерьер тоже. Все началось так красиво. Прекрасное вино. Шампанское. Кстати, он кольцо мне вчера подарил. А потом... — Она неуверенно запнулась.

— А потом? — поторопил ее Лавров, свешивая ноги с дивана.

На пороге комнаты стоял Женька с полотенцем на плече и зазывал его на кухню, размахивая руками.

— А потом я... Я ничего не помню. Напилась. Представляешь! — Она снова противно хихикнула.

— Маша! Маша, как это?! — Лавров неуверенно шагнул, пол комнаты раскачивался под ногами корабельной палубой. — Ты же всегда аккуратно пьешь!

— Всегда. А тут... — Она вздохнула, цыкнула на кого-то, кто сунулся в дверь ее кабинета. — А тут расслабилась, Саня. Сама не помню как!

— Много пила?

— И да, и нет. Но вырубило, представляешь! Володя даже перепугался. Водой мне в лицо плеснул, чтобы разбудить.

— Ты уснула?

— Да, — покаялась она. И тут же заныла: — Так стыдно, Саша! Он мне кольцо подарил, а я как поросенок!

— Так, погоди. — В разбитой голове не складывалось ни единой логической картинки, все как-то глупо громоздилось и наскакивало одно на другое. — Но ты же была за рулем! Как ты вообще могла пить?!

— Не знаю, — буркнула она недовольно. — Навеяло. А за руль я не села. Мы на такси возвращались. А сегодня рано утром Володя мне машину перегнал.

— Ты что же, Володю уже и в страховку вписала?! — прошипел Лавров, закатывая глаза.

— Она у меня без ограничения! Не начинай, Лавров. В общем, так... — Она вдохнула, выдохнула, еще и еще раз, а потом подвела черту: — Замуж я за него все равно пойду. Нравится тебе или нет, но пойду. А то, что я вчера напилась... так это от счастья!..

Саша не поленился, сходил в прихожую, положил телефонную трубку на аппарат, чтобы не разбить ее

о стену. По дороге в кухню, где уже напевал Жэка, стало быть принял соточку, завернул в ванную.

— Ну и рожа! — ахнул он своему отражению в зеркале.

Бледные щеки, обметавшиеся губы, голова перебинтована, в центре лба под бинтами угадывалась громадная шишка. Саша выдавил немного зубной пасты на щетку, чуть поерзал ею по зубам, прополоскал рот, умылся, высушил лицо полотенцем и пошел в кухню.

Жэка смастерил незатейливый салатик из огурцов, помидоров, лука и оливкового масла. Нарезал толстыми ломтями сыр и колбасу. Накромсал хлеба. В тарелке оказался только салат. Все остальное валялось на разделочной доске.

Варвар! Холостяк! Старый опер! Какая с него сервировка.

— Что ты как дикарь, Жэка? — проворчал Лавров, перекладывая сыр с колбасой в тарелку. — Ведь не на скамеечке же в парке! — И снова добавил: — Дикарь!

— Че, Машка разозлила? — догадливо подмигнул Заломов и сноровисто налил по стопке. — Слышал, слышал ваш разговор. Че она? Чудит?

— Замуж собралась! — фыркнул Саша, не став врать и отнекиваться. Жэка был своим и многое знал.

— Опять?! — вытаращился Жэка сквозь слезу, пробитую только что опрокинутой рюмкой. — В который раз уже?!

— В третий!

Саша, морщась, выпил. Не потому что хотелось. Потому что верил, что станет лучше.

— Во дура, а! — почти с восхищением выдохнул Заломов, схватил кусок колбасы, закинул в рот. —

Вот скажи, Саня, почему все бабы дуры, а?! А Машка твоя особенно!

— Она не моя, — слабо возразил Лавров, привалившись к стене в любимом своем уголочке.

— А вот и зря, что не твоя! — Жэка похлопал себя по карманам. — Блин, сигареты купить забыл.

— И хорошо. Нечего у меня тут дымить. — Лавров прислушался к головной боли. Кажется, чуть стихла. — И вообще... Когда здоровьем займешься, Жэка? Ты же молодой еще, по сути, мужик. А выглядишь...

— Ты не моя бывшая жена, чтобы мне нотации читать, — обиделся вдруг Заломов и, не предлагая Лаврову, выпил в одиночестве. Зажевал огурчиком, поморщился, потом проговорил, приложив к груди растопыренные ладони: — Понимаешь, Саня, я такой, какой я есть! Я другим не могу быть! Не могу, понимаешь! Мне комфортно в моей шкуре! Кому-то она не нравится, кого-то не устраивает, дурно пахнет, не стильная, а мне в ней комфортно! Она полностью меня устраивает. А что касаемо здоровья...

Лавров вовремя прикрыл свою рюмку ладонью, потому что Жэка частил, наливая еще по одной.

— Что касаемо здоровья, Саня... Так что здоровым буду, что болеть стану, помирать мне все равно в мой час. Как он пробьет, так и помру, Саня. Ну, давай за здоровье, что ли, в душу его мать...

Лавров больше пить не стал, обрадовавшись, что боль отступила. И сколько Жэка его ни уговаривал закрепить успех, он не поддался. Ему нужны были трезвые мозги к Машкиному возвращению. У него неожиданно появились к ней вопросы. Нехорошие, неприглядные, которые ей точно не понравятся. Но он все равно их ей задаст.

Как-то все так...

Новый ухажер ее со странной фамилией. Потом этот ее отдых, закончившийся конфузом. Он вот опять же схлопотал. А за что? Он не верил в совпадения. Считал их всегда происками. Чьими? А это пускай они там на небесах разбираются, кто шалить изволит. Просто не верил, и все.

Жэка пил почти не пьянея. Рассказывал о последних новостях. С него взял честное слово, что вспомнит все до мелочи, до минуты, что предшествовали нападению на него. Лавров пообещал вспомнить, хотя и не забывал. Он отлично помнил великолепное нарядное семейство, возвращающееся к машине после активно проведенного выходного дня. И мальчишку помнил, который ему язык показал. И он вот оклемается немного и вернется на ту стоянку. И потреплет нервы охраннику. Не мог тот ничего не видеть. Какой он, к черту, тогда охранник?!

А если он не видел, то пацан, подпортивший спортивные показатели своему милому семейству, непременно что-то видел. Лаврова ударили буквально через минуту после того, как мальчишка высунул свой язык. Пацан точно что-то видел. Вычислить их адрес по номеру машины — ерунда. Номер машины скажет охранник. А если не скажет, то...

— О чем ты? — встряхнулся он, когда Жэка повторил свой вопрос.

— Бумага с фото у тебя откуда на подоконнике? — Жэка ткнул пальцем в сторону окна, за которым сегодня все казалось серым и невзрачным.

— Сосед вручил. — Лавров досадливо поморщился, вспомнив прилипчивого Игоря Васильевича.

— Зачем?

— Призывал к бдительности. Сказал, что раз я не работаю больше в органах, то должен работать теперь на него!

— Что, прямо так и сказал? — Женька рассмеялся, подбирая с тарелки последние огурцы из салата.

— Пусть не совсем так. Но решил, что я просто обязан приносить пользу обществу, разыскивая беглых преступников. И вручил мне этот вот листок. — Саня покосился на лист.

— Опоздал ты, Саня, с розыском-то.

— А я и не торопился, — пожал Лавров плечами. — Поймали?

— Сам попался. Да так, что не выбраться уже никогда. — Жэка вдруг зябко повел плечами, глянул на Лаврова совершенно трезвыми глазами, будто и не опорожнил в одиночку половину бутылки. — Ты что, даже и не смотрел в листок?

— Нет, а кто там? — Он дотянулся до листа бумаги, развернул и замер.

Ему не было нужды читать текст. Достаточно было взглянуть на фотографию. Это невзрачное неприятное лицо забыть было невозможно. Странно, что он его не узнал из рук Игоря Васильевича.

— Ты хочешь сказать, что он сбежал? — Лавров суеверно отшвырнул от себя ориентировку. — Из той тюрьмы не сбегают! Это какая-то... Какая-то туфта, прости, Жэка!

— Сбежал, Саня. Правда, ненадолго. — Жэка с сожалением посмотрел на дно пустой тарелки из-под салата, где в масле плавали три луковых кольца.

— Что значит ненадолго?! Поймали, что ли?

— Конечно! Тут такие силы были брошены на перехват, о-о-о! — Жэка подхватил со стола распе-

чатку, глянул ненавидящими глазами в черно-белый портрет. — Сволочь!

— Как давно это случилось?

— Да почти сразу, как ты ушел.

— А чего мне не сказал?

— Так ты же ушел! — уел его друг.

Жэка свернул лист вчетверо, потом еще и осторожно порвал на мелкие части. Сложил горкой возле своего локтя.

— А поймали когда?

— Не поймали, Саша, а расстреляли! — Мощный палец Жэки с прокуренным желтым ногтем проткнул воздух над его головой. — Эту гадину расстреляли! А точнее, закидали гранатами в лесной сторожке, где он прятался.

— Ну а когда закидали-то?!

— Через три дня после его побега, — не без гордости заявил Заломов.

— А конкретнее?! — скрипнул он зубами.

— Ну-у... Месяц назад точно, как бы не побольше, — наморщил он лоб, пытаясь вспомнить. — Точной даты не могу назвать. Но уже прилично времени прошло.

Мысли у Саши снова стали путаться. Это из-за травмы, решил он. Опять картинка не складывалась. Теперь уже другая.

Как, скажите на милость, Игорь Васильевич мог видеть Игната Филиченкова у них во дворе, если его больше месяца назад расстреляли?! А жена его как могла его увидеть?! Сумасшествие какое-то!

Наверняка сорвали с доски объявлений эту бумагу с кричащим заголовком «Розыск». Прочитали, перепугались. И давай примерять эту фоторожу на

всякого подозрительного бомжа, что присел в их дворе на скамеечку. Ах нет! На качели! Ну, Игорь Васильевич, ну, блин...

Зря Жэка разорвал эту бумагу. Зря! Он бы завтра этому управдому ее на лоб пришпилил бы! Чтобы тот воду не мутил и к приличным гражданам не приставал с нелепыми предложениями. А то к бдительности он его призывал, понимаешь!

Жэка посидел еще с полчасика и засобирался.

— Не могу, Саня, начальство точно съест, если я даже к концу дня не явлюсь, — бубнил он, выдавливая зубную пасту из тюбика прямо в рот. — Сам знаешь нашу работу. Днем могу быть где-то. Но утром и вечером будь любезен появиться. Кстати, чего ты решил-то?

— Насчет чего?

Лавров маетно слонялся за Женькиной спиной, он ловил себя на мысли, что не хочет, чтобы тот уходил. Сейчас опять одиночество навалится, тоска задавит.

— Насчет нападения на тебя.

Жэка повернулся к нему с полным ртом белоснежной пены.

— Не было никакого нападения, Жэка. Так самому и скажи.

— Это я понял. Но ты ведь завтра туда поедешь, так? Станешь трясти охранника. Потом будешь искать тех, кто мог что-то видеть. И еще... И еще раз по кумполу схлопочешь. Что же я тебя не знаю, что ли! — фыркнул бывший коллега, разукрашивая каплями зубной пасты темный кафель его ванной. Согнулся над раковиной, бодро прополоскал рот.

— Если что нарою, сообщу, — не стал отнекиваться Лавров.

Они слишком долго служили бок о бок. Они слишком хорошо знали друг друга.

— Как? Не пахнет? — Жэка дыхнул Лаврову прямо в нос смесью запахов водки, лука и зубной пасты.

— Пахнет. Жвачку купи. А еще лучше лимончика пожуй.

— Ага, — кисло улыбнулся Заломов, влезая в свою поношенную куртку и ботинки. — А еще лучше его полностью сожрать, чтобы жизнь малиной не казалась. Ладно, брат, бывай, береги себя. И это... Не подставляйся больше, ладно?

Он ушел. Лавров вернулся в кухню. С брезгливой миной осмотрел следы их посиделок. Перевел взгляд на горку рваных клочков бумаги.

Филиченков сбежал! Нет, ну надо же! Как это ему удалось, интересно?! Из той тюрьмы не убегают. Ему кто-то помогал, ясно. Он сбежал и каким-то неведомым образом добрался до заброшенной сторожки в лесу. Конечно, ему помогали! И этот помощник, видимо, и сдал его, когда его приперли неопровержимыми доказательствами. Потому что в том лесу найти затерявшуюся избушку было невозможно. Тем лесом была непроходимая тайга.

А вообще-то Лавров был даже рад, что все так получилось. Ему всегда неприятны были мысли, что эта гадость где-то живет, пусть даже и в камере пожизненного заключения. Что она дышит, жрет, смотрит телевизор, может, читает книги, газеты, может, даже и улыбается. А Виталика Сухарева нет. Давно нет. И пацаны его, увезенные непутевой Маринкой в неизвестном направлении, совсем одни.

«Не ищи нас, Лавров, не найдешь, — сказала она на прощание. — Ты нас просто достал своей опекой!»

И он не нашел, как ни старался.

«Она могла выйти замуж, и ее муж усыновил пацанов, дал им свою фамилию, — решил тогда Жэка, он тоже помогал в поисках. — Надо искать ее следы, Саня».

Но ее следов тоже не нашлось, Маринка выполнила свое обещание. Он их не нашел.

А Филиченков продолжал жить, жрать, улыбаться, возможно, читать книги и журналы, строить планы. И это отравляло Сане жизнь. Еще и пацаны Виталика затерялись.

Теперь все иначе. Теперь он точно знал, что этой гадины нет на земле и она не дышит, не жрет и не улыбается. Если Заломов сказал, что убит, значит, так оно и есть. Надо будет завтра успокоить этих странных пенсионеров, решивших, что они видели именно Филиченкова на детских качелях в их дворе несколько дней назад.

Но это завтра. Сегодня он даже посуду мыть не станет, завалится спать. И разговор с Машкой подождет. В голове снова стала ворочаться огромная острая заноза, норовя изнутри выколоть ему глаза. Приняв две таблетки аспирина, Лавров, не снимая одежды, завернулся в плед и провалился в сон. Как в глубокую черную яму упал...

ГЛАВА 3

— Почему снова я, Ниночка?!

С трудом разлепив веки, Игорь Васильевич уставился на жену, стоящую над ним в одной ночной сорочке с собачьим поводком в руках. Невысокая,

ладная, с милым, не торопившимся увядать личиком, Ниночка ему всегда нравилась. И по молодости, и сейчас.

Он не мог точно сказать, что такое любовь. Скорее всего, это выдумка. Красивая, эфемерная, сладкозефирная манна для поэтов. О чем им еще писать, как не об отчаянно страдающем сердце из-за шелковистых локонов и ярких пухлых губ!

Сам Игорь Васильевич ничего такого не испытывал. У него и с сердцем было все в порядке, когда он смотрел на Ниночку. И в молодости, и сейчас. Но он совершенно точно знал, что она ему очень нравится и что ни на какую другую женщину он ее поменять не хочет. Ни в молодости, ни сейчас.

И спорить с ней не мог из-за этой своей глупой симпатии. И потакал всегда. Баловал!

— Что за произвол?! — неуверенно возмутился Игорь Васильевич, отбрасывая одеяло и усаживаясь на своей кровати в своей спальне.

Они уже лет десять спали с женой в разных спальнях. Встречи, конечно же, случались, в основном на ее территории, но у каждого была своя спальня, своя кровать и свои постельные принадлежности.

— Что за произвол? — вторично поинтересовался Игорь Васильевич, нелюбезно выдергивая из рук супруги собачий поводок.

— Это не произвол, Игореша! Это справедливость, — мягким грудным голосом ответила Ниночка и грациозной походкой, которая ему тоже очень нравилась, удалилась в кухню готовить им обоим завтрак.

Он должен сейчас выгулять Сявочку — мелкого беспородного пса, к которому они с женой привязались, как не все люди к детям привязываются. По-

том, после прогулки, он вымоет ему лапы, обсушит специальным полотенцем. Затем должен будет вымыть себя и только потом явится на кухню, где Ниночка уже накроет красиво стол к сытному завтраку. И они станут неторопливо-чинно есть из красивой дорогой посуды. После неторопливо уберут вместе со стола, загрузят посудомойку и пойдут смотреть утренние программы по телевизору.

Это традиция. Она им очень нравилась.

Если бы пошла выгуливать собаку Ниночка, то завтрак пришлось бы готовить ему. Это занимало всегда гораздо больше времени, он знал. И получалось не всегда удачно, это он знал тоже. Дневной ритм тогда непременно сбивался, и к вечеру они оказывались сердитыми и недовольными друг другом. И на встречу в спальне Ниночки тогда можно было и не рассчитывать.

Да, Ниночка справедливо рассудила, выгуливая пса вечерами, отдавая ему утренние прогулки. Ему очень не хотелось сейчас выходить на улицу, но сделать это придется. Сявочка уже скребет входную дверь и легонько, интеллигентно поскуливает.

Игорь Васильевич натянул спортивные штаны, легкий джемпер, поверх — серую ветровку, предназначенную исключительно для собачьих прогулок, обул недорогие кроссовки, на голову надел вязаную шапочку, тоже серенькую, чтобы с курткой сочеталась. Прицепил к ошейнику поводок, намотал его на руку и вопросительно уставился на дверной проем, ведущий в узкий коридор.

Ниночка появилась через мгновение. Милая, румяная, в легком домашнем халатике и переднике, значит, уже хлопочет с завтраком.

— Что у нас сегодня на завтрак? — Игорь Васильевич вымученно улыбнулся.

Его что-то познабливало сегодня. То ли вирусную инфекцию подхватил, отстояв вчера на почте очередь среди чихающих и сопливившихся пенсионеров. То ли в форточку надуло, ему вчера лень было вылезать из-под одеяла и прикрывать ее. То ли просто не выспался.

— На завтрак у нас, Игореша, творожный пудинг, омлет с курочкой, овощной салатик, клубничный йогурт, кофе, булочки на кефире, — с удовольствием перечислила Ниночка.

— О, отлично, — хотел было оживиться Игорь Васильевич, но озноб не позволил, заставив поежиться.

— Что-то не так, Игореша? — мгновенно уловила Ниночка, как он зябко повел плечами.

— Да нет, нет, все нормально. Что-то знобит просто. Может, простыл? — Он шагнул к двери. — Ты мне еще, дорогая, чая липового завари, хорошо?

— Хорошо, Игореша, хорошо, — закивала Ниночка, тут же сняла с вешалки большущий шарф и смастерила из него на его шее громоздкую петлю. — Так вот... Так вот будет лучше, а то вся шея наружу. Ну все, идите, любимые мои...

И он вдруг так растрогался этой незамысловатой заботе, что потянулся к жене, прижал крепко-крепко, вдыхая ее запах — запах ароматизированного талька для тела, мыла и увлажняющего крема для лица. Она так пахла всегда и в молодости, и сейчас, и ему это очень нравилось.

— Что это с тобой, милый? — Ниночка обеспокоенно завозилась в его объятиях. — Все хорошо?

— Все отлично, — проговорил Игорь Васильевич и совершенно по-юношески поцеловал жену взасос.

— Ух ты! — воскликнула она, отступая через минуту. — Ты прямо... Прямо молодец еще у меня! Все, все, иди... А то Сявочка заждался...

Они вышли из квартиры, по обычаю не хлопнув дверью, а осторожно ее прикрыв. Был ранний час, и ни к чему было тревожить соседей. Спустились в лифте на первый этаж, вышли на улицу. И тут озноб просто свел ему лопатки.

На улице было отвратительно. Молочно-серый туман аккуратно выстилал весь двор, повисая ледяными каплями на перекладинах турника на спортивной площадке, стекла машин будто покрылись мелкими волдырями, а под ногами неприятно почавкивало, когда они с Сявочкой двинулись на лужайку за детской площадкой.

— Малыш, давай мы сегодня недолго? — попросил собачку хозяин, наклоняясь и отстегивая поводок. — Что-то нехорошо мне.

Сявочка глянул на него умными грустными глазами, тихонько тявкнул, видимо обещая, и тут же умчался в самые дальние кусты сквера.

— Что ты будешь с ним делать! — воскликнул вполголоса Игорь Васильевич. — Сколько раз просил не бегать туда! Ну сколько раз просил...

Дальними кустами сквера венчался глубокий котлован, оставленный когда-то строителями. Строители, видимо, считали, что кустарник способен остановить разрушительные почвенные процессы, а заодно должен был выполнять и эстетические функции. Кустарник разрастется вширь и ввысь,

скроет от взгляда глубокую страшную яму, а со временем, может, зарастет и дно.

Но кустарник, как заговоренный, не разрастался. Он торчал на краю хилыми ветвями всего лишь в полметра высотой. И шире со временем не становился, и корни свои категорически не желал пускать в заваленную строительным мусором яму. Сявочка туда бегал крайне редко. Если только там у него случались свидания. Сегодня, что странно, больше собачников не наблюдалось, а собачка туда побежала. И мало того, ее пушистый хвостик тут же исчез в оголившихся ветках, а звонкое потявкивание, переросшее в странный восторженный визг, вдруг смолкло.

Игорь Васильевич жутко занервничал и, позабыв о недомогании, потрусил к кустам. Расстояние было приличным. Метров сто пятьдесят, а то и больше!

— Сява! Сява, ко мне! — без конца звал он свое домашнее животное, все ближе и ближе подбираясь к кустарнику. — Ну что же ты! Именно сегодня! Нас с тобой такой знатный завтрак ожидает. Сявочка, малыш!

Собачка молчала. И это сильно нервировало. Она хоть и была беспородным животным, воспитывалась в самых лучших традициях, и за годы, проведенные у своих хозяев, приобрела превосходный характер. И на голос хозяина или хозяйки всегда реагировала. И тем более на команды!

Не случилось бы беды в этом ужасном месте, вдруг подумал Игорь Васильевич, добравшись до кромки сквера и с трудом переводя дыхание. Петля из шарфа на шее мешала, от жесткой шерсти зудела кожа, и он вдруг раздраженно подумал, что Ниночка могла бы и сама выгулять собачку. Вместо того чтобы

заматывать его этим жутким шерстяным изделием, мешающим дышать.

Игорь Васильевич осторожно раздвинул кустарник, шагнул раз-другой. Остановился на самом краю ямы, тонувшей в тумане, и снова позвал:

— Сявочка, малыш, ты где?!

Сначала было тихо, но потом, о господи, с самого дна этой страшной ямы послышалось слабое поскуливание.

— Мальчик мой! Как же так?! — переполошился Игорь Васильевич. — Ты что же, сорвался туда?! Давай, давай, выбирайся! Ну!

Снова слабый скулеж Сявы. И мало того, слабый — болезненный!

— Эй, малыш, ты чего там застрял?! Не хочешь же ты сказать, что я стану туда за тобой спускаться? А ну, давай, давай, выбирайся! — не скрывая злости, прикрикнул он на животное.

И снова визг — слабый, болезненный, тоскливый.

Игорь Васильевич занервничал, нашарил очки во внутреннем кармане серой ветровки, нацепил их, пододвинулся еще сантиметров на десять. Носы его недорогих кроссовок уже свисали над пропастью, оставленной строителями много лет назад.

Стоять так ему было очень неудобно. Да и опасно, уж извините! Сорваться вниз можно было запросто. Сява ловкая собачка — и то сорвалась. Он рассмотрел светлый комочек в самом низу. Собачка была там, да. Она странно возилась на обломке бетонной плиты, скулила и пыталась выбраться. Но у нее ничего не выходило. Почему? Там почти гладкая площадка. И подъем для нее был несложным. Почему?

Схватившись одной рукой за ветки кустарника, чуть наклонившись вперед, Игорь Васильевич сделал

еще крохотный шажок вперед, поставив ступни боком на краю пропасти. Еще сильнее нагнулся и вгляделся в молочную муть, кутающую дно глубокой ямы.

— Сява! — громко позвал он, собачка не шевельнулась и не ответила, и ему вдруг стало страшно. Он громко крикнул снова: — Сява!

И в тот самый момент, когда радостное повизгивание собачки раздалось откуда-то со спины, ноги Игоря Васильевича заскользили, заерзали по влажной земляной кромке. Он попытался выпрямиться, потерял равновесие, ноги его странным образом лишились опоры. Он нечаянно отпустил ветки кустарника, за которые держался, замахал руками и через мгновение полетел головой вниз в клубившийся на самом дне пропасти густой туман...

Когда через полчаса муж не вернулся с прогулки, Ниночка занервничала. Она уже успела накрыть стол к завтраку. Приготовила йогурт, пудинг, омлет с курочкой томился под крышкой глубокого сотейника, с салатом она решила повременить. Она всегда нарезала его, когда Игореша мыл собачке лапы и мылся потом сам. Что проку от заготовленного заранее салата? Ни витаминов, ни вкуса. Так всегда рассуждала Ниночка. Овощи, вымытые и высушенные, вместе с зеленью лежали на разделочной доске. Все остальное было готово или почти готово.

А их все нет и нет. Она несколько раз подходила к окну и выглядывала на улицу. Двор был пуст. Для суетливой беготни соседей было еще очень рано. Туман почти рассеялся, но было пасмурно. Улица казалась необжитой и холодной из ее теплой уютной кухни. А у Игореши озноб случился утром. Чего же он медлит? Почему не идет домой?

И вдруг звоночек в дверь. Вернулись! Ее милые вернулись! Она так обрадовалась, что позабыла выключить огонь под сотейником с курочкой. Опомнилась, когда из кухни в прихожую пополз запах подгоревшего мяса и яиц.

— У меня там... Там, надо... — тыкала она пальчиком в сторону кухни, с нервной рассеянностью рассматривая соседа с первого этажа, который держал их собачку на руках.

— Нина Николаевна, вы меня не поняли? — строго спросил сосед, шагнув в их прихожую. — Ваша собачка носилась по двору одна.

— Она не может носиться, она для этого слишком хорошо воспитана, — пробормотала она.

Метнулась в кухню, выключила газ, приподняла крышку сотейника, досадливо поморщилась. Завтрак был испорчен. Игорек ей теперь попеняет.

Игорек...

— Нина Николаевна, — громоздкий мужчина с первого этажа бессовестно топтал ее безукоризненно чистый пол резиновыми сапожищами, войдя следом за ней в кухню. — Нина Николаевна, ваша собачка бегала по двору одна. Где Игорь Васильевич?

— Он... Он, видимо, где-то там... — Она махнула странно обмякшей рукой в сторону окна. — Вы его не видели? Он же был с Сявочкой. Вы вот его забрали, а он ищет теперь!

На последних словах она повысила голос до истеричного звучания. Но тут же опомнилась:

— Извините.

Она внимательно осмотрела лицо громоздкого мужчины. Она не знает, как его зовут, как неприятно! Столько лет живут в одном подъезде, здоро-

ваются при встречах, обмениваются замечаниями о погоде и ценах, а она не знает его имени!

Мужчина в растянутых спортивных штанах, болоньевой куртке на голое тело, резиновых сапожищах, в щетине, которую он еще не успел соскоблить с лица, казался заморским чудовищем в ее милой нарядной кухне. По этому чистому полу они с мужем ходили только в домашних тапочках, мягких, пушистых.

Что он тут делает в своих ужасных резиновых сапогах? Почему Сявочка так беспомощно жмется к нему и дрожит?! Где Игореша?!

— Где Игореша?! — проговорила она слабым писклявым голосом. — Вы... Вы его не видели?!

— Я видел в окно, как они с собачкой пошли в сквер. — Сосед с первого этажа странно спрятал от нее глаза, уткнув их в ящики с цветущими орхидеями, которыми был заставлен ее подоконник. — Я как раз выходил со своей собакой. Слышал, как ваш муж зовет Сяву. Потом стало тихо. И... и Сява прибежал оттуда один. А Игоря Васильевича не было. Я поймал Сяву, завел свою собаку домой, вашу вот вам принес. Убежит ведь. На дорогу, под машину, жалко.

— А где Игореша?! — настырно повторила Ниночка вопрос, который пульсировал у нее в висках, в сердце, в легких. — Где мой муж?! Почему он не вернулся из сквера?!

— Я не знаю, Нина Николаевна. Надо вернуться туда, в сквер, и посмотреть.

Он вернул ей свой взгляд, совершенно ей не понравившийся. В нем было столько тревоги, столько невысказанного предчувствия беды, что она заорала на него:

— Не смейте, слышите! Не смейте так... Так смотреть на меня! С ним все хорошо! У него просто озноб, и только! Он мог присесть на скамейку и...

Она расплакалась, уткнув лицо в кухонное полотенце.

— Вы не расстраивайтесь раньше времени, Нина Николаевна, может, у него просто сердце прихватило, — уговаривал ее сосед, когда, отпустив собачку на пол, лапы, между прочим, не помыв, помогал ей надевать плащ на теплой подстежке. — Он присел на скамейке и шевельнуться боится.

— У него здоровое сердце! — возразила она, позволяя соседу вдевать ее ноги в высокие спортивные ботинки, купленные специально для прогулок с собачкой. — У него прекрасное здоровье!

— Не забывайте о его возрасте, Нина Николаевна, — сосед вывел ее из квартиры, проследил за тем, как она запирает дверь, кладет ключ в карман плаща, взял ее под руку и повел к лифту. — Возраст у нас с ним не юношеский. И здоровое сердце может вмиг подвести.

— Он молод и силен, — возразила она слабым голосом, выходя на улицу. — Он так меня поцеловал перед уходом... Так поцеловал... — и неожиданно проговорила со слезами: — Как прощался...

ГЛАВА 4

— Спишь, скотина? — прозвучал в трубке несчастный голос Заломова Женьки.

— Сплю, — признался Лавров и приоткрыл глаза. — А который час?

— Восемь утра, между прочим! — оповестил все тем же несчастным голосом старый опер. — Почти вся страна трудится. А ты спишь... Скотина...

— И ты трудишься?

Лавров открыл глаза шире. Нормально он на дневной свет реагировал. Глаза не резало, на лбу, где красовалась шишка, не щипало, не ныло так, как вчера. Он выздоравливает?

— И я тружусь, — признался Жэка со вздохом. — А ты спишь! Хотя должен, должен, гад такой, трудиться! Жить вот на что собираешься?! Скоро твоим запасам кирдык, и ты станешь милостыню просить. А я тебе не подам, скотина, так и знай!

Если Жэка так ныл, значит, у него ныло внутри все. И это значит, что вчера, после работы, он продолжил то, что начал у Лаврова дома. И с утра еле поднялся. И не успев явиться на службу, был отправлен на выезд, потому и звонит. Потому и бесится.

— Подашь, куда ты денешься. — Лавров протяжно зевнул и тут же охнул.

— Болит? — вкрадчиво поинтересовался Жэка.

— Болит, — признался Саня.

— Вот! А был бы с работой, тебе бы больничный оплатили. А теперь болит совершенно бесплатно. Ладно... — вздохнул с печалью Жэка. — Я чего звоню-то... Нет ничего? Я бы сейчас с радостью...

— В смысле?

Он, конечно, понял, о чем бывший коллега спрашивает. Только не понимал, как это он именно сейчас бы с радостью принял на грудь, если находится на вызове.

— В том самом! — рассвирепел мающийся похмельем Заломов. — Выжрать мне надо, хоть каплю!

— Это я понял. Не понял, как именно? Ты же на вызове.

— Вызов по соседству, — проворчал Заломов. — Сейчас начинаю поквартирный обход, хотя и так все понятно. Но расспросить людишек надо. И к тебе зайду, может, это ты управдома грохнул!

И Заломов заржал, мучительно охая то и дело.

— Какого управдома?! — Лавров насторожился и, невзирая на пульсирующую боль в голове, резко сел на диване. — Ты чего мелешь, Жэка?

— Ничего я не мелю. Игорь Васильевич, ваш управдом, крякнулся. Только что вот увезли на «Скорой». Че, не веришь, что ли? Выгляни в окно, умник.

Пришлось вставать и, преодолевая отвратительное головокружение, тащиться к окну.

В самом деле! Возле сквера машина выездной криминалистической бригады. «Скорая» выруливает со двора. Народ толпится. И Нина Николаевна висит на каком-то мужике, бьется в истерике. Чего ей никто не налил никаких капель, подумал Лавров машинально.

— И чего с ним? Труп криминальный? — спросил он у Жэки.

Он, кстати, его грузную фигуру хорошо рассмотрел. Жэка в своей мешковатой куртке деловито расхаживал возле детской площадки, болтал с ним по телефону, делая вид, что звонок сугубо деловой.

— Да какой там криминальный, — с облегчением выдохнул Жэка, он еще и курил вдобавок, разговаривая с ним. — Собака убежала, он полез за ней в овраг и сорвался с высоты.

— И что? Сорвался и прямо насмерть? — недоверчиво хмыкнул Лавров. — Ноги, руки переломал бы и...

— И руки, Саня, и ноги, и шейку сломал ваш управдом. Но это предварительное заключение наших экспертов. Все потом. Но, думаю, и так все ясно. Следов борьбы нет. Следов на краю склона, кроме его и собачьих, тоже нет. Так что... — И тут же Жэка почти весело добавил: — Но поквартирный опрос я просто обязан сделать. Так что жди, брат! Будешь отвечать на мои вопросы!

Саша отключился. Привычным ощупывающим взглядом осмотрел двор. Все, как всегда. Все на месте. Ничего нового не появилось за ночь. Скорее убыло! Игоря Васильевича не стало. Осиротела теперь его миловидная супруга. И собачка, всегда вежливо обнюхивающая ботинки Лаврова, тоже осиротела.

Как же так? Он же старый собачник, аккуратный человек, порой даже чрезвычайно аккуратный, он по тротуару шел, каждый шаг выверяя, и так нелепо погибнуть. Сорваться с края ямы! Какой черт его туда понес, интересно?! Он же к аккуратности своей был еще и осторожен весьма и бдителен! Как же так?!

Лавров увидел, как из подъезда вышла Машка. Легко, стремительно, как всегда. Швырнула себе на спину неприбранные волосы, шагнула в сторону стоянки автомобильной и тут же остановилась. Как вкопанная, увидав машины, полицейских и Жэку узнав, конечно же. Медленно подошла к толпе зевак. Посмотрела, послушала, повернула обратно. И тут же наткнулась на опера Заломова. Тот мгновенно схватил Машку за локоток, увлек в сторону и принялся ей что-то рассказывать. Видимо, что-то веселое, раз Машка рассмеялась, запрокидывая головку назад.

Хорошее настроение с утра, с неожиданной злостью подумал Лавров. И тут же вспомнил мускулистого крепыша в обтягивающей водолазке, с которым Машка собиралась обрести очередное свое сомнительное счастье.

Вот не верил ему Лавров! Хоть и знаком с ним не был, не верил, и все! Как-то странно все, глупо, не по-настоящему. Филиченков Володя... Кто он такой, черт побери? Как оказался в банке, ведь его папаша — если, конечно, он ему папаша — был осужден на пожизненное?! Куда смотрит служба безопасности банка?! Что, не увидали связи? Решили, что яблочко от яблони укатилось в сторону груши?!

Тут еще Игорь Васильевич в овраг сорвался. Как такое может быть?! А перед этим к нему все приставал, говорил, что во дворе беглый преступник появляется время от времени.

— Скорее всего, брат, это у него того... — Жэка явившийся к нему уже через двадцать минут, покрутил растопыренной пятерней у своей головы. — Старческий маразм начинался. Видишь, чем закончился? Это, Саня... Я налью?

— Хлопочи, — рассеянно отозвался Лавров. И вдруг вспомнил: — О чем с Машкой трепались?

— А? С Машкой-то? Да так, ни о чем, анекдот ей рассказал. С будущим замужеством поздравил.

Жэка уже влез в его холодильник по пояс и гремел там теперь посудой.

— Вот трепло, а! — разозлился Лавров и пнул дверцу холодильника, норовя ударить Жэку. — Кто тебя просит?!

— А че такого-то? Секрет, что ли? — Жэка вылез, потирая ушибленное плечо. — Она довольна

была моим поздравлением. Смеялась. Говорит, что счастлива со своим новым парнем.

Он выволок на стол все, что у Лаврова оставалось на полках, что он вчера не успел сожрать. Накромсал снова на доске, с доски и есть начал, быстро выпив пару стопок одну за другой.

— Сопьешься ты, Жэка, — мрачно предрек ему Саня, поставил на огонь медный кофейник, залив в него воды наполовину и насыпав кофе. — Хороший же мужик, умный, а пьешь.

— А может, я от великого ума и пью, — повел в его сторону мгновенно помутневший взгляд Заломов. — Горе, как говорится, от ума! Не зря же говорят!

— Жэка, Жэка... — Саня вздохнул, поболтал ложечкой в кофейнике, дождался, когда пенка снова настырно полезет наружу, и выключил газ. — Зря ты пьешь... А Машка, стало быть, светится от счастья?

— Светится, — кивнул Заломов, хватая с разделочной доски куски хлеба, колбасы и сыра. — А ты ревнуешь?

— Нет. Не ревную. Беспокоюсь, — поправил Лавров, скрипнув зубами.

Накатил себе большущую чашку кофе, всыпал сахара, плеснул молочка. Выпил, жмурясь от удовольствия.

— А чего ты за нее беспокоишься? — подергал друг плечами, обтянутыми вчерашним свитером, судя по перышкам от подушки на воротнике и спине, он его даже не снимал на ночь. — У нее все хорошо. На этот раз ее избранник не банковский должник, а банковский служащий. Ее коллега! Это звучит, брат, гордо!

Заломов довольно заржал.

— Ага, ага, — покивал Саня, мелкими глотками попивая кофеек. — А она не сказала тебе, как фамилия ее избранника и коллеги?

— Нет. А зачем?

— А затем, брат, что фамилия ее нового претендента на ее руку и беспечное сердце — Филиченков! Володя Филиченков!

Надо было подождать. Повременить, пока Жэка выпьет. Не сшибать его этой новостью наповал. А то обрушил на него информацию в тот самый момент, когда он активно двигал кадыком, пропихивая очередную стопку водки в себя. Мужик и поперхнулся, и кашлял потом, поводя вокруг себя сумасшедшими вытаращенными глазами. Сане пришлось молотить его по крепкой сутулой спине, воду предлагать. Правда, тот отказался, водкой запил свой кашель.

— Как-как его фамилия, Саня? — отдышавшись, спросил Жэка. — Я не ослышался?!

— Нет, брат. Филиченков Владимир. Отчества не знаю. Не спросил. Но подозреваю, что...

— Игнатич! — подытожил, взмахнув крепким указательным пальцем Жэка. — У Игната остались сын и дочь. Сын Владимир, точно знаю. Дочь Анастасия.

— Оп-па! — Лавров замер, потом зачем-то потрогал свою повязку на голове, прикоснулся к шишке, выпирающей из-под бинтов. И сказал с ненавистью: — Сынок, стало быть?

— Не могу гарантировать, — шумно выдохнул Жэка и неожиданно закрутил бутылочное горлышко, убрал водку в холодильник. — Но таких ведь совпадений не бывает, так, Саня?

— Не бывает, Жэка!

— Папочку ты помог посадить на пожизненное. Потом вдруг объявляется его сынок, сватается к твоей соседке, по которой ты давно сохнешь...

— Ты что, дурак? — взорвался мгновенно Лавров и поморщился, громкий крик отозвался болезненным эхом в башке. И затараторил чуть тише: — По ком я сохну-то?! Стал бы я терпеть ее художества, если бы сох по ней, как же! Думай, что говоришь! Я уж лучше на Лерке твоей женюсь, чем на Машке! Сказал тоже...

Жэка помолчал, рассматривая Лаврова, будто видел впервые. Потом мелко захихикал, тыча в него пальцем.

— На Лерке, говоришь? — процедил он сквозь смех. — Думаешь, она умнее Машки? Поверь мне — нет! Та же дура, только черноглазая и без косы. Итак, давай обсудим с тобой этого новоявленного женишка, Саня...

Обсуждали они часа полтора, а толку-то! По всему выходило, что возле Машки этот Филиченков появился не просто так. А с другой стороны, он не возле нее появился, а в банке, где она работает. Он же не возле подъезда ее подкарауливал с цветами и подарками. Он в ее отдел устроился работать, подчиняясь, между прочим, ее приказам. И на работу его брала не она, а ее руководство.

— Чушь какая-то! — фыркал Лавров, постепенно опорожняя кофейник. — Вроде все нормально, а чую какой-то злой умысел. Просто нутром чую какой-то подвох. А с другой стороны...

— Машка — девка красивая, фигуристая, она любого с ума сведет. Может, у них эта, как ее, лю-

бовь настоящая? — вторил Жэка, успев дать кому-то указание по телефону пробить этого самого Филиченкова.

Никогда не помешает лишняя информация: кто он, откуда, с какой целью прибыл в банк и в дом, к соседке и все такое.

— Может, и настоящая, Жэка, — горячился Лавров. — Только вдруг увидали в нашем дворе Филиченкова-старшего неделю назад супруги Горелова! Как такое может быть?

— Никак, — равнодушно пожал покатыми плечами Жэка. — Вот этого точно быть никак не может. Мертв он.

— Ага! Филиченков-старший мертв, но его почему-то Гореловы видели. И через неделю после того, как они его видели, один из них погибает. Это как?

Саня снова потрогал шишку на лбу. Ему стало казаться, что она выросла с кокосовый орех, так стало тяжело и больно голове.

— А это никак, Саня. Горелов Игорь Васильевич на краю оврага, предположительно, искал свою собаку и сорвался.

— Или ему кто-то помог! — с горячностью возразил Лавров.

— Ты это... Не начинай мне тут! — прикрикнул на него Жэка, постучав пальцем по столу, как указкой. — Несчастный случай! Я уже с людишками поговорил, никто ничего не видел. Эксперты в один голос — несчастный случай. Повторюсь, никаких следов борьбы, оторванных пуговиц, ничего! Так что ты мне головняка не добавляй, коллега!

— Жэка! Жэка, послушай меня! — Лавров обхватил голову руками, боясь, что она сейчас лоп-

нет. — Неужели ты не находишь странным все это?!

— Что?

Заломов смотрел на него зло и со значением.

Сам ушел, руки умыл, а ему теперь тухлые темы подбрасывает? Совершенно бездоказательные, отвратительные темы! Никто никогда не привяжет работающего в банке Филиченкова к погибшему Горелову! Ему убивать его незачем, парень на пороге великих жизненных перемен. И утверждения оставшейся в живых Гореловой, что они с супругом якобы видели во дворе беглого преступника, сочтут бредом. Потому что беглого преступника убили при задержании. Что еще надо?!

Вот так приблизительно смотрел на него дружище Заломов. И Саня его понимал. И то, в чем ему чувствовался подвох, показалось бы бредом кому угодно. Женькиному начальству тем более.

Саня даже знал, что скажет полковник, рискни Жэка ему доложить о своих опасениях.

«Ты мне тут, Заломов, детективные истории не сочиняй, понимаешь... — И Лев Григорьевич Володин привычно дернул бы шеей, как если бы ему жал воротник. — Тебе работы мало?! Так пожалуйста, загружу!..»

Вот так приблизительно отреагировал бы полковник. И Саня его понимал тоже. Никто не хотел понимать его сердце, тревожно сжимающееся от нехорошего предчувствия. Никому не было дела до его опасения, что подобных совпадений не бывает.

— Ладно, пошел я, — проворчал Жэка, привычно почистив зубы пальцем, выдавив в рот зубной па-

сты. — Ты только это... Без самодеятельности тут. А то, смотри, Лерку пришлю.

— Зачем?! — тут же перепугался Лавров.

Лерка всегда напоминала ему торнадо — опасное, неумолимое, разрушительное.

— Чтобы поухаживала за тобой. И вообще... Я тебя за язык не тянул. Ты сам сказал, что уж лучше на Лерке моей женишься, чем...

— Да иди ты! — поморщился Лавров, сожалея о вырвавшихся у него словах, теперь пристанет.

И Жэка пошел совершать поквартирный опрос, который он, к слову, едва начал до визита к нему.

Лавров прибрал в кухне и снова полез на диван под одеяло. Голова просто разламывалась. Зря он не послушался докторов и молоденькую медсестричку, советующую ему еще пару дней полежать в больничке. Что-то с его башкой не так.

Он уснул мгновенно и увидел странный сон, где Горелов бежал от мужика с оторванной головой. Лавров-то точно знал, что голову мужику оторвало гранатой при задержании, и знал, что бежать мужик не может — он мертв. А он все равно бежал! И догонял бедного Игоря Васильевича. Лавров нервничал и пытался успокоить соседа. Пытался ему крикнуть, чтобы он не бежал в сторону оврага, навстречу своей гибели. Но слова булькали в горле и не вырывались наружу. Лавров нервничал, судорожно открывал и закрывал рот, но вместо слов с языка вдруг начали срываться почти соловьиные трели. Протяжные, заливистые...

Он дернулся в изнеможении и открыл глаза.

Это не он пел соловьем, это его дверной звонок надрывался.

— Ох, господи, — выдохнул он.

Облизал пересохшие губы, свесил ноги с дивана, заморгал, привыкая к темноте. Он долго проспал. За окном стемнело. И кажется, давно. Черный квадрат за его стеклами поделило ячейками светящихся окон высоток их микрорайона. Охая, Саня поднялся, нашарил выключатель на стене, включил свет. Черный ячеистый квадрат за стеклами сразу отодвинулся, сделавшись почти невидимым. Надо бы купить шторы, вдруг подумал он, впервые ощутив странную незащищенность, как если бы он вдруг оказался на сцене совершенно голым. Хотя он почти голым и был, из одежды на нем сейчас были только короткие шорты.

Лавров пошел, по-стариковски шаркая, в прихожую. Тот, кто терзал его дверной звонок, был настырным. Вряд ли это Машка, подумал Саня, поворачивая головку замка. Она бы смирилась и ушла. Или бы перезвонила на домашний.

Он открыл дверь и едва не ахнул. На пороге стояла Лерка Заломова! В тесных джинсах, заправленных в короткие сапожки на невероятно высоких каблуках, короткой куртке, обнажающей голый пупок, в котором что-то поблескивало, яркий шарф вокруг шеи. В одной руке у Лерки была спортивная сумка, в другой большущий, явно тяжелый пакет.

— Привет! Я зайду? — произнесли невероятно пухлые Леркины губы. — Я зайду...

И зашла. Двинула попкой, захлопывая дверь, уставилась на Лаврова черными огромными глазищами. Губы ее при этом беззвучно шевелились. Может, он оглох? Она что-то говорит ему, а он не слышит! Наверное, он оглох от травмы головы!

Потом только сообразил, что Лерка жует жвачку. Понял, когда она, швырнув сумку и пакет ему под ноги, произнесла со снисходительным вздохом:

— Я поживу у тебя какое-то время.

Тут же понял, что именно она сказала, и похолодел.

— Как это поживешь?! — Лавров привалился к двери туалета, вытаращившись на позднюю гостью. — Что значит поживешь?!

— Поживу — это значит, что стану приходить сюда после универа, уходить отсюда в универ, стану пользоваться твоей посудой, туалетом, ванной комнатой и спальным местом, — «молния» на ее куртке с визгом пошла вниз. — Есть возражения?

— Есть, конечно! — Лавров резко выпрямился, преграждая путь нахалке. — С какой стати?! С чего ты решила, что можешь пожить у меня?!

Лерка даже бровью не повела, стянула с ног короткие сапожки на шпильках, присела перед сумкой, порылась в ней, достала домашние тапочки цвета апельсина, выпрямилась. Роста она была небольшого, а без каблуков едва доставала макушкой Лаврову до подбородка, но смотрела сейчас на него так, будто была выше его на полметра.

— Это не я решила, Лавров, а батюшка, — ответила Лера.

— Что он решил?!

Саня сжал кулаки. Окажись тут сейчас Жэка, он бы ему по горбу врезал точно.

— Сказал, что за тобой надо присматривать — раз. Что ты нуждаешься в уходе — два. И что тут у вас что-то такое намечается, чему должен быть свидетель или независимый эксперт, назови, как

хочешь, — отчеканила Лера, уверенно отстранила его и пошла в комнату со словами: — Вещи занеси.

Лавров недоуменно глянул на сумку и пакет и заорал ей в спину:

— Что в сумке, Лера?!

— Мои шмотки. Там немного, не пугайся. Я вообще-то ненадолго. — Лерка встала на пороге его комнаты, подбоченилась, произнесла с сожалением: — Живешь, как кочевник, Лавров!

— Как хочу, так и живу! — огрызнулся он из прихожей, все еще не решаясь поднять ее вещи. — А в пакете что?

— В пакете жрачка. Что-то купила по дороге. Что-то мать собрала.

— Мать?! Собрала?!

Это был нонсенс! Бывшая Женькина жена Лаврова на дух не переносила. Она его не каждый раз в квартиру пускала, называя собутыльником и прощелыгой, а тут собрала еды?!

— А что? Не веришь? — Лерка насмешливо глянула на него через плечо.

— Не верю.

Вот чисто из любопытства, больше не из каких других соображений Саня поднял пакет и понес его в кухню. И принялся выкладывать на стол контейнеры, пакеты и пакетики. Апельсины, яблоки, понятно из магазина. Колбаса и сыр оттуда же. А вот салат, котлеты, замороженный суп и фаршированные блинчики — это уже явно домашнее.

Что могло случиться с Женькиной бывшей, что она так расщедрилась?

— Замуж она собралась, Саня, — пояснила полчаса спустя Лерка, перемывая всю его посуду за-

ново, не понравилось ей, видите ли, состояние его тарелок. — Избранник без жилплощади. К отцу мне нельзя, поубиваем точно друг друга. Стало быть, надо меня пристраивать где-то еще. Подслушивала под дверью, когда отец мне твою историю выкладывал. И воодушевилась. Все просто, Саня. Расчет! Грубый расчет движет моей матерью, никаких симпатий, вдруг появившихся на твой счет.

— Ну а я-то тут при чем?! — возмутился Лавров, активно поглощая блинчики с яблоками.

— Ты холост, обременен лишними метрами, хорош собой, не скурвился, работая в органах. К тому же теперь там не работаешь. Мать решила, что у тебя есть шанс стать мне хорошим мужем.

— О господи! — Еда встала у него поперек горла, он закашлялся. И еле выдавил, покраснев от гнева и удушья: — Но я тебя замуж брать не собираюсь, Лера! Я тебя не люблю!

— И я тебя, Лавров. — Она с силой вдарила ему между лопаток, пытаясь избавить от кашля. — И я тебя не люблю. Но мне надо где-то перекантоваться, понимаешь? Где-то, где не грызут мне мозг. И опять же батя попросил присмотреть за тобой.

— Но у меня всего одна комната! — возмутился он, отдышавшись. — Одна!

— Две, Саня. У тебя две комнаты. Просто вторая приспособлена тобою под кладовку. Сегодня уже поздно. — Лерка глянула на громадный циферблат, едва поместившийся на ее узком запястье. — А завтра ее разберем, сделаем косметический ремонт, и я стану ее обживать. А заодно будем разбираться в странных совпадениях, которые вдруг начали происходить вокруг. Кстати, я тоже не верю в такие совпадения, Лавров.

— А отец?

У него ныла и кружилась голова и от травмы, и от перспективы делить свое жилье с какой-то взбалмошной девицей. На нее не накричишь, не пошлешь, не приструнишь! Жэка тут же таежным медведем на дыбы встанет за дочку.

Дела-а...

— Отцу не положено. Он на службе. — Лерка подергала плечиками в тонкой рубашонке в клеточку. — Если он станет заморачиваться, то надо будет как-то реагировать, действовать. А он права не имеет. Он не может завести дело на Володю Филиченкова только потому, что он сын осужденного на пожизненное. И потому, что он решил жениться на твоей соседке. Он не может пришить к делу слова о беглом преступнике, якобы появившемся в вашем дворе, потому что преступник мертв. И мужик, что самостоятельно сорвался в овраг и сломал себе шею, не является причиной для заведения уголовного дела.

— Грамотно излагаешь, — невольно восхитился Лавров.

— Так я же на юридическом обучаюсь, Саня. Забыл?

Забыл. Конечно, забыл. Обо всем забыл! И совсем забыл, как действовала всегда на него Леркина красота! Вот стоило ее увидеть, пообщаться с ней пару минут, перекинуться несколькими словами, как накатывало. Она его...

Она его раздражала — красота ее! Пугала, раздражала, бесила даже. Каждый раз, когда они пересекались у Женьки, Лавров задавался вопросом: как могла получиться у этого замшелого дядьки с пока-

той спиной, рябой добродушной рожей, с прокуренными зубами и пальцами и его противной визгливой жены такая девка?! В какой удивительный миг они сумели ее зачать? Кто уснул тогда или отвернулся — бог или дьявол?!

— Так вот отцу не положено. А нам с тобой — да. — Лерка ходила по его кухне с тряпкой, вытирая пыль с дверных ручек, подоконника, перекладин стульев. — Нам с тобой никто не запретит разобраться в этих совпадениях, Лавров. Прямо завтра же и начнем. Кстати, завтра у отца уже будет информация по этому Володе.

— Отец-то тут при чем?

Лавров поймал себя на том, что взгляд его неотступно следует за девушкой, снующей по его аскетичной кухне. И жадно, между прочим, наблюдает — взгляд его, — как изгибается ее поясница, когда она наклоняется с тряпкой к нижнему ящику шкафа, выставив попку, как вытягиваются ее руки к верхним полкам, как появляются и исчезают под рубашкой косточки ее позвоночника.

Черт, черт, черт!!! Этого еще не хватало на его бедную голову! Мало ему испытаний! Жэка, гад, неспроста все это затеял.

— Отец-то тут при чем? — повторил вопрос Лавров, отводя глаза к кухонным стеклам, за которым квадратными леденцами поблескивали чужие окна.

— Отец? — Лерка наконец-то закончила мучительную для него процедуру уборки, швырнула тряпку в раковину, прислонилась к ней попкой. — Отец обещал содействие. По всем вопросам! Ладно, Лавров, ты насытился? Идем устраивать мне ночлег.

Пришлось до глубокой ночи таскать из крохотной комнатки с узким окошком, которую он никогда не считал полноценной и предназначенной для проживания, коробки и всякий хлам. Таскать и складывать в прихожей. Освободилось довольно много места, как сочла Лерка.

— Тут даже есть где кроватку поставить, — ткнула она пальчиком в территорию под окошком. — А сегодня придется спать на раскладушке.

Раскладушка нашлась среди коробок. Он о ней и забыл совсем. Только когда нашел, вспомнил, что Женька на ней не раз ночевал в прежние годы.

Лерка час махала веником, гремела шваброй, потом долго скрипела растянутыми пружинами раскладушки. Затихла почти в четыре. Уснула. А он еще полчаса провалялся без сна. Все думал и думал. Как у них срастется с Леркой, совместное их проживание? Чем закончится? Во что выльется? Какую цель преследовал Жэка, позволив дочери тут поселиться?

Саня несколько раз вставал, подходил к окну, смотрел на спящие дома, тонувшие в темноте. На темный двор с детской площадкой, автомобильной стоянкой и сквером, обрывающимся глубоким оврагом, где так нелепо закончил вчерашним ранним утром свою жизнь их управдом — Игорь Васильевич. Случайна его смерть или нет? Как теперь станет жить без него миловидная Нина Николаевна? Они ведь никогда не расставались, никогда...

— ...Мы никогда не расставались, понимаете! Никогда! — Несчастные зареванные глаза Нины Николаевны смотрели то на его лицо, то на белую повязку на лбу. — Так славно жили с Игорешей!

Мне мечталось, что мы еще очень долго проживем и тихо отойдем через много лет в собственной постели. А тут это убийство!!!

Лавров поперхнулся глотком чая, который давно остыл в его чашке, но все равно был вкусным и ароматным.

— Нина Николаевна, вы сказали — убийство? — уточнил он, осторожно поставил на полированную поверхность белоснежного стола чашку.

— Конечно! — возмущенно откликнулась овдовевшая женщина, привалилась грудью к столу, зашептала: — Вы тоже считаете, как эти полицейские... — последнее слово она не произнесла, продавила сквозь стиснутые зубы, — что мой муж сорвался вниз головой в яму?!

— Я не знаю, — признался Лавров и снова схватил со стола чашку. Прикрываться пузатым дорогим фарфором оказалось удачной идеей.

Нина Николаевна неожиданно поднялась со стула — миниатюрная женщина в черном платье, черных колготках и темных домашних туфлях. Она поправила черную ленточку, перетягивающую ее волосы, и, кивнув непонятно кому, произнесла:

— Я официально заявляю вам, Саша, что моего мужа убили! Он не был беспечным глупцом. И даже из-за Сявы он не стал бы висеть на краю обрыва, хватаясь за кусты!

— Кстати, а где собачка? — спросил Лавров, чтобы не возражать ей.

Эксперты дали заключение с точностью до наоборот, как доложил сегодня утром в телефонном разговоре Жэка. Игорь Васильевич стоял на самом краю оврага, удерживаясь за кусты. Стоял, несколько раз

меняя положение своих ног, видимо, устраивался поудобнее.

— Сява? — Она вздохнула, глянув вниз. — Он у соседа с первого этажа. Сосед великодушно предложил, пока не пройдут траурные церемонии, подержать его у себя. Милый человек... Даже не знала никогда, как его зовут! А он оказался таким отзывчивым...

Соседа с первого этажа звали Михаилом Сергеевичем, это тоже Жэка доложил. Был он единственным свидетелем, который видел из окна, как Горелов Игорь Васильевич вывел на прогулку свою собачку и как потом быстро пошел в сторону сквера, куда убежал Сявочка. Потом он же поймал мечущуюся по двору беспризорную собачку. Принес ее хозяйке. Больше он ничего и никого не видел. Никого постороннего, ничего подозрительного.

— Он один живет? — спросил Лавров у застывшей скорбной Нины Николаевны.

— Да, кажется... — отозвалась она через минуту. Неуверенно дернула плечиком. — Кажется, один. Собака у него есть точно. Он ее выгуливает после нас всегда. Мы заходим, они выходят. Так как-то... Послушайте, Саша!

Она вдруг встрепенулась, торопливо ушла из кухни, вскоре вернулась, протягивая ему уже знакомую ориентировку с портретом застреленного Филиченкова.

— Это все из-за него! Это он! — проговорила она, глядя на Лаврова с лихорадочным блеском в глазах. — Это он убил Игорешу!

— Зачем? — задал он резонный вопрос.

— Потому что мы его узнали! Потому что мы сигнализировали в полицию. И даже вызывали участ-

кового, и он совершал поквартирный обход. Правда... Правда, он ничего не дал, но мы же сигнализировали! И тем самым автоматически попали в черный список! — закончила женщина, тяжело дыша.

Потом прошла к окошку, выглянула на улицу поверх пышного цветения орхидей, кивнула куда-то вниз со словами:

— Там вон он сидел, когда я его видела. На детских качелях. Я его узнала. Вернее, опознала! Это был он! В черной куртке, в черных штанах, такая же угрюмая рожа, заросшая щетиной.

— Это было вечером? — с сомнением спросил Лавров.

— Да, вечером, я Сяву выгуливала. — Она вдруг резко обернулась, глянула на Саню, деловито кивнула. — Понимаю, куда вы клоните. Вечер, видимость плохая. У меня возрастные изменения со зрением. Но это не прокатит, молодой человек! Нет! Это был он. Знаете, почему я так уверена?

— Почему?

Саня заскучал. Он напрасно тратил время. Напрасно! Никто из потерявших близкого человека так нелепо не обвинит случайность. Никто! Все станут искать виноватого. Он это знал, он с этим сталкивался.

— Потому что горели фонари. Потому что у меня почти стопроцентное зрение. И потому что Игореша тоже видел этого человека. Вот! — Она схватила со стола ориентировку, потрясла листом бумаги перед его лицом. — Вот этого! И не надо тут...

Лавров осторожно вытянул ориентировку из ее пальцев, разгладил на столе, глянул в ненавистную физиономию. И в очередной раз подумал, что прак-

тически счастлив, что эта тварь теперь не топчет их планету.

— Вы ведь его знаете?! — ахнула она вдруг, что-то такое уловив в его лице. — Знаете, так?

— Да, я был с ним знаком, — нехотя признался Лавров, осторожно двигая листок по столу в ее сторону.

— Потому его и защищаете?! — тут же заподозрила в нем оборотня в погонах, хотя он их теперь и не носил.

— Нет. Я его не защищаю. А знаю я его потому, что он убил моего друга, расстрелял. — Он стиснул зубы, снова вспомнив то мерзкое утро, когда они с Виталиком Сухаревым расслабились и прозевали все, все, все. — Я не могу его защищать, Нина Николаевна, поверьте. Но уверяю вас, это был не он, во дворе.

— Ну почему?! Откуда такая уверенность?!

— Этот человек, если его можно так назвать, сбежал из тюрьмы и был убит при задержании.

— Это точно?! — Она глядела на него так, будто он лишил ее последней надежды. — Это точно?!

— Абсолютно... — Лавров развел руками. — Нина Николаевна, я готов вам помочь. Сто процентов готов, но... Но при условии, если у вас найдутся какие-нибудь, хоть косвенные, доказательства того, что смерть Игоря Васильевича не несчастный случай. Иначе вам придется признать, что...

— Я поняла. — Нина Николаевна выпрямила спину, обтянутую траурным платьем, выразительно глянула на дверной проем. — Я вас не задерживаю, Саша.

Лавров, с грохотом двинув стулом, пошел в прихожую. А и ладно, как пожелает. Он не навязывался.

Он тут больше по Жэкиной просьбе. И Лерка просила утешить вдову, чтобы она под ногами не мешалась. У кого конкретно Нина Николаевна должна была мешаться под ногами, Лера не уточнила. Просто наморщила носик и неопределенно помотала в воздухе руками, выпроваживая его из дома после завтрака.

Кстати, завтрак! Он его так и не доел. Лера просто завалила стол тарелочками со всякой вкуснятиной. Он так сотни лет не ел. Лавров заторопился. Но неожиданно у самого выхода Нина Николаевна поймала его за рукав куртки и, умоляюще глядя на него воспаленными от слез и бессонной ночи глазами, сказала:

— Я обещаю вам, Саша, что не стану писать жалобы. Не стану требовать возбуждения уголовного дела по факту гибели моего супруга. У вашего приятеля не будет проблем. Но взамен вы должны мне пообещать кое-что.

Жэка в самом деле просил поговорить с ней именно об этом. Он уже отчитался, что гибель Горелова Игоря Васильевича — не что иное, как несчастный случай. А вдруг вдова в прокуратуру пойдет и жалобу напишет, а?

«У меня и так, Саня, залет на залете. Поговори с ней, а? — попросил он сегодня утром в телефонном разговоре. И тут же спросил с тревогой: — Как там доча? Не бузит?»

Доча не бузила. Доча его сегодня собралась переклеивать обои и перестилать линолеум в крохотной каморке, которую Лавров и за комнату никогда не считал. Эту конуру прежние хозяева квартиры откромсали от большой комнаты, поставив стенную перегородку и влепив в нее дверь. Он все собирал-

ся, собирался эту перегородку снести, да так и не собрался, завалил ее мусором. Теперь вот Жэкина активная доча принялась ее обживать...

— Что я вам должен пообещать, Нина Николаевна?

Лавров осторожно высвободил свой рукав из ее крепких пальчиков, еще раз порадовавшись за Жэку. Не станет вдова досаждать, не станет, раз сказала.

— Вы должны мне пообещать, что найдете убийцу моего мужа, — выпалила Нина Николаевна и сразу все испортила.

Лавров чуть не захныкал. Из-за друга сдержался, кивнул едва заметно и вышел вон из чистенькой милой квартирки, осиротевшей без хозяина и собачки. Кстати, где она, Нина Николаевна сказала? У соседа с первого этажа? Не слишком ли услужлив этот сосед? Что ему нужно вообще?..

ГЛАВА 5

Сегодня их поредевшая семья должна будет собраться за воскресным обедом.

Это была прекрасная традиция прежде. Теперь скорее дань уважения памяти. Памяти о тех славных временах, когда все они были вместе и были счастливы. Обеды случались тогда веселыми, шумными, непременно бывали гости, готовилось много вкусной еды, подавалось все на красивой посуде, огромный стол в гостиной на первом этаже их большого дома накрывался белоснежной скатертью.

После обеда женщины перебирались на веранду и начинали готовить стол к традиционному воскрес-

ному чаепитию с шикарным десертом, мороженым, фруктами. А мужчины уходили в кабинет к отцу, выпивали там по стаканчику чего-нибудь крепкого, выкуривали по сигаре или сигарете, кто-то смолил трубку. И под медленно плывущий по кабинету отца ароматный дым дорогого табака там всегда велись серьезные разговоры.

Володю начали туда пускать с шестнадцати лет. Не наливали, не позволяли курить, но разрешали слушать. Он слушал внимательно, потом задавал отцу вопросы, если что-то становилось ему непонятным. Тот объяснял, когда вопрос касался легального бизнеса. Отшучивался, если тема была скользкой и опасной. Потом Володя вопросы задавать перестал. Многое стало ему понятным. Многое ужасало. Но...

Но родителей, как известно, не выбирают. Да он бы и не стал никогда менять своего отца на другого, предложи ему кто-то такой вариант. Отец был сильным, властным, независимым, влиятельным. Он казался Володе несгибаемым и непобедимым. И маме он таким казался, и Насте. Все они не просто любили его, они его обожали! В доме его авторитет был непререкаемым. И хотя мама — Эльза Эдуардовна Озолиня в девичестве — могла позволить себе время от времени покапризничать, все знали, что это происходит с попустительства и благосклонной снисходительности отца.

Все у них было просто замечательно. Восхитительной казалась тогда их жизнь Володе. Они были весьма и весьма состоятельной семьей. У них было несколько квартир, дом, у отца успешный бизнес, заправки, банки, турагентство и что-то еще такое,

куда Володе отчаянно не хотелось влезать. Но отец все чаще настаивал, заставлял его вникнуть в суть.

— Понимаешь, сын, в нашей стране невозможно быть успешным бизнесменом, не имея никакой подпольной страховки, — поучал он его, когда Володя уже в финансовую академию поступил. — Вылетишь в трубу моментально! Бизнес постоянных вложений требует, понимаешь?

Он тогда не понимал. Просто кивал согласно.

— Во-о-от... А если ты будешь постоянно вкладывать, ты будешь иметь какой-то процент прибыли, но... Но его, поверь мне, будет недостаточно для всего вот этого. — Отец царственным жестом обводил стены кабинета, увешанные дорогущими картинами. — И мамочка твоя не сможет покупать себе столько драгоценностей, сколько пожелает. И сестренка твоя не сможет позволить себе роскошной жизни. Потому что на роскошную жизнь придется выдергивать из бизнеса средства. А как же тебе их оттуда выдергивать, если ты только туда вложился? Нелогично?

Он снова кивал, хотя в академии его учили совсем, совсем другому. Но отцу было виднее. Он сильный, умный, он победитель! Он знает, что говорит. Потому что он, и только он, построил свою империю, а не кто-то за него.

А потом...

А потом случилось горе! Страшное горе, подкосившее сразу здоровье матери, испортившее Настину психику и сломавшее Володину убежденность в незыблемости их прекрасной сытой обеспеченной жизни.

Отец однажды вечером, уезжая из дома богатым бизнесменом, наутро вдруг оказался бандитом,

убийцей полицейских, торговцем оружием и наркотиками. И домой он уже не вернулся. И дома того, где проходили веселые воскресные обеды, не стало. Его конфисковали, как и многое другое, что наживалось отцом за годы его преступной деятельности, как сказали в суде. Счета были арестованы. Они остались почти нищими, как вопила мать с утра до ночи, разгуливая неумытой и нечесаной по квартире, куда они переехали после суда.

Конечно, Володя мог смело с ней поспорить. Много, очень много средств отцом было заранее переведено на них. У матери был свой собственный счет, у Насти и у него тоже. На каждого было оформлено по квартире. И еще одну — большую самую в центре города — не отобрали. И машины имелись у каждого. Опять же у матери осталось много драгоценностей и у Насти. И в самый плохой день, который мог наступить не скоро, их можно было бы заложить и жить еще очень долго безбедно, но...

Но без отца вдруг объявились странные кредиторы, которые принялись совать им в нос отцовы расписки с дикими суммами долгов. И та сделка, которая не состоялась, тоже повисла страшным долгом на семье. Сначала продали квартиру Насти, потом матери, Володина ушла следом. Все обосновались в одной, с трудом представляя, чем за нее платить, поскольку средства на счетах таяли с катастрофической скоростью. Пошли в ход драгоценности. И однажды мать сказала:

— Дети, нам надо всем искать работу. Иначе нам скоро будет нечего есть.

Легко сказать! Володя, конечно, старался, искал. Он, в конце концов, получил блестящее образование.

И Настя, имея диплом врача-кардиолога, старалась устроиться по специальности. И мать — в прошлом учительница музыки — искала. Но!..

Но кто возьмет на работу членов семьи уголовника, отбывающего пожизненное заключение?! Никто! Все друзья и знакомые в страхе бежали от них, едва завидев. И сколько бы ни проходило времени, ситуация не менялась.

— Я приняла решение, — сделала очередное заявление мать как-то за ужином, состоявшим из дешевых макарон на недорогом растительном масле. — Я разведусь с отцом, верну себе девичью фамилию, и... И вы тоже можете ее взять. Так будет лучше для всех нас, дети. И... И отец благословил...

Сказала — сделала. Оформила развод, вернула себе девичью фамилию. Почти сразу устроилась на работу в музыкальную школу, начала репетиторствовать, повеселела, вечера у нее вдруг все чаще и чаще оказывались занятыми. И не просто занятыми, а нарядно занятыми, мать подолгу прихорашивалась, делала прически, доставала красивые платья с вешалок! Мать даже смогла выкупить что-то из заложенных драгоценностей, что еще не успели продать.

Попытавшись подсчитать, сложить ее заработок учителя и репетитора музыки, Володя лишь недоуменно пыхтел. Не выходило! Не хватало, по его подсчетам, на то, чтобы выкупить драгоценности и пропадать почти каждый вечер в театрах, ресторанах, на званых вечерах.

Вопрос — где мать берет деньги, так и остался открытым.

Настя тоже взяла фамилию матери. И даже отчество поменяла, став Эдуардовной в честь деда по

материнской линии. И сразу у нее, как по волшебству, все наладилось. Она устроилась на работу, нашла себе парня — восходящую звезду кардиологии, переехала жить к нему. Поговаривала о скором замужестве.

Володя менять фамилию отказался, считая это диким предательством по отношению к отцу.

— Твой отец убийца полицейских! — орала на него время от времени Настя, когда Володя пытался упрекнуть ее в предательстве. — Он торговец оружием! Он торговал белой смертью — наркотиками! Мне ли, как врачу, не знать к чему приводит употребление наркотиков! Он... Кто знает, что еще за ним было?! Может... может, он даже и киллеров нанимал, чтобы убирать неугодных ему людей!

Может, и нанимал, думал с горечью Володя, но может, на тот момент по-другому было нельзя? И полицейского он убил, отстреливаясь. Его тоже могли убить в той перестрелке. Он выжил. Значит, не судьба. Он, конечно, не оправдывал отца, нет! Но он его и не обвинял, как все остальные. И фамилию с отчеством не стал менять, решив нести этот крест до конца.

И однажды получил письмо отца. Тот ни разу не написал ему, ни разу не ответил на Володины письма. Может, не получал? Может, ему влепили пожизненное без права переписки? Но так сейчас не бывает. Сейчас не тридцатые. И тут вдруг конверт без обратного адреса. А в нем, написанные отцом, всего два слова. Два слова, от которых Володя прослезился, хотя и считал себя сильным и жестким, как отец.

«Спасибо, сын», — вот что написал ему отец, оценив преданность. И все. Это было первым и по-

следним письмом его отца. Потом, сколько Володя ему ни писал, отец так и не ответил ни разу.

Эту короткую записку он заламинировал. И по-детски держал под подушкой, часто загадывая что-нибудь перед сном. Что-нибудь хорошее для себя.

И странно, с некоторых пор ему вдруг начало везти. В одном из агентств ему неожиданно предложили место банковского менеджера. Сказали, что управляющий банка, просматривая резюме, остановил свой выбор именно на нем. И ждет его на собеседование.

Володя помчался, не чуя ног. Полчаса томился в приемной, без стеснения рассматривая молодую симпатичную секретаршу, занятую работой. Потом говорил с управляющим — высоким тощим лысеющим мужиком с незапоминающимся лицом и суетливыми руками, все время что-то перекладывающими на столе. На управляющем были отличный костюм, сшитые на заказ ботинки, в этом Володя отлично разбирался. Стильные очки в золотой оправе, которые он без конца дергал с переносицы, будто боялся, что дорогая игрушка исчезнет.

— Понимаете, Владимир Игнатьевич, — подчеркнуто вежливо произнес управляющий его отчество, — то, что я беру вас на эту должность, не должно вами расцениваться, как какая-то милость.

Володя удивился, но вида не подал, лишь коротко кивнул.

— Вы умный, молодой, перспективный. Думаю, что со временем вы смените на посту начальника отдела Астахову Марию Сергеевну. — Он недовольно съежил лицо, но тут же неприятно хихикнул: — Или

отправите ее в декрет! Ха-ха, шутка. Владимир Игнатьевич, шутка! На место начальника отдела — вот куда вы должны метить!

— А что с этой Астаховой не так? — осмелился он на вопрос, когда управляющий замолчал, рассматривая его сквозь стекла очков в золотой оправе.

— С Астаховой-то?.. Пф-пф-пф... — попыхтел он, раздувая щеки, будто играл на невидимой трубе. — Вопросов много задает, Владимир Игнатьевич. Дерзит, не всегда соглашается с указаниями. Выгнал бы, давно выгнал, но... Но папа с мамой у нее влиятельные очень. Не поймут.

— Предлагаете мне ее подсидеть?!

У Володи задергалась щека, он занервничал. Получалось, что его взяли на работу с одной-единственной целью — подсидеть какую-то Марию Сергеевну? И у которой весьма влиятельные родители?! Нормально!

— Боже упаси, боже упаси! — забеспокоился тут же управляющий, загораживаясь от него ладонями. — Просто наблюдайте, примечайте мелочи. Мне кажется, что она подворовывает каким-то образом. Что-то с ней явно не так!..

С Астаховой Марией Сергеевной, которую его воображение рисовало злобной толстой теткой, которой хорошо за сорок, оказалось все в полном порядке. Более того, она оказалась красивой, умной, честной! Неделю, сидя напротив нее, Володя просто не спускал с нее глаз, любовался. Любовался и слушал. Слушал и любовался. Управляющий не раз вызывал его к себе, требовал отчета о ее просчетах. Но их не было! Все прозрачно!

— Ну-ну... — недовольно морщил невыразительный рот управляющий. — Хорошо... Но вы все равно наблюдайте и запоминайте, прошу вас! Это важно!

Он наблюдал и запоминал, но не то, что нужно было управляющему. Он запоминал, как она смеется. Как поворачивает голову, когда ее кто-то звал по имени. Как ходит и присаживается. Как она пьет кофе и накручивает на ладошку прядь русых волос.

Он даже не заметил, как влюбился в нее! А когда понял, то сразу решил жениться. И переехать из большой квартиры в центре города, где им с матерью с каждым днем становилось все теснее.

И вдруг...

И вдруг он обнаружил в своем почтовом ящике конверт без обратного адреса.

«Жди инструкций, сын», — было написано рукой отца.

Володя сразу перепугался. Сразу принялся осторожно узнавать у матери, что слышно от отца.

— Сидит! — беспечно фыркала она, дергая плечами, на которые вернулись дорогой шелк и меха. — Ему еще очень-очень-очень долго сидеть, Володюшка. Он может попросить о помиловании лишь через двадцать пять лет, кажется. Точно не помню. И посчитай, сколько ему будет тогда, сынок! Кем он выйдет? Глубоким старцем, который...

Который никому не нужен, отчетливо читалось за трусливо ускользнувшим материным взглядом.

— Он тебе пишет? — спросил он. — Ему вообще можно оттуда писать?

— Почему нет? Это же не тридцать седьмой год, милый! — фыркнула снова мать. — Писал часто.

Да... До тех пор, пока я не развелась с ним. Потом написал очень лаконичное письмо. Последнее. И все.

— И что было в том письме?

— Тварь... — ответила мать без обиды.

— Одно слово?

— Одно слово, сынок. А почему ты спрашиваешь? Он что, что-то прислал тебе?

Ясные, невероятного серого цвета, глаза матери уставились на сына с тревогой. Она тут же молитвенно сложила изящные ручки на груди, яркие губы задрожали.

— Я прошу тебя, сынок! Просто прошу, не отвечай ему! Пожалуйста, живи дальше! Да, ты не стал менять фамилию, это твое право! Может, это и правильно, ты же мужчина, ты должен поступать, как считаешь нужным в данной ситуации, но... Но я прошу тебя, не отвечай ему! Твой отец... Он страшный человек! Я только теперь начинаю узнавать всю правду. И она ужасна, поверь! Прошу тебя, заклинаю! Живи дальше...

И он записку от отца спрятал подальше. И почти забыл обо всем. И тут новый удар. Отец сбежал!

— Когда же это все закончится? — верещала мать тонким фальцетом, запираясь с вечера на все замки и временно прекратив все свои вечерние вылазки. — Когда уже перестанет висеть над нами эта страшная тень этого страшного человека! Я так больше не могу!

К ним постоянно приходили люди из полиции, их вызывали, допрашивали, как много лет назад. Володя подозревал, что за ними за всеми ведется негласное наблюдение. И очень боялся, что однажды в темном дворе услышит осторожный шепот отца, просящего о помощи.

Что ему тогда делать?! Как поступить?! Он все еще любил этого сильного человека, не сломавшегося в страшном месте за эти годы. Но он обещал сообщить полиции, если ему станет что-то известно о местонахождении отца. И знал, что не сдержит своего обещания, если ему станет что-то известно о его местонахождении. И знал, что не сможет спрятать отца, если тот попросит его об этом. Не сможет предоставить ему убежища.

Те несколько дней, пока отец числился беглым преступником, Володя даже есть не мог. Управляющий от него шарахался и даже не вызывал в кабинет на доверительные беседы. Дома повисло гнетущее молчание после трехчасовой истерики матери. Настя даже не появилась в те дни ни разу. И не позвонила. Единственной радостью была Маша. С ней ему удавалось отвлечься. Но стоило вернуться домой, как снова накатывало тревожное ожидание.

А потом, дня через три или четыре, пришло другое известие. Отец был убит при задержании. Убит зверски, даже хоронить было нечего. Его тело разлетелось на куски.

И Володя плакал за поминальным столом вместе с матерью и сестрой. Сцепившись за руки, они все плакали. И как он подозревал, каждый оплакивал что-то свое. Но одно их объединяло в тот момент. Каждый из них почувствовал облегчение. Каждый!

Он начал дышать полной грудью. Стал улыбаться, снова беззаботно любить Машку, и тут, в канун того дня, когда он остался у нее ночевать, в почтовом ящике оказалось еще одно послание.

«Сделай ей предложение», — было написано рукой отца.

Мертвого отца, разлетевшегося от взрыва на куски вместе с бревнами заброшенного таежного домика!

Володя в первую минуту подумал, что он сходит с ума. Что его кто-то просто разыгрывает. Тот, кто хорошо знал отца, знал его почерк, угол наклона буквы «п», своеобразную «р» с нижней закорючкой. Первым порывом было обратиться за помощью к графологу, чтобы тот сделал экспертизу. Потом остановился, перепугавшись. А если за ним все еще следят?! Если он своими неосторожными действиями навлечет беду на...

На кого, черт побери? На кого? Мертвого отца?

А вдруг он не мертв?! Вдруг он выжил каким-то чудом?!

Этот вопрос он задал матери и Насте. Просто вынес на семейный совет, как предположение. И что услыхал в ответ?

— Не сходи с ума, сынок. Живи дальше. Твоего отца больше нет. — Мать подперла изящным кулачком безупречный, недавно подправленный пластическим хирургом подбородок. И нехотя призналась: — Я видела фотографии с места событий. Мне показывали в полиции. Выжить там было невозможно, милый.

— А вдруг погиб не он? — настырничал Володя и искал поддержки в сестре.

Но Настя нарочно отворачивалась. У нее все было прекрасно, зачем ей лишние проблемы? Ее идеальный профиль показался тогда Володе высеченным из мрамора, таким был жестким и холодным.

— А кто там мог погибнуть, кроме него, милый? — с нарочитой усталостью вздохнула мать,

дотянулась к нему через стол, потрепала его жесткие темные волосы.

— Сообщник! — Володя увернулся. — Он же не мог все это проделать в одиночку, ма! Из таких тюрем невозможно убежать!

— Но он же убежал, — еле разлепил губы Настин мраморный профиль. — Значит, система несовершенна. Только и всего.

— У него был сообщник. Он и мог погибнуть. — Володя переводил взгляд с лица матери на профиль сестры. — Его могло разнести на куски, мам! Опознавать нечего и...

— Володя, — мягко, но с нажимом перебила его мать, — это невозможно! Неужели ты думаешь, что в полиции все сплошь идиоты? И что такого опасного преступника не смогли идентифицировать?

Его покоробило, что она не назвала отца по имени. А назвала его опасным преступником, тем самым окончательно от него отрекаясь. Он бросил в ее сторону сердитый взгляд. Потом посмотрел на сестру. Ее профиль одобрительно ходил вниз-вверх. Она во всем соглашалась с матерью.

— Да, и как же они это сделали? Сложили его останки, как мозаику?!

Всех передернуло, стоило представить, как полицейские складывают разлетевшиеся в разные стороны отцовы руки, ноги, голову.

— Володя... — Мать укоризненно покачала головой, вздохнула, глянула на него с сожалением. — Не хочу тебя разочаровывать, но...

— Но что? — огрызнулся он.

— Но проводилась экспертиза ДНК останков. Это твой отец погиб там.

И снова его покоробило то, что мать назвала покойного лишь его отцом, а не их с Настей общим. И Настин профиль, улыбнувшийся матери, разозлил.

— Да идите вы все! — воскликнул он тогда и выскочил из квартиры, едва успев взять ключи от машины.

В ту ночь он остался у Маши. И сделал ей предложение. Не потому, что так велела записка, написанная почерком мертвеца, а потому, что давно собирался. И потому, что был с ней по-настоящему счастлив. Хотя толком они и не успели узнать друг друга. И он ей еще не признался, чей он сын, но...

Но им было так безумно хорошо в ту ночь, так хорошо, что когда ближе к полуночи он получил сообщение на мобильник с текстом: «Пригласи ее в воскресенье в «Загородную Станицу», то едва не грохнулся в обморок.

Что, черт возьми, происходит! Что это за бред! Кто пишет ему записки рукой отца?! Кто посылает ему сообщения с телефона, чей номер не определяется?! Кто диктует ему свою волю и...

И пригласил Машу в «Загородную Станицу».

Где-то очень, очень глубоко внутри его пульсировала и ныла крохотная надежда, что отец в самом деле жив. Что он мог каким-то чудом выжить. И пригласил его за город с невестой, чтобы понаблюдать со стороны, порадоваться за сына, за его выбор. А потом он улучит какой-нибудь безопасный для себя момент и подойдет к нему — к своему сыну — и шепнет ему на ухо:

— Привет, сынок...

При мыслях об этом глаза Володи увлажнялись, а в сердце набухал огромный огненный шар. Это для

полиции Филиченков Игнат Владимирович был опасным преступником. Для него он был и остается папой...

Отдых как-то не удался сразу.

Во-первых, тот кабинет, который он заказывал, оказался занят. И им предложили совершенно другой, на самом краю угодий. Пришлось долго идти туда, потом долго ждать обслугу.

Во-вторых, Маша как-то сразу напилась. После двух бокалов шампанского принялась клевать носом и бормотать что-то несвязное. Володя не злился, нет. Он был разочарован. У него были планы. Он хотел подарить ей кольцо в приятной обстановке. Тихо посидеть с ней, помечтать, потанцевать. Он даже цветы заказал. Но чтобы их внесли не сразу, а часа через два. В глубине души Володя надеялся, что отец откуда-нибудь за ним наблюдает и гордится.

Отец так и не появился.

В-третьих, Володе вдруг позвонили и попросили пройти к управляющему. На вопрос: «Зачем?» — менеджер лишь загадочно улыбнулся. У него снова зародилась шальная идея, что это отец его вызывает. Что это он! И, оставив клюющую носом Машу, как он думал, ненадолго, помчался к центральному корпусу к управляющему.

Отца не было в богатом кабинете управляющего, нет, хозяина этой «Загородной Станицы». И хозяином неожиданно оказался давний друг отца. Он тепло принял Володю, усадил напротив себя в кресло. И заговорил его почти до обморока, вспоминая, сожалея, каясь.

— Понимаешь, брат Вовка, — говорил бывший друг отца, проникновенно глядя Володе в глаза. —

Жизнь такая подлая! Она так тебя испытывает! Так ломает! Ни за что не сможешь предугадать, какую она тебе новую подлость подкинет через день...

В общем, продержал он его долго. Володя пару раз написал Маше, извинился. Она ответила, что не скучает. Чтобы он не волновался. Хозяин через час начал нервно поглядывать на часы. Потом пообещал помочь, если вдруг возникнет такая необходимость. Попросил обращаться, если что. И мягко выпроводил... через час.

Володя снова почти бегом вернулся в кабинет, где оставил Машу. Она дремала, положив голову на стол. Прическа растрепалась, макияж смазался. Он посетовал, что продержал ее одну так долго. Надо было сразу уезжать, как ей стало нехорошо. Он попытался ее растолкать, бесполезно. Вызвал такси к самому входу, на руках отнес ее в машину, отвез домой, уложил на диван. И вернулся на такси за ее машиной.

Наутро она ничего не помнила. И он не стал ее ни в чем упрекать, хотя и был разочарован. Но все равно удивлялся без конца, как это ее так развезло с двух бокалов шампанского. Как-то вдруг и сразу.

— Шампанское — вещь коварная, — конфузливо улыбалась Маша, прижимаясь к нему утром за завтраком. — Ты вот вино пил. Надо было мне тоже вино пить. А шампанское... Не по мне...

Они постарались забыть о неприятном недоразумении. И забыли. И назначили день свадьбы. И сегодня за воскресным обедом он собирался сообщить своим близким, что женится.

Володя остановился у двери в кабинет отца. В этой квартире кабинет был небольшим, не таким,

как в том доме, который отобрало правосудие. Но все равно кабинет тут имелся. И по воскресеньям, если оно заставало их в городе, обеды тоже заканчивались именно здесь. Мужчины проходили сюда, размещались кто где, было тесновато, но это совсем не мешало разговорам. Не мешало им выпивать дорогие напитки, курить дорогие сигареты и сигары. Кое-кто баловался трубкой. А женщины, за неимением веранды, накрывали к чаю в гостиной, успев собрать грязную посуду со стола.

Володя приоткрыл дверь, заглянул внутрь, подумав, вошел и закрыл за собой дверь. В кабинете было сумрачно, прохладно, мать, видимо, убавила тут отопление. Запах табака, въевшийся в стены и мебель, перестал быть дорогим и ароматным. Смешавшись с запахом застарелой пыли, он стал тяжелым, едким, неприятным. Володя прошелся по небольшой комнате, остановился у стола. Письменный прибор, кожаная папка, совершенно пустая, он проверил. Две рамки с фотографиями. На одной отец с мамой, совсем молодые, красивые, счастливые. На второй все их семейство, этому фото тоже было лет пятнадцать, если не больше. Настя тут совсем ребенок — милый и беззаботный, льнущий к отцу. Он всегда был для нее любимым папочкой. Чего же она так быстро забыла о нем? Чего отреклась? Не смогла понять и простить?

Он вот тоже многого не понимал и даже раздражался, когда думал, что отец мог бы прекрасно обходиться без своих подпольных бандитских дел, ведя бизнес вполне легальным образом. Но он давно простил его. Давно! И считал, что отец, получив такое страшное наказание, искупил свою вину. Он

все равно был и оставался его папой. И пока он сам не увидит его мертвым, он будет считать его живым.

— Володя! — резким неприятным голосом окликнула его Настя, влетев в кабинет. — Что ты тут делаешь?!

— Ничего. — Он поставил рамку с их общей фотографией обратно на стол отца. — Просто смотрю.

— Идем, идем. — Она призывно махнула рукой. — Мама все накрыла к обеду.

Мама неожиданно удивила, впервые за многие годы разлуки с отцом наготовив так много. И луковый суп по-французски, который ей очень удавался. Баранья фаршированная нога, салаты, соусы. Сыры трех или четырех сортов, тушеные овощи на гарнир.

Володя с удовольствием поел. Дождался, пока мать с сестрой уберут грязную посуду, поставят чайник, поменяют глубокие тарелки на чайный сервиз, и тогда сказал:

— У меня для вас новость.

— У меня тоже! — вспыхнула радостной улыбкой Настя.

— И у меня... — мать неожиданно нахмурилась.

Володя тут же обеспокоился. Новость плохая? Чего она так хмурится? Или сердится? Или чего-то стесняется? Всегда бледные щеки матери покрыл вдруг румянец.

— Сейчас я принесу пирожные, чай, и тогда приступим к обмену новостями, — проговорила она после паузы, которую никто не захотел заполнять своими новостями.

На белоснежную кафельную подставку поставили вскипевший блестящий чайник. Мать тут же влила на палец кипятка в заварник, насыпав туда

дорогого элитного чая. Черт его знает, где она его брала! Подождала в тишине немного, долила кипятка доверху. Через минуту разлила чай по трем чашкам. Подала каждому покупные пирожные, тоже из дорогой кондитерской в центре города. Одно пирожное там стоило, Володя точно знал, как большущий торт в супермаркете по соседству с Машиным домом.

— Итак... Приступим? — Мать холодно улыбнулась детям. — Настя?

— Я выхожу замуж, — оповестила она. — Мы прожили достаточно долго вместе, чтобы понять, мы друг без друга не можем. И хотим нарожать детей, вести общее хозяйство.

— Могла бы просто сказать, что любишь его! — фыркнул Володя и, скатав фантик от конфеты шариком, запустил им Насте прямо в лоб. И попал.

Она тут же взбесилась, разоралась, принялась жаловаться матери, что брат у нее такой придурок. Что он никогда не перерастет своей подростковой придурковатости. И что впредь она отказывается с ним есть за одним столом.

— Не очень-то и хотелось, — пробубнил он, неожиданно обидевшись. И вспомнил: — Кстати, а твой валенок Щупов...

— Щипов! — с визгом поправила его Настя, гневно раздувая ноздри. — Его фамилия Щипов! А зовут его Виктор! И он обещает стать знаменитым кардиологом!

— Обещает? — Володя хищно прищурился. — Кому? Тебе, что ли?

— Ма, ну скажи ему! — захныкала как маленькая девочка Настя и швырнула ему фантиковый шарик обратно. Не попала. — Чего он вечно?!

— Володя... — Мать раздраженно поморщилась. — Прекрати, я прошу тебя.

— Ладно, не буду, — и снова обернулся к Насте: — А он знает, чья ты дочь, твой обещающий стать знаменитым кардиологом Щупов?

И повисла пауза. Настя тут же надула губы и, широко раскрыв рот, откусила почти половину пирожного.

— Не знает, — сделал вывод Володя. — А если узнает, как думаешь, останется он с тобой?

— А как он узнает, если я ему не скажу! — фыркнула Настя, разбрызгивая сахарную пудру.

— Как это? — Он изумленно замер, потом тряхнул головой. — Что значит не скажешь?!

— А то и значит! — огрызнулась Настя. И повернулась к матери с умоляющей улыбкой: — Ма, ну скажи ему!

Мать промолчала.

— Настя, ты хочешь начать свою семейную жизнь со лжи?! Но что это будет за семья, Настя?! Папа с мамой... — начал было он, но тут же осекся под злым материнским прищуром.

— Что папа с мамой, Володя?! Что папа с мамой?! — театрально прикрывшись ладонью, воскликнула мать. — Я ничего, ничего не знала о его преступной деятельности! Настя тоже. Нам вход в его кабинет был заказан, сын!

— Туда впускали только тебя, между прочим, — ядовито вставила Настя. И добавила почти с ненавистью: — Мог бы пойти как соучастник!

— Настя! — Мать с силой, несвойственной ей, опустила ладонь на стол. — Прекрати!

Над огромным овальным столом, накрытым белоснежной скатертью, уставленным чашками с блюдцами, чайниками, вазочками и розеточками с конфитюром, повисла тягучая пауза.

— А что я такого сказала? — все же огрызнулась сестра. — Володька многое знает! Многое! А ничего не рассказывает! Столько лет молчит! Может, крысятничает втихомолку, ма?

— Что я знаю? — удивленно оглядел он мать и сестру. — Что ты имеешь в виду?!

Мать с сестрой стремительно переглянулись. И снова по аристократически бледному лицу матери поплыли красные пятна.

— У твоего отца оставались счета за границей, до которых наше правосудие не добралось, — нехотя произнесла мать, уставившись в стол, будто смотреть на сына ей было мучительно больно. — Пока он был жив, доступа к ним не было. Сам он ими распорядиться не мог, сидя в тюрьме. Но теперь... Теперь, когда его не стало...

— Мы можем вступить в наследство! — перебила с непонятным оживлением Настя. — Надо только знать, в каких банках эти счета. Ты что-то знаешь, Володя?

— Нет, — сказал он, твердо глядя им в глаза, и тут же вспомнил кое-что, но сказал совсем другое: — Если у отца были там деньги, то наверняка были и душеприказчики. То есть люди, которые...

— Мы не идиотки, поняли, — фыркнула мать, в упор рассматривая сына, будто видела впервые или открывала в нем что-то новое. — Может, они и есть. Только как до них добраться? И куда? Может, он что-то говорил тебе?

— Нет, — соврал Володя.

Отец говорил, говорил ему. Отец назвал ему страну, город, улицу и номер дома, куда он должен будет обратиться, если что. И еще...

Отец твердо намеревался составить завещание, в котором все свое состояние он собирался завещать ему — сыну.

— Бабы спустят все на второй год, — потирал отец большим и указательным пальцем переносицу. — А то и замуж выйдут, а муженьки их помогут спустить все еще быстрее. Ты мой наследник, Володя! Все только тебе. А ты, я знаю, девчонок не обидишь. По совести все распределишь. Без хлеба не умрут, так ведь, сынок?..

Он сдержанно кивал, хотя разговоры о наследстве и завещании его неприятно коробили. Отца он считал мощным, здоровым, крепким, не способным уйти из жизни рано.

Кто же знал, что все так выйдет!

Вступать в наследство нужды не оказалось. К моменту гибели отца все, что было записано на него, либо было конфисковано, либо забрали за долги. К слову, дядя Слава Лукин — адвокат отца активно помогал после его ареста избавлять семейство от отцовых денег. Приводил все новых и новых кредиторов, подсовывал всякие расписки, многие из которых казались Володе «липовыми».

А что касается счетов за границей...

Он про них и забыл совсем! Только теперь вот вспомнил кое-что, только теперь!

— Ты уверен? — Мать сверлила его не верящим чужим взглядом.

— Уверен, — кивнул он. Потом Володя снова повернулся к Насте: — А тебе, милая, я советую рассказать все своему кардиологу — будущему светиле. Представляешь, пройдет год, второй, он обо всем узнает и... и бросит тебя на восьмом месяце беременности.

— Почему? — Настя закусила прелестную губку, глянула на мать беспомощно.

— Потому что не простит вранья. — Володя встал с места. — Я бы не простил.

Снова повисла пауза.

— Да... — Мать стряхнула с себя раздумья, в которые погрузилась сразу после его слов. — Возможно, ты и прав, сынок. Настя, тебе следует подумать об этом.

— А если... если он меня после этого бросит?! — ахнула она, и прекрасные, как у матери, серые глаза наполнились слезами.

— А если бросит после? — резонно заметила мать. — Шила в мешке не утаишь, девочка моя! Расскажи! Володя прав. Итак... Дальше... Твоя новость, сынок.

Володя встал за стулом, на котором сидел, вцепился в спинку. И почему-то разволновался. Он когда Маше предложение делал, так не волновался. А тут...

— Я женюсь! — выпалил он и счастливо рассмеялся. — На самой прекрасной девушке на свете. У нас нет с ней общего хозяйства, мы не жили с ней вместе и не поняли пока, готовы ли воспитывать наших детей, но... Но я люблю ее!

— Оч романтично! — съехидничала тут же Настя. — Любовь! Это, конечно, важно! Много важнее прагматичных жизненных устоев!

Мать отмахнулась от нее, как от назойливой мухи, прищурила на сына глаза.

— Кто она, сын? — еле разлепив губы, спросила Эльза Эдуардовна. — Мы знаем ее семью?

— Мама, мама, ну какая семья?! О чем ты?! — нервно дернул он плечами. — Она прекрасная девушка, мы вместе работаем.

— Она кассир в банке?! — презрительно фыркнула мать.

Настя разразилась ядовитым смехом.

— Нет, она начальник кредитного отдела, в котором я работаю. Ее семья... Я так понял, ее родители весьма состоятельные люди, живут где-то за границей.

— Уже лучше... — меланхолично кивнула мать и тоже встала, как и сын, за спинкой стула. — Ну а теперь и моя новость, дети... Я выхожу замуж.

— Кто он? — выпалили они с Настей в один голос.

— Вы отлично с ним знакомы. Лукин.

— Дядя Слава? — Голос Володи осип от волнения.

— Да, это Вячеслав Иванович, адвокат отца. К слову, благодаря ему я и выплыла из долговой ямы, в которую ваш папочка меня загнал!

Голос ее был до отвратительного ледяным и колючим, таким она об отце еще ни разу не говорила. И Володя мог бы запросто поспорить насчет помощи дяди Славы. Он бы мог напомнить, что именно дядя Слава находил все новые и новые долги отца. Это он, по сути, разорял семью несколько лет после того, как приговор отцу вступил в силу.

Но он не стал ничего говорить. Он ведь не знал точно, поэтому все его подозрения и обвинения могли оказаться ложными. Но... Но выбор матери показался ему по меньшей мере странным.

В свои пятьдесят два года она выглядела едва ли на сорок. Маленького роста, хрупкая, с изящной фигурой, стройными ногами, потрясающе красивым лицом, мать великолепно оттеняла первобытную красоту их отца. Кому-то он мог показаться непривлекательным — Филиченков Игнат Владимирович. Тому, кто его ненавидел. Володя же считал его самым сильным и самым красивым. Особенно когда у того глаза горели азартом. Тогда даже воздух вокруг него накалялся и подрагивал, как в жаркий июльский полдень.

А дядя Слава...

Рыхлый, рыжеволосый, веснушчатый пройдоха-адвокат со странными желтыми глазами, которые он без конца по рысьи прищуривал. Заискивающие манеры, противные волосатые пальцы с коротко остриженными квадратными ногтями. Двусмысленные шуточки.

Володя, мало сказать, опешил. Он разозлился ее выбору. Но промолчал. Настя не сдержалась.

— Могла бы себе и получше найти, — недовольно буркнула она. — С твоими данными, мама!

— А что с ним не так? — Мать беспечно пожала плечами. — Да, не красавец. Да, в сравнении с отцом он проигрывает. Но мне обещана беззаботная жизнь — и это главное.

— Ага, — не сдавалась Настя. — Но в этой беззаботной жизни тебе придется с ним спать, мам!

Мать отвернулась от них к окну. И какое-то время они наблюдали ее поникшие плечи, понурую спину. Потом вдруг спина выпрямилась, мать повернулась к ним с широкой улыбкой. И сказала, будто не слышала неприятных слов от дочери:

— Предлагаю в следующее воскресенье встретиться всем вместе. Володя со своей девушкой. Как ее зовут, сын?

— Маша.

— Прекрасное имя, — фальшиво улыбнулась Эльза. — Итак, Володя с Машей, Настя с Виктором и я со Славой. Устроим всеобщие смотрины. И... поговорим о том, как нам дальше жить. Хорошо?

Все согласились. Володя помог девочкам убрать со стола. Они едва разговаривали друг с другом. Все больше по необходимости. И он очень рад был, когда, собрав кое-что из вещей, вышел из квартиры на лестничную клетку.

Маша должна была быть дома. Собиралась наводить порядок в квартире. Он едет к матери на обед, она делает уборку. Так они договорились, нацеловавшись за утренним кофе до головокружения.

Маша, Машенька, Машуня...

Володя тепло улыбнулся, вспомнив ее смущение после неудавшегося выезда за город неделю назад. Ничего страшного. В семье всякое бывает. Это не преступление. Маленькая такая оплошность, сказал он ей, чуть раздвинув большой и указательный пальцы. Все будет хорошо. Все у них будет хорошо. И даже больше!

Вот только надо будет рассказать ей о своем отце. Как-то правильно рассказать. Чтобы она не отпрянула в испуге. Чтобы не шарахнулась от него и не перестала любить. Он найдет правильные слова, умные, достойные. Не станет никого оправдывать, но и не станет никого осуждать. В конце концов, он же его папа — Филиченков Игнат Владимирович. А родителей, как известно, не выбирают.

Володя вышел на улицу, поежился от пронзительного ветра, сразу вцепившегося в его непокрытую голову. Дошел до машины, швырнул сумку на заднее сиденье. И только тогда увидел под левым «дворником» темный, почти слившийся с темным стеклом, конверт.

— Что за ерунда?!

У него сразу заныло все внутри. Неприятно сначала дернулось, рухнуло куда-то вниз и следом болезненно заныло. Володя огляделся. Во дворе, кроме него, никого не было. Погода была дрянной, начинался мокрый снег, кто по доброй воле выйдет на улицу в такой вечер? Он еще раз осмотрелся. Только фонари освещали двор, автомобили с потушенными фарами.

Кто знает, может, в одной из этих машин притаился тот человек, который подсунул ему темный конверт под левый «дворник»?

Володя осторожно вытащил конверт, осмотрел. Обычный, без адресата, без обратного адреса. Внутри что-то твердое, как небольшая брошюра. Что это? Он все медлил и не надрывал. Все надеялся, что это не ему. Что это чей-то глупый розыгрыш. Или ошибка. Машины могли перепутать или просто...

Он надорвал пакет. Заглянул внутрь. Стопка фотографий и записка, свернутая вдвое. Трясущимися руками Володя достал записку и едва не зарычал от отчаяния.

Рукой отца, рукой человека, которого все считали мертвым, было написано: «Покажи своей шлюхе. Жди дальнейших инструкций». И снова ни подписи, ни закорючки. Но это был почерк отца, сомневаться не приходилось.

Шлюхе?! Почему шлюхе?! Кого он имеет в виду?! Какие инструкции? Он ни черта не понимал! У него голова шла кругом и сердце останавливалось.

Отец мертв? Что там говорила мать об анализе ДНК? Что в полиции все сплошь профессионалы?! Они установили, что отец мертв?! Так кто же пишет ему эти чертовы письма?! Кто?

Володя резко тряхнул конвертом, и на капот, влажный от начавшегося мокрого снега, высыпались фотографии. В свете фонарей он прекрасно рассмотрел все детали мерзкого действа, которое совершалось в тот момент, когда он говорил с хозяином «Загородной Станицы». Совершалось с Машей. Совершалось Машей...

ГЛАВА 6

Прошла неделя после того, как он получил по башке, а ему так и не удалось узнать: кто и почему. Но сегодня, в понедельник, Лавров ехал в «Загородную Станицу» с вопросами. Точнее, с разборками.

Нет, он-то ехал с вопросами. С разборками ехала Лерка, навязавшаяся на его больную голову. И твердо вознамерившаяся восстановить ход событий в тот несчастный выходной день и наказать мерзавца.

— Умная очень, да? — криво ухмылялся Лавров, наблюдая за Леркиными сборами. — Мне никто ничего не скажет, а тебе прямо все выложат!

— Ты у нас кто, Лавров? — Лера примеряла уже третью кофточку, вертясь перед зеркалом в его комнате.

— Кто?

— Ты бывший мент, мусор! Получил по башке, и поделом, скажут. Только порадуются и позлорадствуют некоторые элементы. Кто с тобой говорить-то станет?

— А ты у нас кто такая, что с тобой говорить будут?

— Я? — Ее пухлые губы тут же тронула лукавая улыбка, очередная кофточка была поддернута так, чтобы на палец оголился загорелый животик. — Я, Лавров, красивая девочка! И не просто красивая, а очень, очень, очень сексуальная! И со мной говорить станут, поверь мне!

И права оказалась, чертовка! И хорошо, что он ее послушался и из машины не полез.

— Ты со своими бинтами только все испортишь, Саня! — шипела на него девушка, удерживая за рукав, когда он рвался из машины на волю. — Прошу, посиди тихо, а?

Посидеть ему пришлось почти час. Пока она по дорожкам «Загородной Станицы» на шпильках выгуливала поочередно охранников, дежуривших в тот вечер. Крутила попкой, тянула ножку, брала под локоток широкоплечих парней. Хохотала, когда те принимались шутить с ней. Лавров думал, что это никогда не закончится и эта вздорная ментовская дочка никогда уже не вернется.

Вернулась.

— Ну, Саня, с тебя пол-литра! — точно воспроизведя интонацию отца, выпалила Лерка, вваливаясь в машину. — Поехали!

— Куда? — отозвался он ворчливо.

— Пока прямо. Пока в город, там скажу, куда.

Лера положила руки на коленки и принялась барабанить по ним пальчиками. Рассказывать она пока явно не собиралась. Она размышляла. Он не полез с вопросами, послушно выруливая на трассу и вливаясь в плотный поток машин.

— А скажи мне, Саня, зачем ты в тот день туда поехал? — нарушила она молчание, когда они уже почти въехали в город.

Лерка знала прекрасно, зачем он туда поехал. Но раз спрашивала, значит, надо было отвечать. Лавров только хотел было открыть рот, но опоздал. Лера сама принялась отвечать.

— А поехал ты туда для того, чтобы подстраховать свою соседку Машу Астахову по ее же просьбе. Ну не испытывала она стопроцентного доверия к своему новоявленному избраннику, что поделать! Так?

— Приблизительно, — успел все же он вставить.

— А Маша Астахова туда поехала зачем? Правильно! Поехала она туда отдыхать. — Лерка глянула на Саню рассеянным взглядом. — Жених ее заранее забронировал отдельный кабинет для приватной обстановки. Заранее обговорил меню и...

— И?

— И кабинет тот, расположенный в центральном корпусе, неожиданно оказался занят.

— Да ладно! — Лавров потрогал шишку на лбу под бинтами. — А Машка ничего не сказала.

— Она могла и не знать о предварительных хлопотах своего Володечки.

— Могла, — кивнул он согласно, осторожно перестраиваясь в крайнюю правую полосу. — И куда же они потом делись? Они же не вернулись к машине и...

— Им предоставили с извинениями другое укромное местечко. На отшибе этой «Станицы». На самом отшибе, Саня!

— И что?

— А ничего на первый взгляд, ничего будто бы странного, если бы не одно «но»! Даже два «но»!

— А конкретнее нельзя? — разозлился он, потому что Лера Заломова снова замолчала, уставившись в окно. — Сейчас высажу!

— Высадишь и не узнаешь номера машины счастливой спортивной семьи, чей мальчик, возможно, видел напавшего на тебя злоумышленника! — И противная девчонка показала ему язык, как тот мальчишка позапрошлым воскресным вечером.

— А ты прямо знаешь номер? — усомнился Лавров.

— Знаю, — с фальшивой скромностью улыбнулась Лера.

— И адрес знаешь?

— И адрес знаю. Потому что, когда ты зевал в машине, я успела позвонить папеньке, слить ему номер машины, он его пробил и назвал мне адрес, Александр Иванович вы наш. И ворчал при этом папенька, Александр Иванович. — Лера ядовито скалилась. — Говорил, что не обязан всяким бездельникам помогать, которые бросили его одного-одинешеньку на растерзание начальству и груде преступных дел, которые множатся на его столе, как плесень. Это он про вас, Александр Иванович.

— Я ему, между прочим, тоже помог.

— И как же?

Лера развернулась к нему, нацелившись в него коленками, которые торчали сквозь прорехи драных джинсов.

— Я сходил к вдове Гореловой и уговорил ее никуда не соваться с жалобами, — ответил он.

— Уговорил? — передразнила его Лера.

— Да-да, милочка, уговорил! — в тон ей произнес он.

— Плохо уговаривал, Лавров. Горелова твоя в прокуратуру все же пошла. И жалобу настрочила, что ей отказано в возбуждении уголовного дела. Вот так-то...

— Твою мать! — выругался Саша, едва не зацепив бампером бордюрный камень на повороте. — Просил же! Обещала же! Ну, Нина Николаевна...

— И потому папенька изволил гневаться и угрожать, что помогать вам больше не станет. И даже условие выдвинул, папенька-то. — Лерка раздвинула в широкой улыбке пухлый рот, выжидательно уставившись на Лаврова.

— И что же за условие?

— Что, как только вы разберетесь со своей больной головой, то есть найдете злоумышленника, пробившего вам лоб, вы вернетесь в отдел. Так-то! Вас готовы взять обратно. Папенька уже похлопотал.

— А я его просил? — взревел Лавров так, что девушка испуганно вжала голову в плечи. — Благодетель! Сначала он мне дочку свою подселяет, потом условие ставит! Ну, явится он еще! Я его угощу...

— Не явится, Александр Иванович. — Лера смиренно вздохнула, уложила изящные ладошки ему на локоток и прошептала доверительно: — Потому как реакцию вашу предвидел. И дал вам и себе время.

— То есть?

Лавров покосился на аккуратные ноготочки, выкрашенные черным лаком. Чертова девка! Почему

черным-то? Чего не красным, не розовым, как у всех нормальных девушек? Черный лак! Дьявольщина какая-то! А перед этим точно был синий!

— Он дал вам время отыскать напавшего на вас злоумышленника, время успокоиться, принять решение и вернуться. — Леркины пальцы погладили грубую кожу его куртки. — Месяц! Ровно месяц, Александр Иванович, у вас... у нас на все про все. Или...

— Или что? — Лавров со злостью двинул локтем, стряхивая с себя ее пальцы с дьявольским маникюром.

— Или, сказал, он вам не друг!

— Придурок он, — скрипнул зубами Лавров.

И тут же подумал, что подобными угрозами Жэка никогда не разбрасывался. Если угрожает, так и будет. Не простит другу бегства. И не потому, что Саня ушел, а потому, что так и не назвал причины.

Честно? Он и сам ее не знал! Нет, поначалу думал, что ушел потому, что все достало. Устал! Надоело! Потом, посидев дома, вдруг решил, что это не причина. Что все устают. Что всем надоедает ежедневная рутина. И подъемы ранние, и отбои поздние. Не у него одного они случаются. Да и просыпается каждый день за минуту до будильника. Это как?

Причина...

Какова же причина его бегства?..

— Ну, придурок или нет, не вам решать, — надула губы Лера, обидевшись за отца. — А сроку дал месяц, Александр Иванович. Вот сюда сверните, там на повороте налево, через пару кварталов будет дом нашего благородного семейства...

По указанному адресу нашелся девятиэтажный дом с красивым тесным двориком, где едва поме-

щались автомобильная стоянка, детская площадка, столики со скамейками, даже сейчас занятые пенсионерами.

— Здесь?

Лавров поискал место для парковки, не нашел и притиснулся к заднему бамперу самой грязной машины, стояла давно, может, и еще столько простоит, и он ей не помешает. Они вышли с Лерой из машины и пошли к среднему подъезду. Там сразу повезло, дверь открылась, выпуская на волю молодую супружескую пару с коляской. Они без проблем вошли в подъезд. И вскоре уже звонили в сороковую квартиру, где, по утверждениям Жэки, проживала милая спортивная семья.

Открыли почти сразу.

— Слушаю вас, господа? — Пронзительно-синие глаза мамочки уставились на повязку Лаврова.

— Добрый день. — Лера лучезарно улыбнулась привлекательной мамочке в невозможно прекрасном бирюзовом домашнем платье. — У нас к вам дело, простите. Неделю назад воскресным вечером в «Загородной Станице» на моего друга... — Лера неожиданно взяла Лаврова под руку, прижалась щекой к рукаву его куртки, — было совершено нападение.

— Я не слепая, вижу. — Мамочка не проявляла и тени любезности, более того, она нахмурилась и приняла воинственную позу, чуть отставив в сторону ножку, обутую в атласную туфельку бирюзового цвета. — Почему вы здесь?!

— Понимаете, мы ищем свидетелей этого преступления, — нежным, проникновенным голосом проговорила Лера, ненавидя эту надменную красотку за шелк, в который она была одета. Она при-

близительно догадывалась, сколько это домашнее убранство могло стоить. Гораздо дороже ее короткой курточки и сапожек на высоких шпильках.

— Так ищите, я-то тут при чем?! — Симпатичное ухоженное личико блондинки пошло красными гневными пятнами.

— Вы — ни при чем, — встрял Лавров, чуть отодвигаясь от Леры, явно перегибавшей палку с нежными чувствами. — Ваш сын Макс...

— Что — Макс?! — Красных пятен на ее щеках стало больше. — При чем тут Макс?!

— Он мог видеть. — Лавров обескураженно развел руками. — Простите, но это единственная зацепка. Больше надеяться не на кого. Только Макс.

— Но мы были все вместе тем вечером. И если я ничего не видела, мой муж ничего не видел, как мог видеть Макс? — Красные пятна чуть побледнели, видимо, мамочка начала понемногу успокаиваться.

— Он показал мне язык за минуту до того, как меня ударили.

— Макс? Показал язык? — Она аж осипла от слов, которые не укладывались в ее хорошенькой белокурой головке. — Но это невозможно! Он воспитанный мальчик и...

— Он всего лишь мальчик, извините. — Саня снова развел руками. — Позволите с ним поговорить?

— Макс! — громко крикнула она вместо ответа, чуть повернув голову к левому плечу. — Макс, иди сюда немедленно! Я заметила, что ты подслушиваешь!

Откуда-то — им не было видно с лестничной клетки — появился мальчик. Встал рядом с матерью. Очень симпатичный, в темно-синих домашних

брюках, голубой тенниске, с аккуратно зачесанными назад светлыми волосами и такими же, как у матери, пронзительно-синими глазами.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался он и тут же с испугом уставился на повязку Лаврова.

— Помнишь меня? — Саня присел перед ним на корточках. — Неделю назад, в воскресенье, вы возвращались после бассейна и...

— Да, я помню, — кивнул Макс, покосившись на мать с опаской. — Я показал вам язык, простите. Это я просто так.

— Ерунда, мелочи. — Лавров улыбнулся мальчишке, тронул повязку. — Меня почти в тот же момент по голове шарахнули. Ты случайно не видел, кто это был?

Мальчик поднял голову, глянул на мать, ища одобрения, поддержки, та едва заметно кивнула.

— Видел, — признался мальчик. И тут же поправился: — Я кое-что видел.

— Что ты видел, Макс? — спросила строго мамочка, не меняя воинственной позы. — Не мямли, говори, как мужчина!

Он мгновенно распрямил плечи, облизал губы и произнес, как на уроке:

— Я видел мужчину в темной одежде. Он медленно подходил сзади вашей машины.

— А потом?

Лавров одобрительно улыбался, ему вдруг стало жаль этого пацана, которого мама в дорогой домашней одежде строит, как на экзамене, перед посторонними.

— Потом какая-то суета возле вашей машины. Темно было, видно плохо, а затем... — Мать тут же

дернула его за руку, заставляя замолчать. И он опустил голову, произнес: — Это все.

— Спасибо, Макс. — Лавров протянул ему руку, дождался, когда его мать одобрит и мальчик протянет свою ладошку, пожал ее уважительно и еще раз повторил: — Спасибо, Максим.

— Не за что. — Мальчик неуверенно улыбнулся.

— Так не говорят, Макс. Говорят, «пожалуйста», — фыркнула мамочка и начала прикрывать дверь.

— Секундочку, — вдруг влезла Лерка и тоже присела перед мальчишкой на корточки. — Скажи, а номер машины ты запомнил, на которой уезжал тот человек в темной одежде?

И он вдруг кивнул. И хотя мать на него гневно зашипела, как рассерженная гусыня, он продиктовал:

— Темно-синий «Форд Фокус» Мария, Антон, Сергей, четыре восемь два. Номер легкий из четных чисел, умножается на два.

Лавров с Лерой встали во весь рост, поочередно еще раз пожали руку мальчику.

— Если преступник будет пойман, тебя ждет награда, — вдруг пообещала Лера и ткнула кулаком Лаврова между лопаток. — Так ведь, Александр Иванович?

— Совершенно верно, — поддакнул он и еле успел отскочить, а то бы резко захлопываемая дверь квартиры непременно врезала ему по шишке на лбу.

Они минуту постояли под дверью, слушая, как орет мать на Макса, который откровенничает со всякими проходимцами.

— У них на лбу написано крупными буквами — сброд! — надрывалась миловидная мамочка, не за-

ботясь о том, что ее могут услышать с лестничной клетки. — Парень он ее, как же! А называет его по имени-отчеству! Да и он не особо в ее сторону смотрел влюбленными глазами...

— Надо тренироваться, Лавров, если мы решили следовать легенде, — вдруг вспомнила об этом Лера, когда они уже ехали обратно.

— Это ты о чем?

Он даже не сразу понял, потому что был занят другими мыслями. Он, к примеру, думал сейчас о том, что дико ошибся в своих предположениях. Он легкомысленно настраивал себя на то, что напал на него какой-нибудь подвыпивший посетитель «Загородной Станицы». Просто перепутал с кем-то или напился до чертей и ударил его из куража. А получалось, что били его намеренно. Именно его! И потом сразу уехали на темно-синей машине. И кто это мог быть?

— Выходи на работу и пробивай сам, — взорвался негодованием Жэка, когда Лера набрала его и передала телефон Лаврову. — Умник! Что? Хреново без удостоверения-то, да? В проходимцы записали, так? Заявления от пострадавшего у меня не было, гражданин Лавров, и...

Лавров отключился. Слушать Жэкин ор он не желал. И вдруг кое-что резко вспомнил. От чего он отвлекся из-за того, что они сразу поехали на адрес молодой симпатичной спортивной семьи, мамочка которой ругала своего сына совсем не по-спортивному.

— Лера, о каких два «но» ты говорила, когда мы уезжали из «Станицы»?

— Не помню, — буркнула она, недовольная тем, что Лавров не стал разговаривать с ее отцом, а по-

просту отключил телефон и швырнул его ей на коленки.

— Ты сказала, что кабинет, заказанный Филиченковым на воскресенье, оказался занят, — начал припоминать ее слова Лавров. — Что другой, который им предоставили, оказался на отшибе. И вроде бы ничего, но есть два «но». Ты ведь так сказала!

— Да? Может быть. — Лера съежилась на сиденье рядом с ним, недовольно надула губы. — А это еще имеет значение? То, где отгуляла свою помолвку твоя соседка? Мы ведь теперь точно знаем номера машины, в которой уехал злоумышленник, напавший на тебя. Что с того, что меня обеспокоило?

Лавров взбесился, резко взял вправо, въехал автомобильной мордой в заросли голого кустарника, заглушил машину, рванул за плечо Леру на себя и прошипел со злостью:

— Позволь мне самому решать, что должно беспокоить, а что нет!

— Меня? — Ее невозможно было напугать ничем, черные глазищи смотрели нагло, с вызовом. — Тебя волнует, Лавров, что беспокоит меня?

— Выселю! — угрожающе понизил голос Саня, взгляд как заколдованный торчал на ее губах, которые ухмылялись, подразнивали.

— Ладно, не ори.

Она повела плечом, высвобождая его от Саниных пальцев. Права была нарядная мамочка Макса, не очень-то из них выходила влюбленная парочка.

— В общем... Через какое-то время, как они приступили к обеду...

— Кто?

Лавров отвернулся от девушки в окно, чтобы не наблюдать за тем, как шевелятся ее губы.

Чертов Жэка! Зачем он это все устроил?! Зачем поселил Лерку на его территории? Чтобы она за ним присмотрела? Ха-ха! Нашел няньку! Нет, тут кроется какой-то подвох. Какой-то умысел. Наверняка злой умысел! Жэка не мог не знать, как действуют на мужчин чары его дочки красавицы. А они действуют! И еще как! И даже на Лаврова, который знал Лерку еще ребенком и носил ее на плечах, если папа уставал. Знал, паскудник! Обо всем он знал. И все равно поселил. Зачем?!

— Что ты сказала?! — переспросил Лавров, чуть отвлекшись.

— То и сказала, что, когда Филиченкова вызвал к себе хозяин, возле последнего корпуса, где обедала наша сладкая парочка, наблюдалось странное оживление.

— В смысле?!

— В том самом, что подъехали какие-то машины, туда вносились какие-то сумки, похожие на съемочное оборудование. Причем об этом мне сказал только один охранник, из новеньких. Самый молодой...

Это тот, которому она улыбалась особенно проникновенно, неожиданно с неприязнью подумал Лавров. И к которому жалась особенно тесно...

— Остальные хранили молчание насчет этого интересного факта. Только один разговорился.

Лера зажала ладошки коленками. Поежилась. Может, замерзла, подумал Лавров. Курточка короткая, поясница наружу, живот тоже. Джинсы в дырках, сквозь которые видна загорелая кожа, покрытая мурашками.

Черт! О чем он думает?! Какое ему дело до ее мурашек на коленках? Он с Жэкой эти коленки зеленкой мазал, когда она в детстве без конца с велосипеда падала. Падала, тут же под ее оглушительный рев коленки замазывались зеленкой. И настырная девчонка с двумя смешными хвостиками в короткой цветной юбочке снова лезла на велик.

— Значит, один разговорился, остальные молчат... Начни ворошить, и он замолчит, — предположил Саня. — Так что тебя насторожило, Лера Евгеньевна?

— А то! Странно как-то все... Тот кабинет, который он заказал, оказался занят, странно. У них так никогда не бывает, сказал молодой охранник. Всегда порядок, а тут накладка. Потом Володю этого сразу вызвал к себе хозяин и продержал час!

— Час?! — ахнул Лавров и помрачнел. — Чего это вдруг?

— Вот и я о том же! — воскликнула Лера. — Привез девушку для того, чтобы отдохнуть с ней, чтобы сделать ей предложение, я правильно поняла из твоего рассказа?

— Правильно.

— Вот! А сам смылся на час. А в его отсутствие какие-то странные люди там шустрили. Она это... Маша ничего тебе не рассказывала? — вдруг спросила Лера, и как-то странно посмотрела на Лаврова.

Каким-то затравленным, виноватым показался ему этот взгляд. Но он не придал значения. Просто спросил:

— А должна была?

— Да нет... Я не знаю... Просто спросила...

И все. Она замолчала и промолчала до самого дома, сосредоточенно рассматривая улицу, скользившую за окнами автомобиля. И конечно, Лавров даже не подозревал, о чем она сейчас думала.

А думала Лера о вчерашнем визите Маши. И воспоминания эти не приносили ей радости. Скорее, они были досадливыми, неприязненными.

Подумаешь, красотка! Подумаешь, выше ее сантиметров на двадцать! И ноги длиннее, и грудь больше. И что?! У Лаврова теперь имеет вид на жительство она — Валерия Евгеньевна Заломова, а не Мария Астахова, без конца выходившая замуж за придурков. И не надо было на нее так смотреть: свысока, снисходительно, с улыбкой, которая означала: дурочка ты, девочка, раз размечталась. И она повела себя скверно с соседкой Лаврова. Очень скверно. Она...

Надо начать с того, что она вынырнула из комнаты в шортиках и завернутой до лифчика футболке с тряпкой в руках, которой разглаживала пузыри на обоях. Оставалось два листа, которые она не смогла доклеить за неделю, закрутилась с досрочной сдачей зачетов. Лавров куда-то ушел из дома, она и засуетилась снова с поклейкой. И тут звонок. Конечно, она выглядела так себе. Растрепанная, потная, и глазки не подведены. А Маша...

Маша — высокая, красивая, с осанкой королевы, стояла на пороге в длинном кашемировом пальто цвета топленого молока, в коричневых замшевых высоких сапожках без каблуков, такого же цвета были у нее сумочка, перчатки и шарфик. И длинные Машины волосы так изысканно были уложены, и макияж бесподобен был. Лера почувствовала себя гадким утенком в обрезанных под шорты старых

джинсах, закрученной футболке, босоногая и с красными пятнами на коленках оттого, что пришлось долго стоять на них, прилаживая не желавший приклеиваться лист у самого плинтуса.

— Здравствуйте, деточка, — зачем-то обозвала ее сразу Маша, внимательно оглядывая Леру с головы до ног. — А Александр Иванович дома?

— Никак нет-с, отсутствуют-с, по причинам нам неизвестным-с, — сразу завелась она, ответив не так, как подобает. — Что-то срочное-с, сударыня?

Сударыня понимающе ухмыльнулась. Снова оглядела Леру взглядом, от которого той тут же захотелось провалиться через все этажные перекрытия к земному ядру.

— Нет, ничего срочного. Просто хотела удостовериться, что с ним все в порядке. Он ведь по голове получил. — И она очень двусмысленно постучала пальчиком по виску, сопроводив свой жест еще одним уничижительным взглядом на Леру.

Тут ясно все, не так ли? Красавица Маша намекала, что, будь Лавров в своем уме, на его пороге не торчало бы сейчас голоногое чудище с потной шеей и лохматой головой.

— С его головой все в порядке, — пуще прежнего разозлилась Лера. — Чего и всем желаю. Что-то еще?

Маша вдруг задумалась, начала теребить в руках перчатки, перебирая пальчики, и вдруг будто очнулась, заулыбалась.

— А я поняла! Вы ведь дочка Жэки! Жэки Заломова! Лера — так?

— Допустим. — Лера швырнула тряпку, которой разглаживала обойные пузыри, себе за спину, уперла кулачки в бока. — Это что-то меняет?

— И вы здесь, чтобы за Саней присматривать, так? Жэка наверняка попросил вас присмотреть за другом, поскольку он... А, неважно. Ладно, передавайте ему привет. И раз с ним все в порядке...

— В порядке! — перебила ее Лера, стиснув зубы. — Вашего волнения это не стоит, поверьте.

— Ну-ну...

Маша снова снисходительно улыбнулась, повернулась к ней спиной и скрылась через мгновение за своей дверью. Но, прежде чем скрыться в недрах своей квартиры, она все же успела сказать:

— Вы передайте ему, что я приходила и справлялась о его здоровье. Не забудьте, Лера...

Конечно, она забыла! Не в том смысле, что запамятовала, а в том, что не пожелала вспомнить. Она закончила поклейку обоев, прибралась в тесной конуре, которую всячески пыталась превратить в жилую комнату. Привела себя в порядок, переодевшись в симпатичный спортивный костюмчик. Дождалась Лаврова, вернувшегося откуда-то хмурым, раздражительным, и тут же принялась кормить его ужином. Она старалась, было вкусно. Но он не похвалил. Молча сгреб все с тарелок, сказал спасибо и ушел в комнату. Потом они молча смотрели по телевизору какую-то ерунду. Он на своем диване. Она на кресле в метре от него. Затем по очереди приняли душ, разошлись по комнатам и уснули.

Нет, это Лавров уснул, захрапев минут через десять. А Лера долго не спала. Все думала и мечтала. Мечтала и думала. И утром она снова не стала говорить, что Маша заходила. А теперь уже и ни к чему. Раз Маша ничего не рассказывала, не жаловалась, то зачем?

— Точно ничего такого не рассказывала? — все же еще раз уточнила Лера. — Я о том, как прошел у них тот воскресный обед?

— Да нет, особо ничего. Сказала, что неприлично напилась. И что почти ничего не помнит. — Лавров припарковал машину, полез на улицу. — Ты чего сидишь? В машине остаешься?

— А? — Она вздрогнула, мысли, посетившие ее после его слов, были удручающе отвратительными. — Нет, я иду, иду...

Они поднялись к Лаврову в квартиру. Он почти сразу уткнулся в телевизор. А Лера, послонявшись без дела по квартире, решила съездить к себе домой. Ей нужен был отец — раздраженный, неулыбчивый, ворчащий — все равно какой. Ей срочно нужно было с ним поговорить о том, о чем она не могла говорить с Лавровым.

Она переоделась в недорогое пальтишко из букле, в котором отец называл ее «курочкой рябой», неторопливо прошла почти под носом у Сани в прихожую. Кажется, он даже ее не заметил. Просто тень промелькнула мимо него. Тень, колыхание воздуха.

Лера едва не заплакала с досады, натягивая короткие сапожки без каблуков. Сняла с крючка запасной ключ, которым ее нехотя снабдил Лавров. Подержала его на распахнутой ладони, размышляя: может, оставить его здесь, может, больше не возвращаться, из ее затеи ничего не вышло, все ее старания...

— Ты куда?

Она вздрогнула, повернулась.

Лавров в шортах, с голым животом, босыми ногами стоял в дверях комнаты и смотрел на нее недобро.

— Прогуляться, — неуверенно произнесла Лера и задрала подбородок. — А что?

— А то! Станешь умничать, выпендриваться, выкину вместе с твоим скарбом. Повторяю вопрос: ты куда?

— К папе, — шмыгнула Лера носом, показавшись самой себе такой противной, такой маленькой и такой некрасивой, что еле сдержалась, чтобы не зареветь.

— Машину возьми. — Он вытащил из кармана шорт ключи от машины, кинул ей. — И чтобы не моталась нигде после отца. А то...

— Выкинешь, я поняла. — Лера ключи ловко поймала и закрутила тут же головкой дверного замка. — Я правда к папе. Надо уговорить его узнать адрес той машины, которая...

— Я понял, — буркнул Лавров и тут же снова исчез в комнате...

ГЛАВА 7

— Я же говорил тебе, малышка, что ничего из твоей затеи не выйдет.

Час спустя Жэка сидел на старой софе в захламленной комнате своей тесной квартирки, гладил дочку по голове и уговаривал не плакать.

— Пап, он меня совсем не замечает, понимаешь?! — ревела Лерка, прижимаясь к его провонявшему куревом и потом свитеру. — Я для него пустое место! Просто пустое место! Как в детстве! Он смотрит на меня, как в детстве!

— Я тебя предупреждал.

Жэка с болью глядел на вздрагивающие худенькие плечи дочери. Ему очень, очень, очень было ее жалко. Ее юное сердечко страдало, надрывалось и болело. Но он не мог ей ничем помочь. Это не расшибленные коленки, эту боль зеленкой не прижжешь.

И Лаврова приструнить он не мог. Тот был не виноват. Он вообще ни о чем таком не подозревал. Лерка сама затеяла эту любовную возню, решив, что раз Саня теперь пострадавший, то может стать и покладистым. Ага, как же! А то он Саню не знает! Даже Машке не удалось его захомутать — шикарной диве с положением и умом, а тут пигалица какая-то глазастая. Он, конечно, изначально был против всей этой дурацкой затеи. Изначально. И как мог долго отстаивал свое нежелание идти у Лерки на поводу. Но потом под гнетом ее доводов сдался.

— Мать выходит замуж, па, ты понимаешь? — бесилась доча и носилась по его квартире, пиная табуретки. — Я ей не нужна! Вовсе не нужна! Мне даже кажется, что она начала меня ревновать к своему хахалю, па! Ты хочешь, чтобы я там жила и мелькала у него перед глазами?! Чтобы он вожделал меня?

— Вожделел, — поправил ее Жэка, стискивая зубы и кроя про себя матом свою бывшую.

— Пусть так! Но ты же этого не хочешь?! — сверкала Лерка черными глазищами в его сторону. — Не хочешь, чтобы он со временем начал меня лапать?!

— Нет, — потихоньку сдавал свои позиции Жэка, скрипя прокуренными зубами.

— И чтобы я поселилась у тебя тут, тоже не хочешь?

— Нет. Где тут, Лер? — Отец беспомощно разводил руками, обводя свою неухоженную тесную берлогу. — Я здесь остался один на условиях, что у тебя будет нормальное жилье с матерью после нашего развода. И дом матери своей продал для этих целей.

— В общежитие идти?

— Нет!

— Тогда я поеду к нему! Поеду! И не смей меня отговаривать!

Тогда он не стал отговаривать. Теперь пришлось уговаривать.

— Ты, па... — Лерка подняла красное зареванное лицо. Проговорила со всхлипом: — Пробил номер «Форда»?

— Угу, — кивнул Заломов.

Он встал, подошел к старенькому низкому серванту, доставшемуся ему от тещи, для вида порылся в узком ящике. Он знал наизусть, чья это машина. Просто тянул время. Чтобы Лера успокоилась, отвлеклась немного. Чтобы самому подумать, пока не поздно: а надо ли ей знать об этом? О том, что машина эта непростая?

Но Лерку провести было сложно. Невозможно было ее провести.

— Па, чего ты копаешься? — Ее заплаканные глазищи подозрительно прищурились, она фыркнула, как маленький котенок. — Чего время тянешь, па? Что-то не так с этой тачкой, да?

— Вот ведь! — делано хохотнул Жэка, возвращаясь к ней на продавленную софу с бумажкой, которую ему вручили ребята в отделе. — Настоящая дочь опера! Горжусь тобой!

— И что за тачка? — Лера выхватила из его рук бумажку, прочитала вслух. — Гришин Иван Сергеевич. Улица Заозерская, дом четырнадцать. Квартиры нет, значит...

— Значит, живет наш Гришин в особняке двухэтажном, а может, и трех... — пояснил нехотя Жэка, отбирая у дочки записку.

И тут же подумал, что лучше бы он эту записку сжевал при получении и прочтении. Вон как глазенки мгновенно загорелись у чада. Не ровен час сама туда полезет — в это логово растления.

— То есть, пап? Ты хочешь этим сказать, что он богат?

— Почему хочу? Я и говорю. Гришин этот богатый мерзавец, сколотивший себе состояние в девяностых еще и приумноживший его в энное количество раз.

— Не понятно... — Доча задумчиво покусала нижнюю губу. — Он что же, сам Лаврова по голове огрел? Но зачем?! Что он ему сделал? Или не сделал? Когда-то давно? А, пап? И теперь это мелкое сведение счетов? Лавров теперь не работает в полиции и можно оторваться и...

— Лера, дочка, остановись. — Жэка поморщился.

Ему отчаянно хотелось курить. И не сиди напротив него Лерка, он давно бы уже засмолил сигарету, роняя пепел на свитер и протертый до дыр ковер. И даже не удосужился бы форточки открыть, потому что запах курева ему не мешал. Как раз напротив. Он ему нравился, он делал привычной и обжитой для него любую территорию. Это была его вторая шкура, в которой ему было комфортно жить.

И за это тоже его ненавидела его бывшая жена.

— Пап, ну что? Что?! — трясла его Лера за рукав. — Что ты о нем знаешь, об этом Гришине?! Что ему сделал Саня?

— Ох-ох-ох... Лера, Лера...

Жэка провел ладонью по морщинистому лицу землистого цвета. Цвет его лица, со слов опять же его бывшей, предрекал ему скорую кончину, н-да. Он свидетельствовал о букете болезней. О том, что легкие его давно сгнили. А сердцу осталось стукнуть пару раз. И если он не бросит курить, то протянет он от силы полгода.

Это она так лет пять назад орала, завершая скандал таким вот предсказанием. А он ничего, живет пока.

— Лера, мы все что-нибудь кому-нибудь да сделали. Кого посадили, у кого родню потрепали. Работа у нас такая, понимаешь. — Он погладил темные волосы дочки, прижал к плечу ее безрассудную головку, поцеловал в макушку. — Саня был одним из нас. И дело Филиченкова его лично зацепило. Виталика, его напарника, подстрелили. Вот и...

— А при чем тут Филиченков? Мы же говорим о Гришине, пап!

— Гришин когда-то был доверенным лицом Филиченкова. Официально это выставлялось так, будто они дружили. Но какая дружба между волками? — Жэка потер обросший за день подбородок, тревожно глянул на дочку. — Даже и не думай!

— Что? — скорчила она невинную мордаху.

— Даже и не думай туда соваться, Лера! — Голос Заломова сделался страшно неприятным. — Одна не смей! Этот коротконогий толстяк с улыбкой добряка очень, очень, очень опасен. Тогда, давно, когда

Лавров с Сухаревым попали в засаду, кто-то позвонил под утро в отдел и сообщил о крупной сделке, которая в настоящий момент совершается по одному адресу. Ребята не особо поверили, но поехали проверить. И... и Виталик погиб. И Сани бы не стало, не позвони снова тот доброжелатель и не сообщи, что по тому же адресу слышна стрельба.

— Это ты к чему сейчас, пап?

Лера нахмурилась. Из всего, что рассказал ей сейчас в двух словах отец, она услыхала лишь одно, что Саня бы тоже погиб, не подоспей помощь вовремя. И ей сделалось жутко страшно от того, что могло случиться тем летним утром. И что она могла его больше никогда, никогда не увидеть. И ее горю даже никто не поверил бы, потому что десять лет назад ей было всего лишь девять. Она была ребенком! Несмышленышем. Кто поверил бы, что она уже тогда была влюблена в Саню Лаврова?

— Это ты к чему, пап? — повторила Лера, дернув задумавшегося отца за рукав. — Кстати, сними свитер, я быстренько постираю.

— Мне в нем завтра на работу, — слабо возразил Заломов, но руки задрал вверх, когда дочка принялась стаскивать с него грязный рабочий свитер.

— За ночь высохнет на батарее. Так чем так опасен Гришин, пап? Что с тем анонимным звонком не так? И футболку снимай! — тут же скомандовала она.

— Было мнение, что позвонил Гришин.

Жэка стащил с себя грязную футболку, немного стесняясь того, что дочке приходится за ним ухаживать. Ну не немощный же старик, мог бы и сам выстирать... завтра, например. Или в выходной.

— Гришин?! Позвонил?! — удивленно ахнула Лера, застыв на пороге комнаты. — Но ты же сказал, что он был человеком Филиченкова? Так? Я ничего не перепутала?

— Нет. Он был его человеком, одним из доверенных лиц. А потом... Потом взял и сдал. Но это опять же предположение. Так, робкий шепот среди оставшихся на воле.

— Но зачем?! Раздел сфер влияния?!

— Да непонятно все как-то, дочь! — воскликнул Жэка и поморщился. — Насчет сфер влияния вряд ли.

— Тогда зачем?

— Не знаю!

— И зачем теперь этому Гришину нападать на Лаврова?!

— Ты что же, в самом деле думаешь, что сам Гришин напал? — усмехнулся Жэка, встал с софы и, сунув руки в карманы рабочих штанов, прошелся по комнате. — У него штат сотрудников, охрана. Нашлись ребята, похлопотали.

— Но зачем тогда машину светили? — задала резонный вопрос Лера.

— Я так думаю, что расслабились ребятки. Решили, что раз Лавров теперь бывший опер, то можно особенно и не прятаться. Не знаю, Лера. Это отдельная тема для размышления. К тому же...

— Что?

— Кто поверит утверждениям мальчика, что он именно эту машину видел тем вечером? Никто!

— Мы поверили, — буркнула Лера и скрылась за дверью ванной.

Она постирала отцу свитер и футболку, нашла еще пару грязных рубашек в тазу и тоже высти-

рала. Развесила все на батареях в комнате и кухне и велела купить стиралку.

— Что ты, как первобытный живешь, пап? — укорила его Лера, сдувая с потного лба прилипшую прядку волос. — Ты же у меня еще о-го-го какой мужчина!

— Какой? — Жэка грустно улыбнулся, подошел к пыльному зеркалу в низком тещином серванте, глянул на свой волосатый живот. Пощипал бицепсы. — Старый я, Лерка. Старый и замшелый.

— Не мели ерунды! — фыркнула дочка и, сжав кулачок, шутливо треснула отца в живот. — Смотри, какой у тебя пресс! У тебя даже живота нет. Тебе всего-то, пап, сорок четыре года! Ты у нас накачанный, спортивный, умный, проницательный, просто...

— Просто — что?

Жэка пытался отыскать в мутном зеркальном отражении все из перечисленного Лерой. Ну, да, пресс вроде имеется. Живота нет. Жир в его продубленном никотином и водкой организме не задерживается. Но все какое-то...

— Просто ты неухоженный у меня, папка. Неухоженный, — продекламировала по слогам дочка и начала собираться, приговаривая: — Поменять гардероб — раз. Поменять стрижку — два. Что ты стрижешься, как и десять лет назад?! Сейчас так немодно!

— А как модно? — Жэка провел мозолистой ладонью по своим лохмам. — Брить череп, как Лавров?

— Нет, так не надо.

— Почему не надо? Может, мне пойдет? — Жэка зализал пятерней волосы со лба, уложил ладонь на голову, прижимая лохмы, повертелся перед сервантом. — Смотри, по-моему, неплохо.

Лера натянула свою «курочку рябу», обула короткие сапожки без каблуков, повесила на плечо сумку, глянула на отца с затаенной печалью.

— То, что идет Лаврову, не идет больше никому, — буркнула она, прошла в комнату, поцеловала отца в щеку, прощаясь.

— Почему? — удивился он.

Ему неожиданно понравился свой открытый лоб без челки. Глаза показались выразительнее. Обнаружилось, что они черные-черные, как у дочери. И брови, странно, с возрастом не изменились, темные, без проблесков седины, аккуратные, будто он корректировал их форму ежемесячно.

И глаза совсем не мутные, как у конченого алкаша, это его так раньше бывшая характеризовала. А нормальные глаза у него. Проницательные, во! Это Лера так сказала. А дочь знает, что говорит.

— Почему мне не пойдет то, что идет Лаврову? — пристал Жэка, провожая дочь до двери.

— Потому что он такой один, пап, — снова загрустила Лера, еще раз поцеловала отца в щеку и, выходя на лестничную клетку, строго приказала: — Брюки почисть и погладь, пожалуйста. Понял?

— Понял. А ты меня поняла? — Он цапнул ее за пуговицу буклированного пальтеца, притянул к себе, чмокнул в нос. — К Гришину одна даже не вздумай соваться!

— Поняла, — вильнула глазками в пол Лера и умчалась вниз по лестнице.

А он тут же перепугался и принялся названивать Лаврову.

— Чего? — отозвался тот нелюбезно. — Снова воспитывать начнешь?

— Лера... — хрипло выговорил Жэка.

У него вдруг так сдавило сердце от непонятного страха за дочь, что он на какое-то время перестал дышать, боясь, что отвратительное ощущение вернется.

— Что — Лера? — Страх передался и Лаврову, голос его выдал. — Ну!

— Она только что уехала от меня, проконтролируй ее возвращение, Саня.

— Каким, интересно, образом, если она на моей машине?! А куда, куда она может поехать?

— К Гришину, — произнес Жэка, еле ворочая сухим языком.

— К какому Гришину?! К тому, о котором я подумал? — заорал Лавров. — Зачем она туда поедет, Жэка?! Зачем?! А хочешь, угадаю! Та машина, в которой уехал напавший на меня хрен, принадлежит документально Гришину! Я угадал?!

— Ты всегда был хорошим опером, — слабым голосом отозвался Заломов. Левую сторону груди продолжало жевать отвратительной болью.

— А хочешь, угадаю, почему ты ей об этом сказал, а не мне?! Хочешь? — надрывался Лавров. — Чтобы пожурить меня, Жэка! Ну... Ну, блин, какой же ты... Придурок!..

И трубку бросил. А Жэка, еле передвигая ногами, пошел в кухню. Там у него на средней полке шкафа над раковиной валялась без дел забытая бывшей супругой аптечка. Он вывалил на стол ее содержимое. Нашел нитроглицерин. Выкатил из пластикового тюбика две таблетки на ладонь, швырнул их под язык.

Надо заканчивать с куревом, вдруг решил он, когда боль понемногу отступила, сделалась едва уловимой

под лопатками. И с водкой надо завязывать. А то так и до полтинника не дотянет. И Леркиных детей не понянчит. Она же когда-нибудь родит ему внуков, так? Бабке не до них будет, у нее того и гляди свой малыш родится от нового молодого мужа. Значит, у Леры остается он один. Больше никого. Уж женился бы на ней Саня, что ли. Нарожали бы ему внуков. Со всех сторон были бы ему те дети родными. С какой ни глянь.

Надо поберечься...

Жэка вернулся в комнату, снова глянул на себя в мутное зеркало и вдруг потянулся к телефону.

— Наташа, ты дома?

Наташа — молодая сочная баба лет тридцати восьми — жила двумя этажами ниже, работала в салоне красоты где-то в центре. И по совместительству оказывала парикмахерские услуги жильцам их дома. Не за бесплатно, разумеется. К нему частенько приставала, цепляясь к его дурацкой прическе. Считала, что такие лохмы может только леший носить.

— Дома. А что? Навестить хочешь? — отозвалась игриво Наташа.

— Подстричься хочу, — буркнул Жэка, с силой выдыхая.

Вот только игрищ ему романтических теперь до полного счастья и не хватает. Как раз то, что нужно к двум таблеткам нитроглицерина.

— Это хорошо. У тебя или у меня? — спросила она уже нормальным голосом, без намека на заигрывания.

— Давай это...

Жэка со вздохом оглядел свою жалкую берлогу. Продавленная софа без покрывала. Старый тещин сервант без стекол, с пустым зазеркаленным нутром.

Он его держал тут только из-за выдвижных ящиков да из-за зеркала. Стол с испорченной утюгом полировкой. Три разномастных, но крепких еще стула. Протертый грязный ковер, какие-то нелепые шторы, тоже, кажется, тещины. Повешены были бывшей из жалости. Не стирались ни разу. И воняло у него тут отвратительно.

— Давай, это, лучше у тебя, — проговорил Жэка после минутного раздумья. — У меня это... Не прибрано...

Он сунул телефон в карман рабочих штанов, которые дочка строго-настрого приказала ему вычистить и выгладить. Достал из выдвижного ящика свежую футболку, слава богу, нашлась. Натянул на себя и, как был в старых домашних шлепках, вышел из квартиры. Почти тут же телефон в кармане завозился и истошно взвизгнул, перегнав ему сообщение.

«Встретил твое сокровище», — написал ему Лавров.

И слава богу! Заломов повеселел и даже принялся насвистывать, спускаясь вниз по лестнице к Наташиной квартире. Единственное, что омрачало ему радость в этот самый момент, так это то, что Лавров не написал «наше». Наше сокровище! Ох, как он был бы ему благодарен за это. За то, что он Лерку считал бы уже своей. Женился бы он на ней, что ли...

ГЛАВА 8

У него сильно болела голова. Может, он простудился? Простоял воскресным вечером с непокрытой головой под мокрым снегом, не замечая времени, и простудился? Или подхватил вирус на работе?

Или Настька его заразила, целуя при встрече? Она отчаянно хлюпала носом во время обеда.

— Ты болеешь? — спросил он сразу, как они встретились.

— Сам ты болеешь, Алеша! — фыркнула она, вспомнив старое прозвище, которым всегда его дразнила в детстве, доводя до бешенства.

Или это что-то еще?!

Володя дернулся и очнулся. Он спал или нет? Непонятно. Будто спал, рука под головой затекла, онемела. Или не спал? Он же чувствовал, как у него болит голова, искал причину, значит...

— Ты чего? — рядом заворочалась Маша, протяжно вздохнула, что-то пробормотала непонятное и тут же снова отключилась.

Маша, Машенька, Машуня...

Что же делать с тобой?! Как поступить?! Открыть правду? А какую?!

Володя осторожно, чтобы не потревожить ее, отодвинулся. Сел, согнувшись и обхватив живот руками. У него не только голова, оказывается, болела. У него болело все тело! Болезненно дрожало под ребрами, выкручивало суставы, ныло сердце. Может, правда простуда? Надо было принять что-то противовирусное. Что-то такое, что позволило бы ему проспать до утра без жутких мыслей. Без необходимости принимать решение.

Вторая ночь прошла у него почти без сна. После воскресного обеда, после того, как он нашел конверт с мерзкими фотографиями под «дворником» своего автомобиля, прошли две бессонные ночи. А он до сих пор не принял решения, не знал, как поступить!

Он, конечно же, не показал ничего Маше. Он порвал все в мелкие клочья, а потом, сложив горкой на скамейке в своем дворе, сжег. Отсыревшая бумага плохо занималась, пламя все время тушил ветер и мокрые хлопья снега. Но он настырно поджигал снова и снова, наивно полагая, что огонь уничтожит все. Если тот, кто подсунул ему фотографии, наблюдал за ним в тот момент, то он должен был понять, что ничего показывать Маше он не намерен. Он не пойдет на поводу ни у кого. Даже если этим человеком окажется его... покойный отец.

Воскресный вечер, когда он вернулся к Маше, превратился у него в пытку. Она улыбалась, ласкалась, расспрашивала, как прошел воскресный обед. И даже в какой-то момент надула губы, решив, что будущая свекровь не одобрила выбора сына.

— Маша, милая, ну о чем ты говоришь? — шутливо возмутился он тогда, если вообще был способен шутить. — Мама тоже выходит замуж и сестрица. Так совпало. И решено в следующее воскресенье устроить общий сбор.

— Знакомство с родителями? — ахнула Маша и тут же принялась переворачивать гардеробные залежи, выбирая платье для такого важного мероприятия.

Он наблюдал за тем, как она без конца примеряет платья, демонстрирует ему, выходя в гостиную на высоких шпильках, и внутри у него все содрогалось от отвращения и ужаса.

Нет, в его душе не было отвращения к Маше. Было отвращение к той чудовищной истории, в которую она попала из-за него.

Ведь это случилось только из-за него, да! Из-за того, что он Филиченков! Из-за этого им поменяли

место, когда они приехали в «Загородную Станицу». Из-за этого их поместили, накрыв им роскошный стол, в дальнем корпусе, на отшибе, где не слонялся праздный люд. И можно было пригласить профессиональных фотографов, сотворивших мерзость. Из-за этого его вызвал к себе хозяин «Станицы» и продержал у себя час, предаваясь воспоминаниям. Володю просто нужно было убрать оттуда, чтобы дать время сотворить такое с Машей.

В шампанском что-то было. Это он заподозрил еще во время воскресного обеда, когда Машу неожиданно с двух бокалов жутко развезло. Но тогда он подумал, что алкоголь контрафактный. Теперь же он твердо знал, что в шампанском было снотворное. Или еще какая-то дрянь, подавляющая волю. И пока он говорил с хозяином заведения, с его Машей делали все, что хотели. Ее — бесчувственную — не насиловали, нет. Ее унижали, ее прекрасное тело растаптывали, они превращали ее тело в грязь...

Это было мерзко, страшно, отвратительно. Его душили слезы, стоило вспомнить, как он поддерживал светский разговор, в то время когда с ней творили это.

Только он был во всем виноват, только он!

Володя повернулся, глянул на спящую девушку. Она была прекрасна. Нежна, чиста и прекрасна. Он не позволит никому осквернить их отношения! Он защитит ее от зла. Он сможет. И встанет на пути любого гада, даже если им окажется... его покойный отец.

Осторожно поднявшись, Володя, не включая света, ощупью прошел на кухню. Встал у окна, глянул во двор. Никого. Пустая детская площадка, безлюд-

ная автостоянка, темным пятном выделялся сквер, где недавно погиб мужчина, сорвавшись в овраг. Кажется, он побежал за своей собакой. Что-то такое говорила Маша. Его лично это не затронуло. Чужая жизнь, чужая смерть. Было все равно...

На улице морозило, и воскресный мокрый снег никуда не делся. Он спекся плотной коркой, отвратительно хрустевшей под ногами.

Володя приоткрыл форточку, плотнее прильнул к окну. Звук чьих-то шагов вдруг послышался со стороны сквера. Точно, он не ошибся. От темного пятна, которым казался сквер на фоне припорошенной снегом земли, отделилось пятно поменьше. Оно колыхалось, двигалось и вскоре приобрело очертания человеческой фигуры, одетой во все черное. Черные штаны, черная куртка, черная шапка. Безликая черная человеческая тень. Что она делает в три часа ночи в их дворе? Почему идет со стороны сквера? И почему, черт побери, подходит к его машине?

Человек, за которым наблюдал Володя, остановился возле его машины. Порылся за пазухой, достал что-то и сунул под «дворник» на его ветровом стекле.

Господи!

Ему хотелось заорать, окликнуть, заругаться громко-громко, чтобы спугнуть мерзавца, и он даже открыл рот, но не смог. И не потому, что побоялся напугать спящую Машу. Ей ведь потом пришлось бы что-то объяснять и про человека, и про конверт...

У него ничего не вышло по другой причине. Слова, крик — все завязло где-то внутри, прилипло к вспухшей гортани, осело на ноющих гландах. Так, наверное, испускают дух, когда умирают?! Таким, наверное, сипом выходит то последнее слово, ко-

торое умирающий считает самым главным, самым важным для себя.

— Па-а-па-а... — еле протиснулось сквозь опухшее Володино горло, и тут же догнал вопрос: — Ты-ы-ы-ы?

Он на мгновение закрыл глаза, подышал, чтобы не свалиться замертво прямо под окном на Машиной кухне. Когда снова обрел способность видеть и соображать, человека на улице уже не было. Но он ему точно не привиделся! Он все еще слышал хрустящий звук его шагов! И чертов конверт торчал из-под «дворника»! И...

И если он сейчас не спустится на улицу и не уничтожит этот конверт, то тот может попасть в чужие руки, и тогда беда. Тогда кто-то узнает о его страшной мерзкой тайне. И узнает Маша, что стала пешкой в чьей-то страшной, гадкой игре. И тогда...

Что будет с ней, если она узнает, Володя даже не мог себе представить. Ему все время мерещилась заполненная до краев ванна, в ней Маша с бледным лицом, с закрытыми глазами, и запястья ее аккуратно перерезаны, и с них в воду натекло так много крови, что вода стала бурого цвета. Такого темного непроницаемого бурого цвета, что не видно Машиного тела. Только голову и перерезанные в запястьях руки.

Ноги не слушались, когда он спускался вниз по лестнице, надев спортивные штаны и куртку прямо на голое тело. Выбежал из подъезда, так же бегом домчался до своей машины, выдернул конверт из-под «дворника», надорвал край, сунул туда руку и едва не застонал вслух.

Там снова нащупывались фотографии. Стопка глянцевых снимков, он знал, что на них. И записка. Снова была записка.

Володя вытащил ее. Встал так, чтобы свет от фонаря падал на бумагу, прыгающую в его дрожащих руках. Прочел.

«Если не покажешь это своей шлюхе, я пошлю все ей сам. Сделай, как я велю. И жди инструкций. Папа».

— Ууу-м-мм! — глухо простонал Володя, падая лицом на капот машины. — Господи! Да что же это такое...

ГЛАВА 9

Лавров задумчиво помешивал в маленькой кастрюльке овсяную кашу. Лера еще спала, когда он поднялся. Может, и не спала, а просто затихла, не желая выбираться из своей кельи. Может, обижалась.

Он вчера устроил ей скандал, когда она вернулась. Орал на нее, грозился выгнать, вытащил за шиворот из машины, даже не дав заглушить ее. Собственноручно вытащил ключ из замка зажигания и, подталкивая девушку кулаком в спину, погнал ее к подъезду. Странно, но она почти не огрызалась. Лишь один раз, когда споткнулась о порог его квартиры, глянула на него несчастными, блестящими от слез глазами и прошептала:

— Сволочь ты, Лавров!

Стащила с себя пальтишко и заперлась в комнате. И больше не вышла. Даже душ принимать не стала перед сном, а она всегда плескалась там по сорок минут. Ближе к полуночи он и правда почувствовал себя последней сволочью.

Чего к девушке прицепился? Она съездила навестить отца, попутно вытащила из Жэки информацию. Вернулась вовремя. Она же не знала, что Лаврову кишки выворачивало, так он боялся, что она поедет одна к Гришину. И что он промерз до костей, поджидая ее во дворе. Ходил как заведенный туда-сюда, туда-сюда, скрипел зубами от холода и бессильной ярости. И все думал, вот сейчас она явится, он ей...

И тут же думал с тревогой: лишь бы явилась, лишь бы явилась, дрянь!

Он видел, как вернулись с работы Маша со своим новым ухажером. Ах да! Будущим мужем! Чего это он? Там все серьезно. Более чем! Вон он как вокруг нее прыгает, Володечка-то. Под ручку берет, чтобы Машенька не поскользнулась. Сумочки все забрал у нее, чтобы не надорвалась.

Нет, ну вот чувствовал Лавров за всем этим романтическим великолепием какой-то подвох. Хоть убей, чувствовал!

А Машка что? Машка счастливая! Хохочет, запрокидывая головку назад, на руку избранника опирается, целует прямо на ходу. Ему — Лаврову — едва кивнула.

Дура!

Она еще не знает, что по голове Лавров получил, возможно, из-за нее. Ее новый ухажер подобным образом, видимо, отваживал охранника от своей будущей жены. Скорее всего! А зачем еще людям Гришина нападать на него? Больше незачем. Это акт устрашения, да...

— Доброе утро, — буркнул недовольный девичий голосок у Лаврова за спиной.

Он обернулся.

На пороге кухни стояла Лера. Растрепанная, в ночной ситцевой сорочке по колено. Маленькая такая, беззащитная, как воробышек. Он почему-то тут же представил, что могли сделать с ней люди Гришина, явись она туда одна. И даже в глазах потемнело.

— Доброе, — кивнул он после паузы. — Кашу будешь?

— Буду, — снова буркнула она и полезла в его любимый угол.

— А умыться? А зубы почистить? Как в детстве тебя гонять, Лера? — Лавров разлил через край жидкую кашу по двум тарелкам. — В детстве, помню, тебя с отцом...

— Вот, вот! — неожиданно зло перебила его девушка. — Это проклятое детство, Лавров, и не дает тебе покоя!

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего! Я так и останусь для тебя ребенком, да?! — Голос ее вдруг сделался тонким и звонким, того гляди сорвется на плач. — На всю жизнь? И надежды никакой, да?!

Он ни хрена не понял, если честно. Ни лепетания ее звонкого, ни того, почему у нее глаза на мокром месте. Потом решил, что это она все еще вчерашнюю обиду пережевывает, сразу успокоился, зачерпнул ложкой кашу и проговорил:

— Приятного аппетита, малышка...

И Лерка как заревет! Как швырнет ложку на стол, как выпрыгнет из-за стола. Промчалась мимо него в своей детской ночной сорочке, заперлась в ванной и проревела там полчаса.

Он сначала пытался ее уговаривать, но вышло только хуже. На словах «что ты как маленькая» Лера принималась рыдать пуще прежнего.

— Ну и черт с тобой! — разозлился Лавров.

Вернулся в кухню, съел свою кашу, потом ее, выпил половину медного кофейника кофе. Затем убрал постель, оделся, потрогал перед зеркалом свою повязку и решительно начал разматывать бинты. Шишка стала чуть меньше, расползаясь громадным сизо-желтым синяком по лбу. Лавров нашел в аптечке, хранившейся в холодильнике, пластырь, налепил его на шишку, натянул спортивную шапку по брови. Счел, что выглядит вполне, взял ключи от квартиры и машины и, подойдя к двери ванной, крикнул:

— Лера, я ухожу.

— Куда? — прохрипела она после непродолжительной паузы.

— По делам.

Дверь тут же распахнулась. Лера глянула на него исподлобья покрасневшими зареванными глазами.

— А как же я, Лавров?! — всхлипнула она.

— А ты...

Он подергал плечами, вдруг заметив, что Леркина грудь давно выросла из этой сорочки, что она здорово выпирает из хлопковой ткани. И ключицы такие хрупкие, такие нежные, что...

Если бы Жэка сейчас услышал его мысли, он сломал бы ему нос! А потом поставил бы еще одну шишку ему на башку! Может, ему жениться на Лере, правда? Тогда у Жэки не будет повода. А он — Саня Лавров — может думать о ней, что захочет.

Может, и правда жениться на этой дурехе?

— А ты остаешься на хозяйстве.

И он зачем-то взял и обхватил ее шею ладонью и потер пальцем щеку — горячую и мокрую от слез. И она смутилась, и он смутился.

— Как это на хозяйстве? — задала она вопрос, когда Лавров руку с ее шеи убрал.

— Готовишь еду, воспитываешь детей. — Он отвернулся, шагнул к двери.

— Каких детей?! — ахнула она, как ему показалось, с восторгом.

— Шутка, — проворчал Лавров и вышел.

Вот еще радость на его бедную голову! Вот подсунул ему воспитанницу Жэка, скот! Ей же, черт побери, давно не девять лет, когда он мог совершенно спокойно дуть ей на разбитые коленки, вымазанные зеленкой! Она же вся такая... взрослая, такая красивая и такая непонятная, блин...

— Александр Иванович! — окликнул его кто-то, когда он счищал ледяную корку с ветрового стекла.

Саня обернулся.

Метрах в трех стояла Нина Николаевна Горелова. В дорогом драповом пальто темно-синего цвета, красивом сером шарфе и такой же серой шляпке. Высокие сапожки на устойчивом каблучке. Сумочка серая, перчатки. Свежая, с румяными щечками. Если бы не горестный взгляд, никто бы никогда не догадался, что она лишь несколько дней назад похоронила своего мужа. С которым прожила долгие годы.

— Да, Нина Николаевна, здравствуйте, — кивнул Лавров, не прерывая своего занятия.

Меньше всего ему сейчас хотелось говорить с ней о погибшем супруге. Ему нечего было ей сказать. Его

смерть официально признана несчастным случаем. В прокуратуре ее жалобу разбирают, конечно. Но Лавров был почти уверен, что и там ей откажут в возбуждении уголовного дела.

— У меня к вам серьезный разговор. — Нина Николаевна порылась в сумочке, вытащила какую-то черную штучку и протянула ее Сане со словами: — Взгляните, пожалуйста.

Штучка оказалась крохотным фотоаппаратом. Дорогим, между прочим.

— Что там? — Лавров пока к фотоаппарату не прикасался.

— Там фотографии, которые я сделала минувшей ночью.

— И что на них?

Он хмуро рассматривал женщину, изо всех сил ругая себя за вежливость. Надо было прыгать в тачку и валить отсюда поскорее. Тем более что стекло уже он очистил, машина прогрелась, работая на холостом ходу.

— На них подтверждение того, что мы с Игорешей... — Ее лицо вдруг сморщилось, и по румяным щечкам заструились слезы. — Что мы с Игорешей не выжили из ума. На фотографиях тот самый человек, которого разыскивала полиция.

«Так она его и нашла! — хотелось заорать Лаврову в полное горло. — Нашла и обезвредила! Попросту порвала в клочья это мерзкое тело с мерзкими преступными мыслями и подлым сердцем! Что еще надо-то?»

Но вместо этого он взял из ее рук крохотную черную штучку, дорогую, весьма дорогую, включил с ее подсказкой. И принялся листать ее художества.

И чем больше листал, тем хуже ему становилось. А под конец просмотра сделалось так погано, что он даже выругался матом.

Но воспитанную Нину Николаевну это, кажется, вовсе не смутило. Даже обрадовало, кажется.

— Вот видите! А вы мне все не хотели верить! И Игореше тоже... — она достала из сумочки невероятной белизны носовой платочек, промокнула им румяные щечки. — Давно надо было заручиться этими вот фактами. А мы с ним все на словах да на словах. Вот и поплатились... Теперь-то вы видите, что это он?!

— Вопрос спорный, — пробормотал Лавров, увеличивая снимок, на котором мужчина в черной одежде стоит возле машины Машкиного ухажера.

Ах да! Будущего мужа, пардоньте!

Дура чертова! С кем связалась?! Дура!

Конечно, его не насторожил тот факт, что какой-то мужик в черном бродит ночью по их двору. Опознать в нем Филиченкова-старшего у Сани не получилось. Снимки были очень мелкими, при увеличении изображение искажалось. Но одно то, что этот человек передает ночами будущему Машкиному мужу какие-то конверты, а тот потом почти голым выбегает во двор, рассматривает это и возвращается к ней, уже, по рассуждениям Лаврова, было достойно наказания.

Что он затеял — этот лощеный красавчик?! Что за информацию ему передают?!

Ну ничего, он сейчас к Гришину съездит, того тряхнет как следует, а вечерком к Машке наведается. Вот вернутся голубки с работы, он этого крепыша мускулистого и допросит. С пристрастием!

— Вы снова мне не верите?! — ужаснулась Нина Николаевна, нехотя забирая у Лаврова фотоаппарат.

— Вопрос спорный, — повторил Лавров, глянул на женщину, скорбно поджавшую губы. — У меня к вам просьба, Нина Николаевна...

— Да, да, слушаю! — встрепенулась она тут же и снова неуверенно протянула ему маленькую черную штучку.

— Если вас не затруднит, распечатайте мне эти фотографии.

— В каком размере? — деловито осведомилась она, оживилась, повеселела, принялась ладошкой разглаживать щечки, как ей показалось, съежившиеся от слез и холода.

— Насколько это будет возможно. Чтобы видно было хорошо, ну и чтобы без искажений. А я вечером зайду к вам, заберу. Идет?

— Отлично! — воскликнула она, тут же развернулась, чтобы уйти.

— Вам деньги нужны на фотографии? — крикнул ей Лавров в спину.

Она стремительно обернулась, глянула на Саню строго и проговорила:

— Я готова идти с сумой по земле, лишь бы убийца Игореши был найден...

...Дом Гришина Ивана Сергеевича стоял среди удивительно красивых сосен. Низкорослые, пушистые, серо-зеленого цвета, они казались искусственными. Лавров даже отщипнул пару иголок, потер их пальцами, сомневаясь в их натуральности. Но нет, настоящими были деревья. Смолистый аромат приятно защекотал ноздри.

— А по какому вы делу? — вернулся уже в третий раз охранник Гришина, не желавший пускать Лаврова.

— По личному, по личному, юноша.

Лавров впервые после увольнения пожалел о том, что не было у него сейчас в кармане служебного удостоверения. Многие двери оно открывало, очень многие. И Гришин, паскуда, наверняка знал о его увольнении, потому и держал уже десять минут на улице, не позволяя войти.

— Входите, — нехотя позволил охранник, но тут же принялся обыскивать Лаврова. На его возмущенное дерганье проговорил: — Такова процедура...

Оружия у него при себе не было. Пистолет он сдал вместе с удостоверением. Имелся, правда, «левый» ствол, спрятанный дома, так, на всякий случай. Но Лавров с ним никуда не выходил. Опасно! Да и нужды пока, тьфу-тьфу-тьфу, не случилось.

Лавров вошел в просторный холл, тут же поморщился обилию роскошных безделушек, которыми были заставлены тумбы, комод и полка под громадным зеркалом. Пошел в двери, за которыми слышался приглушенный разговор.

Оказалось, он попал в гостиную, где Гришин говорил с кем-то по телефону. Такую же роскошную, что и холл. Колонны, золотая парча на окнах и обивке мебели, много блеска, хрусталя, картин, но мало вкуса.

Гришин сидел, как турецкий паша, на широкой тахте в подушках, в шелковом, отливающем золотом халате. Толстые пальцы унизаны перстнями.

— Иван Сергеевич... — Лавров покачал головой, поморщившись. — Что-то так сверкает все, аж глазам больно.

— И вам, Александр Иванович, здравствуйте.

Гришин удовлетворенно захихикал, убрал телефон в карман халата, дернув короткими ножками в домашних туфлях с загнутыми вверх носами. Повел вокруг себя руками.

— Грешен, признаюсь, грешен! Люблю роскошествовать. А почему нет-то? Все заработано честным...

— Ой, да бросьте! — перебил его с гримасой неудовольствия Лавров.

Поискал глазами место, где бы он смог не утонуть в роскоши. Нашел стул. Взял его, сел напротив Гришина, уставился, как в допросной.

— Ну! Чего смотришь, бывший опер? — нагло осклабился Гришин, обнажая клыки с золотыми коронками. — Думаешь, не знаю, что ты уволился?

— Поэтому послал своих по голове меня приложить?

— А вот этого не надо. — Гришин плавно поводил толстым пальцем перед своим лицом. — Ты на меня не вали все подряд, я чек честный! И...

— Заткнись, Гриша, — попросил его негромко Лавров, сразу напомнив тому этой кличкой о его криминальном прошлом. — Заткнись и слушай.

Гришин сразу как-то подобрался, свел вольготно растопыренные ляжки, насупленно глянул на гостя:

— Ну!

— Чуть больше недели назад в «Загородной Станице» на меня было совершено нападение. Кое-кто, возможно, решил свести со мной личные счеты. Возможно, чтобы просто убрать меня с места, где мне быть не следовало в тот момент.

— А я тут при чем, начальник?! Я, конечно, сочувствую, но... — Пальцы, унизанные перстнями, уткнулись в пухлую грудь. — Я тут при чем?!

— При том, Гриша, что у меня есть свидетели, что напавший на меня сел потом в машинку и уехал с места преступления.

— Логично вообще-то! — зло фыркнул Гришин. — Не стоять же ему над тобой было!

— Машинка та была зафиксирована свидетелем. И это: «Форд Фокус» М482АС. Не напомнить, на ком эта машинка?

Гришин молча сверлил Лаврова ненавидящим взглядом.

— Так вот, Гриша... Я пока пришел к тебе сам. Чтобы, так сказать, пролить свет на происшествие. Пока сам... — сделал ударение Лавров. — Но мои коллеги...

— Бывшие! — бросил с ненавистью Гришин.

— Пусть так, — не стал спорить Саня, но подосадовал на себя, что поторопился с решением уйти из органов. Жэка бы жутко обрадовался, услышь он теперь его мысли. — Но вот коллеги мои, бывшие, буквально рвутся в бой! Просят меня написать заявление. Ну, как пострадавшего. Тем более что свидетель имеется.

— Я понял, — буркнул Гришин.

Глаза его метались из стороны в сторону, как хвост бешеной собаки. Он размышлял.

— Так что, Гриша? Что посоветуешь?

— Я тебе, начальник, не советчик! — ощерил золотые клыки Гришин. — Озвучь свои хотелки и проваливай!

— Короче, Гриша. — Лавров встал с неудобного стульчика, подошел к Гришину, легонько пнул носком

ботинка его атласную туфлю. — Я хочу знать, с какого хрена ты послал своих людей отключить меня?

— Я... — Жирная шея едва заметно шевельнулась, голова качнулась. — Я ни при чем, начальник! Поверь! Может, кто из пацанов тайком тачку брал? Может, кто на тебя зуб имеет и...

— Гриша, не зли меня! Меня ведь зовут обратно, Гриша! И я могу восстановиться не сегодня завтра, и тогда тебе, Гриша, пиндец! Понял?

— Понял, начальник! — Оскал Гришина стал добрее, подобострастнее. — Чего не понять-то! Все понял! Узнаю... Расспрошу...

— Давай, давай, Гриша. Уж расспроси. — Лавров криво ухмыльнулся. — Три дня тебе даю на все про все. И жди в гости. Возможно, приду не один. С Жэкой Заломовым. Помнишь его? Вот и чудненько. Так три дня? Ага?

Гришин молча кивнул, смерив бывшего опера оценивающим взглядом.

Взвешивал, паскуда, как быть? Рассказать всей правды он, вероятно, не мог. Но и не рассказать хотя бы что-то он не мог тоже. Бесился, конечно, что его парни так облажались. Надо же было засветить тачку! Идиоты! Правда, ему обещали, что никаких записей с камер наружного наблюдения никто никогда не найдет и что темно на парковке, а какой-то свидетель выискался, черт бы его побрал! Что делать? Что делать?

Приблизительно такие мысли метались в башке у Гришина, и Саня их отчетливо читал.

— Да, забыл тебе сказать, Гриша. — Он приостановился у дверей гостиной, тронул лоб, под шерстяной шапочкой он жутко чесался. — Надо же, столько лет прошло, а я только теперь вспомнил!

— Это ты о чем, начальник?

Гришин сразу насторожился, он все время ждал подвоха от этой мерзкой ищейки. Он хоть и уволился, но ментом быть не перестал, бляха муха.

— Помнишь тот день, когда твоего соратника брали?

— Это которого? — Толстая ряха Гришина пошла желтыми пятнами.

Конечно, он понял, на кого мент намекает! Не дурак! Его тогда таскали, будь здоров! О-о-очень хотелось этому симпатичному оперу переквалифицировать Гришина из разряда свидетелей в разряд подозреваемых. А не вышло! Ни хрена не вышло, Саня!

— Филиченкова... — Лавров глянул на Гришина исподлобья. — Ты не должен был его забыть, Гриша.

— И че? — Желтые пятна поползли на шею и мощную грудину Гришина, за которой бешеными толчками клокотали страх и ярость.

— А то! Было ведь два анонимных звонка в то утро. Первый оповестил о крупной сделке, и мы с Сухаревым поехали проверить. Второй о том, что в том районе, куда нас направили, идет перестрелка.

— И че?! — Жирные пальцы, унизанные перстнями, впились в парчовую обивку тахты.

— А то! Запись тех звонков до сих пор хранится в архиве. И нам с коллегами, пускай и бывшими, — ядовито улыбнулся Лавров, — ничего не стоит поднять то дело и заново внимательно послушать и идентифицировать голос.

— Чего же раньше не идентифицировали? Десять лет назад? — Золотые клыки Гришина хищно сверкнули.

— Раньше... А раньше тот, кого мы подозревали в тех звонках, согласился на сотрудничество со следствием. И стал свидетелем, а не обвиняемым. Мы и умолкли. Но... — Лавров нацелил палец в Гришина.

— Но что?!

— Но мне ведь теперь никто не помешает шепнуть кому-нибудь, что я знаю, кто сдал Филиченкова и парней, которые с ним были. А?

— Кому шепнуть?! — Гришину стало мерзко, страшно.

— Братве, Гриша... Братве... Никто же не знает! Даже не догадывается, кто сдал Игната. Так, шепот один. Догадки.

Саня взялся за позолоченную дверную ручку, медленно открыл дверь, занес ногу над порогом, когда его догнал вопрос Гришина, произнесенный неуверенным слабым голосом:

— Что ты хочешь, опер?!

Он высунул из-за двери три пальца и крикнул:

— Три дня, Гриша! У тебя ровно три дня, чтобы сообщить мне во всех подробностях: кто, зачем и для кого! Ты должен мне сдать заказчика, Гриша, — раз. Ты должен рассказать мне: зачем это ему — два. И ты непременно должен узнать, Гриша, для кого этот заказчик так старается. У меня все...

ГЛАВА 10

Маша сидела в своем крохотном уголке, отгороженном стеклянной перегородкой от остального отдела, и пыталась сосредоточиться на работе. Но ничего не выходило! Все отвлекало. И мелкий снег

за окном, принявшийся с вечера щедро посыпать улицу. Сразу стало так красиво, нарядно, бело. И непонятно откуда являющиеся ссылки в Интернете про наряды невесты, свадебные букеты и банкетные залы. Сердце сладко замирало, щемило, взгляд сам собой находил среди пяти столов отдела тот, за которым сейчас трудился Володя.

Он сосредоточенно листал бумаги, просматривал договоры, делал пометки, лепил на странички желтые и розовые стикеры. Иногда он отвлекался на мгновение, смотрел в сторону стеклянной перегородки, за которой сидела она — его начальница. Смотрел и улыбался, тихо, нежно.

Маша еле сдерживалась, чтобы тут же не вскочить с места, не подбежать к нему и не начать целовать.

Он был славным, милым, заботливым и немного грустным. Его что-то угнетало, он часто вздыхал, взгляд его замирал, устремленный мимо нее. Это оттого, что все никак не мог решиться рассказать ей о своем отце, сразу поняла она. Он все пытался, несколько раз начинал, но тут же им непременно что-то мешало. Как вот сегодня утром.

— Машенька, родная, мне надо серьезно поговорить с тобой. — Володя, севший за руль ее машины, нежно погладил тыльной стороной ладони ее щеку.

— О чем? — Она поймала его ладонь, прижала к губам.

— Это очень важно и... и неважно одновременно. Это такое дело... — Он принялся кусать губы, снова устремляя замерший взгляд сквозь машинное стекло на улицу. — В общем, если ты вдруг что-то узнаешь... Это не имеет никакого значения! Я очень,

очень сильно тебя люблю! Мне на все наплевать, понимаешь?!

— Нет. — Она беспечно улыбнулась, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

Он имел в виду свое родство с Филиченковым Игнатом Владимировичем — торговцем оружием, убийцей полицейских, бессовестным жестоким человеком, осужденным на пожизненное заключение. Ему, конечно, было стыдно за такое родство. Как Маша отреагирует, узнав об этом?

И она, что печально, не могла ему признаться в том, что знает обо всем. Это бы его насторожило, породило массу вопросов. И ей — не умеющей лгать — пришлось бы рассказать о том, что она ходила к Сане Лаврову и говорила с ним об этом. О том, что просила его подстраховать ее на отдыхе за городом. Ему, правда, это не удалось. Он сам схлопотал, нарвавшись на пьяных хулиганов. Но факт остается фактом! Она вела нечестную игру за Володиной спиной. Поэтому станет ждать его признания, умолчав о своих разговорах с Саней.

— Мне ничего не понятно, Володечка. Говоришь какими-то загадками. — Маша улыбнулась избраннику. — Надо ехать, милый. Мы опоздаем на работу.

Он тронул машину со стоянки. И до самого банка не проронил ни слова. Хмурился, мрачнел с каждой минутой, с каждым километром и молчал. Она решила ему ничего не говорить, ни о чем не расспрашивать. Он умный взрослый человек, он найдет способ и решение. Инициатива наказуема, вспомнилось ей. Поэтому она ее проявлять и не станет.

Маша улыбнулась Володе, поймав его взгляд. Послала ему воздушный поцелуй. Незаметно, как ей

казалось, от остальных. Он тоже улыбнулся и тут же уткнулся в бумаги.

Ладно, пусть работает. Ей тоже не мешало бы сосредоточиться на документах. В последнее время управляющий что-то слишком предвзято относится к ней, без конца вызывает к себе, требует ежедневного отчета и откровенно цепляется.

— Если он и дальше станет ко мне цепляться, уйду, — кипятилась она вчера вечером за ужином с Володей. — Что я, работу не найду, что ли? Ха-ха!

— С чего ты решила, что он к тебе цепляется?

Он помрачнел мгновенно. Он в последнее время постоянно мрачнел. Стоило ей ему пожаловаться.

— Я же чувствую! Какие-то мелочные придирки, нелепые указания! А однажды сказал, что руководителям отделов, возможно, придется взять огромные кредиты.

— Зачем?! — ужаснулся тогда Володя.

— Кто знает! Раньше это частенько практиковалось, — вспомнила Маша рассказы сотрудников, проработавших не один десяток лет в банке. — Латали всяческие дыры. Но меня это не коснулось. Это было давно, еще в девяностых. И вот вам, здрасте, сюрприз! Нет, если станет прессинговать, точно уйду...

— А если не отпустит? — вдруг спросил Володя, посмотрев на нее странно, со значением.

— Что значит, не отпустит! Плюну и уйду! — рассмеялась она вчера и тут же перевела разговор на другое.

Конечно, она могла себе позволить и не работать. Родители здорово ей помогали. Звали к себе, обещали блестящую карьеру. Но Маше хотелось все же держать между ними дистанцию. Рядом с ними у нее

не получалось чувствовать себя самостоятельной, взрослой, даже в свои тридцать лет. У родителей отлично получалось превращать ее в ребенка.

Но все же в трудную минуту она, конечно, не раздумывая, пригрелась бы в их гнездышке.

Володя — другое дело. Ему рассчитывать ни на кого не приходилось. Мать — слабая женщина, замуж вот собралась. У сестры тоже своя жизнь, обособленная. Отец вообще отдельная история, в которую он ее боится посвятить.

Его в этот банк едва взяли. Только благодаря каким-то знакомым его матери. И за место он, конечно же, держался. Она — нет. Работа вообще мало ее занимала. Все ее мысли сейчас были заняты предстоящим знакомством с родственниками Володи. И подготовкой к свадьбе.

Белоснежное платье — непременно! И букет невесты! И красивые машины! И банкетный зал!

Да, да, да, этого всего ей очень, очень хотелось! И много, много нарядных веселых гостей! И...

— Мария Сергеевна, вам курьерская доставка, — позвонили вдруг с первого этажа банка, с охраны. — Велено передать лично в руки, но я не пустил. Может, спуститесь?

— Да, сейчас! — обрадовалась Маша возможности выскользнуть из тесной стеклянной конуры, в которой она чувствовала себя как в аквариуме.

Она вышла, защелкнула дверь на замок, прошла по кабинету, незаметно, как ей казалось, подмигнув Володе. Он вдруг нахмурился и вопросительно вскинул брови.

— Курьерская доставка, — прошептала она ему одними губами. — Сказали, лично в руки.

И он вдруг переполошился и побледнел так сильно, что Маше это передалось. И она уже не думала, спускаясь на первый этаж по лестнице, что это устроенный Володей сюрприз. Букет, к примеру. Или какая-нибудь милая безделушка, способная поднять ей настроение. Это было что-то другое! И он, возможно, догадывался, что именно. С чего тогда ему так бледнеть?! Даже губы посинели, честное слово!

— Вот, Мария Сергеевна, пожалуйста, — охранник подал ей полиэтиленовый черный пакет, в котором лежало что-то твердое, напоминающее очертаниями тонкую брошюру. — Рвался все к вам подняться. Говорю, не положено! Нет, говорит, лично в руки велено! Что за народ!..

— Спасибо.

Маша стиснула пакет двумя руками, тепло улыбнулась охраннику — пожилому дядьке, военному в отставке. И пошла вверх по лестнице. Неожиданно на лестничной клетке между вторым и третьим этажами она остановилась. Глянула на лестничные пролеты, ведущие вверх и вниз, вроде никого, и надорвала пакет.

Фотографии! Там была целая стопка мерзких фотографий! На которых она...

— Господи! Господи, что это? — Успев просмотреть лишь несколько штук, она тут же запихнула фотографии обратно в пакет и принялась лихорадочно озираться, не видел ли кто.

Никого не было. Никто не поднимался по лестнице, никто не спускался. Она была одна на лестничной площадке. Одна с мерзким пакетом, который прижимала к себе. И она совершенно не знала, что ей делать!

Первой мыслью было позвонить Лаврову. Он умный, он надежный, он сумеет ей помочь. Но, вспомнив, что на снимках, она эту мысль отогнала прочь. Как? Как она объяснит ему всю эту мерзость?! Что скажет?! Он же уважал ее всегда, а теперь станет презирать, брезговать. К тому же у него теперь живет дочка Жэки Заломова. Непонятно почему, но живет. Может, их что-то связывает? Какие-то отношения? Лаврову нельзя звонить.

А Володя? Что теперь будет с их отношениями?!

Господи! Но где?! Когда это случилось?!

Прижимая пакет к себе, Маша поднялась на четвертый этаж, зашла в женский туалет, заперлась в одной из кабинок, опустила крышку унитаза, села и снова полезла за фотографиями.

Их было двадцать. Двадцать мерзких снимков ее голого тела и извращений, которые творило ее голое тело. Партнера не было, она была одна. Но от этого отвратительное порно не перестало быть таковым.

Но она ничего, ничего не помнила! Она этого не делала, точно! Как же так...

Маша задыхалась, кусала губы, чтобы не заорать в полный голос от ужаса и отвращения. Она вытирала слезы и снова и снова рассматривала то, что ей доставили курьерской почтой. Узнала лишь через несколько минут. Узнала тот самый уютный кабинет, в котором они с Володей праздновали свою помолвку. Его там не было. Он ушел. Его вызвали.

Почему? Зачем? Для того, чтобы сотворить с ней это?! С какой целью? Кому, что от нее нужно?

Все нашлось в записке, которую она нашарила на самом дне пакета.

«Завтра подашь заявку на кредит в сорок пять миллионов. Тебе его дадут. Куда передать деньги, сообщу. Не вздумай шутить или обращаться в полицию, снимки пущу в Сеть. Жди инструкций».

Все! Это приговор! Он не подлежит обжалованию, он не дает надежды на помилование! Она под ногтем у какого-то мерзавца, которому срочно нужны деньги.

Управляющий! Это точно он!

Он без конца твердил ей о кредитах, которые должны брать начальники отделов, чтобы спасти банк! Это он, он за этим стоит! А как иначе ей дадут такой громадный кредит?! При ее-то зарплате! Она возьмет этот кредит и станет всю оставшуюся жизнь выплачивать его. А управляющий...

Он будет жить прекрасно с ее деньгами. Кажется, он строит дом? И станет без конца шантажировать ее. То есть будет заставлять ее делать все, что ему вздумается. Она от Сани Лаврова знала, что жертвы шантажа люди приговоренные. У них нет надежды на то, чтобы выпутаться. В ее случае надежды нет абсолютно никакой. Снимки хранятся в памяти фотоаппарата, на флеш-карте, на диске, да черт знает где еще! Может, они уже гуляют по Интернету! Может...

Маша методично, снимок за снимком, порвала все на мелкие кусочки, вместе с запиской порвала. Встала, открыла крышку унитаза, стряхнула все с юбки вниз, смыла. Клочки, хранившие свидетельство ее позора, закрутились в водяном водовороте. Часть осталась плавать на поверхности. Она смывала снова и снова, снова и снова, пока не исчезло все. Потом скомкала черный пластиковый пакет,

бросила его в мусорку. Осторожно выглянула из кабинки. Никого!

Она не случайно выбрала именно эту дамскую комнату. На четвертом этаже работали почти одни мужчины. И сюда мало наведывалось женщин. Но она все же заперла общую дверь туалета на замок. Подошла к окну, повернула ручку, рванула створку на себя. В лицо ударило морозной волной. Высотки напротив здания банка равнодушно таращились на нее серыми глазницами окон. Высокий кирпичный забор, окружающий территорию банка.

Маша посмотрела вниз. Ровная, не занятая ничем площадка за зданием была покрыта белым снегом, как саваном. Улица ей больше не казалась шлейфом белоснежного платья невесты. Саван... Точно саван...

Она подтянула юбку, влезла на подоконник, одернула юбку, поправила блузку и шагнула вперед...

Володя отложил бумаги. Опустил руку, прижал ладонью дергающееся колено. Он нервничал. Очень сильно нервничал. Когда он нервничал, у него всегда дергалось колено.

Машу кто-то из охранников вызвал на первый этаж. Какая-то курьерская доставка лично в руки. Это она прошептала ему, когда выходила. Прошло уже десять минут, а Маша все не возвращается. Что так долго?!

Может, ее перехватил управляющий? Может, отвлек кто-то из клиентов? Или вызвали срочно в какой-нибудь другой отдел, поймав на лестнице? Скорее всего, так и есть, разгонял он мрачные предчувствия, цеплялся за спасательные предположения. Через пятнадцать минут он не выдержал, позвонил в отдел, куда могли вызвать Машу.

— Мария Сергеевна? Нет, не была... — ответили ему там.

— Маша? Нет, не вызывал ее никто, — сказала секретарша. — Управляющего нет на месте. Он уехал еще час назад. Ой, Владимир, поищите ее на четвертом этаже. Я видела, как она туда поднималась. Видимо, там задержалась.

На четвертом? Там ей точно делать нечего! Ей, начальнику кредитного отдела, делать на четвертом нечего! Единственное, куда она там могла зайти по необходимости, это женский туалет, но почему?

Но почему туда?! У них на этаже свой имеется, через две двери и...

Он сорвался с места, едва не опрокинув стол. Плоский монитор едва удержался на круглой подставке. Четыре головы поднялись ему вслед и одновременно с осуждением закачались.

— Совсем от любви человеку крышу сорвало, — не без зависти пробормотала одна из сотрудниц, Володя ей нравился, очень.

— Везет же некоторым! — согласилась с ней другая, откровенно завидовавшая Маше.

Он влетел на четвертый этаж в два счета, подбежал к туалетной двери, дернул, заперто! Он снова и снова дергал!

— Маша! — позвал он и постучал. — Маша, ты там?!

Никто не отвечал. Никто. Дверь заперта. Может, ее тут и не было и зря он паникует? Володя еще раз постучал, не дождался ответа и повернулся, чтобы уйти. И тут же ноги его приросли к полу. Он услышал странную суету где-то внизу. Странную, страшную!

Кто-то охал, кричал, лестница гудела от десятка ног, устремившихся на улицу. На улицу?!

Он оглянулся на запертую туалетную дверь и обессиленно простонал:

— Маша...

Он кинулся следом за другими вниз по лестнице, на улицу. Людской поток поредел на выходе из здания. Клиенты с любопытством выглядывали из стеклянных дверей, наблюдая, как сотрудники банка без верхней одежды бегут куда-то за угол. Туда же промчалась и машина «Скорой помощи». Туда же кинулся и Володя. Или ему так казалось, что он побежал? Видимо, казалось, потому что ноги перестали его слушаться. Потому что странно тащились по земле. Угол здания все так же был далеко, далеко. Потом он едва не попал под колеса «Скорой», вынырнувшей из-за угла. Потом его толкали те, кто возвращался обратно в здание. Они задевали Володю локтями, плечами, что-то негромко говорили ему вслед.

— Тебе не надо туда ходить, Володя, — дернул его кто-то за рукав. — Ее уже увезли.

— Кого?! — Он дернул шеей с такой силой, что там хрустнуло и стало больно.

— Марию Сергеевну увезли, — сказал кто-то, чье лицо расплывалось у него перед глазами бледным пятном.

— Почему? — тупо спросил он. — Зачем увезли?

— Она выбросилась из окна четвертого этажа. Из окна женского туалета. Оно до сих пор открыто, — послышался женский всхлип.

— Что открыто?!

Его взгляд вдруг уперся в кирпичную кладку забора и принялся считать кирпичи.

Нелепо! Идиотически! Зачем ему знать, сколько кирпичей во втором ряду снизу?!

— Окно, окно до сих пор открыто в женском туалете, Володя!

Его вдруг кто-то обнял за плечи и увлек с улицы. Белая рубашка почему-то оказалась мокрой спереди. Кто-то плакал у него на груди? Или это... его слезы?!

— Вот, выпейте, успокойтесь.

Ему в ладонь вставили стакан с водой, он не шевелился, кто-то помог ему поднести стакан к губам, заставил выпить несколько глотков.

— Вам надо взять себя в руки и ехать в больницу.

— В больницу?

Он поднял взгляд, снова уперся в мутное пятно, бывшее чьим-то лицом. Может, он лишился зрения от нервного срыва?!

— Машу увезли в больницу, — проговорил явно женский голос за его спиной, кто-то активно поглаживал его по плечам горячей ладошкой. — Она еще была жива, когда ее забирали. Там, внизу, кто-то накидал мешков с мусором, целую гору. Их припорошило снегом, дворник не обратил утром внимания. Это смягчило падение, но...

— Но?! — Его взгляд прояснился, он четко узнал в расплывающемся прежде лице одну из девушек из их отдела.

— Но все равно она может умереть в любую минуту. Вам надо быть там. Одевайтесь!

Он послушно подставил руки, на него надели куртку, застегнули.

— Шапка? Шапка есть? — спросила все та же заботливая девушка, имени которой он не помнил.

— Я не ношу шапок. Почти никогда.

Он взял из ее рук ключи от Машиного авто. Его машина осталась на стоянке перед Машиным домом.

Как он теперь туда вернется?! Как?! Зачем?! Без Маши!

— Поехали, я с вами, — деловито командовала заботливая девушка, подталкивая его к выходу. — Надо торопиться.

Они торопились, но, как ему казалось, очень медленно. За руль села девушка, решив, что он не в состоянии вести машину. Он почти все время, пока они шли к машине и потом ехали, плакал. Горе душило его, разрывало ему душу, ему еще никогда не было так больно. Даже когда забирали отца. Даже когда сообщили о его бегстве, а потом о гибели.

Он только теперь до конца осознал, как сильно любит ее. И чувствовал себя при этом полным подонком! Трусливым, беспомощным подонком, который предвидел страшную развязку и ничего не предпринял.

— Дерьмо! — шептал он сквозь слезы, корчась на заднем сиденье от боли. — Какое дерьмо! Не прощу! Никогда не прощу!

Видимо, девушка услыхала его последние слова, потому что вдруг спросила:

— Как вы думаете, Володя, почему Маша это сделала?!

— Не знаю, — соврал он, пряча лицо в ладонях.

— Она что-то получила курьерской почтой, потом с этим пакетом поднялась на четвертый этаж, заперлась в туалете. Пакет в мусорке, пустой. Что она могла получить, Володя?

— Не знаю, — снова соврал он и уставился на заботливую девушку с подозрением. — А откуда вы все это знаете?

— Служба безопасности за десять минут воссоздала всю картину. Им теперь будет несладко. Сейчас приедет полиция, станут задавать вопросы. И вас тоже будут трепать. Хорошо, что в момент ее попытки суицида вы были у всех на глазах. Да, хорошо... — заботливая девушка посмотрела на него в зеркало, кивнула деловито. — Я смогу это подтвердить...

ГЛАВА 11

Лавров медленно водил ложечкой в медном кофейнике, пытаясь утопить мелко молотую кофейную крошку в воде.

Он вернулся совсем недавно. Все мотался по городу в поисках недорогого небольшого по размерам шкафа, чтобы втиснулся в Леркину каморку. Неловко как-то получалось. Она живет у него, чтобы помогать, а он ей даже условий не создал. Спит не пойми на чем. Вещи все в куче на стульях, какие на вешалках — тоже висят на стульях, цепляясь металлическими крючками за перекладины.

Шкафчик он нашел, небольшой, недорогой. Тут же оплатил, снес в машину разобранные детали, упакованные в плотную серую бумагу. Потом, добравшись до дома, перетащил все упаковки в квартиру и содрал бумагу, скомкал ее в прихожей, сложил в углу. И час собирал долбаный шкаф, который мастерили безрукие инвалиды, не иначе! Хорошо, Лерки дома не было, иначе оконфузился бы непре-

менно. Он в самом деле смотрел в чертеж сборки как баран на новые ворота. Права была Маша, ни на что он не годен, кроме оперативной работы полицейского. Ни на что.

Шкаф собрался. Лавров, недолго думая, втиснул его между Леркиным спальным местом и окошком. Попихал кое-как все ее вещи на полки, старательно обходя взглядом разбросанные на постели трусишки и лифчики. Он даже их пододеяльником прикрыл, так неловко ему сделалось.

И когда девчонка выросла до такого размера? Маленькая ведь была, худая, как глиста. И коленки, что ему приходилось мазать зеленкой, были острыми с плотной темной кожицей пупырышками от незаживающих болячек.

Когда все успело поменяться, когда?

Он выскочил из Леркиной комнатки усталый и вспотевший, будто вагон разгружал. И голова у него даже слегка кружилась от запаха духов, который исходил от ее одежды. А может, от травмы кружилась голова? Может, он все придумал себе?

Он решил сварить кофе и зачем-то принялся болтать ложечкой в медном кофейнике, хотя никогда прежде этого не делал.

Надо было занять себя чем-то. Надо было отвлечься от мыслей о маленькой девочке, странным непостижимым образом превратившейся в красавицу с четвертым размером лифчика. Черт!

Ложечка выскользнула у него из рук и утонула в кофейной жиже. Лавров полез пальцами в кофейник, широкая ладонь, конечно же, не пролезла. Да и горячо было пальцам. Вода успела нагреться. Он взял большую ложку с длинной ручкой, которой он

почти никогда не пользовался. Подцепил со дна кофейника чайную ложечку, вытащил ее наружу, выплеснув гущу на плиту, уронил пару капель себе на светлые джинсы, в которых он решил теперь ходить дома. С голым пузом в коротких шортах при Лерке неприлично, дразняще как-то выходило. И она таращилась на него как дура!

— Черт! — снова выругался Лавров, со злостью глядя на два темных пятна, расплывшиеся на бедре, и в сердцах швырнул ложку в раковину. — Что за дела, твою мать!

Это все из-за нее, из-за Лерки, решил он через минуту, стаскивая светлые джинсы и наряжаясь в спортивные темные штаны. Она воздух баламутит. Она тревожит его, заставляет думать о чем-то таком, что казалось ему неприличным. И провоцирует рассматривать ее пухлый рот, и лифчики еще, блин, разбросала!

Конечно, кофе умчался черной струей через носик кофейника на плиту, а как же еще! Лавров разозлился, схватился за ручку, тут же обжег руку, швырнул кофейник обратно на газ. Тот накренился, норовя упасть прямо на пол. Саня снова схватился за кофейник, вторично обжег руку и, уже не сдерживая себя, заорал матом в полное горло.

И сразу же в дверь позвонили.

Кого еще несет?! Он посмотрел на часы. Половина пятого. Машка еще на работе. Лера на занятиях. Жэка тоже должен служить. Да он и не придет, серчает. Кто?

Нина Николаевна!

— Видимо, Александр Иванович, вы закрутились, забыли? — с укоризной спросила она сразу, как он

распахнул дверь. Странным вороватым взглядом покосилась на его мускулистый живот и смущенно пробормотала: — Извините. Наверное, я не вовремя.

Нина Николаевна могла черт знает что подумать, застав его с голым животом. Ей же сложно было понять, почему это он дома не наряжается в рубашку? Не носит галстука? Не обут в домашние туфли ручной работы!

Он злой, да? Злой! Он забыл о ней? Забыл! А она, кажется, принесла ему фотографии, он сам просил ее их распечатать. И обещал зайти к ней вечером. А вместо этого собирал шкаф, совал в него Леркины вещи и задыхался от запаха ее соблазнительных духов и думал черт знает о чем. Если бы Жэка слышал его мысли, он бы сломал ему шею точно!

Надо с этим что-то делать! Либо жениться на этой баламутке, либо...

— Входите, — буркнул Лавров. Обернулся на женщину, неуверенно топтавшуюся на пороге. На ее стильные сапожки на среднем каблучке. — Не разувайтесь. Пальто можете повесить на вешалку.

— Я ненадолго! — с чего-то перепугалась она и пальто снимать не стала.

Она вошла за Лавровым в его кухню. Одобрила чистоту, но аскетичность обстановки не оценила. Слишком пусто в кухне. Слишком лаконично. И шторки не мешало бы какие-нибудь повесить.

Разумеется, она не сказала этого вслух. Не позволяло хорошее воспитание. И не ее ума это дело: что из мебели держит он на своей кухне и чем загораживает окна. Кажется, у него появилась в доме женщина. Михаил Сергеевич, когда сегодня приводил ей Сявочку, что-то такое говорил.

Какой же милый человек, этот Михаил Сергеевич! Милый, деликатный. Забрал к себе Сяву на время ее траура. Она не может теперь ее долго терпеть — свою собачку. Где-то глубоко внутри себя винит ее за смерть Игореши. И Линев — милейший человек — очень тонко уловил это. И предложил свои услуги. Странно, что она только теперь узнала его имя. Прежде ведь едва его замечала. Едва замечала. А у них, оказывается, очень много общего. Любовь к домашним животным, например. Орхидеи. Михаил Сергеевич, оказывается, страстный любитель орхидей. И у него дома такие экземпляры...

— Кофе, Нина Николаевна? — Лавров повертел кофейной чашкой, нанизав ее ручку себе на палец.

— Нет, нет, спасибо! — перепугалась она, тут же решив, что посуду бывший сыщик моет наверняка абы как. Протянула ему огромный конверт. — Вот... Здесь все.

Лавров вытряхнул фотографии на обеденный стол, поморщился. Ну, просил же, ну! Не печатать крупно. Совсем плохо видно. Хорошо, хватило ума, сделать те же самые снимки, но чуть меньше. Он взял в руки те, что были меньше размером, начал рассматривать.

— Это не Филиченков, — сказал он, швыряя фото на стол.

— Простите? — Она, как большая серая птичка, чуть повернула голову, склонила ее к плечу.

— Этот человек в черном не тот, о ком вы с супругом мне говорили.

— То есть?! — Гневная бледность поползла по ее румяным щечкам. — Вы хотите сказать, что мы ошиблись?!

— Да, именно это я и хочу сказать, — спокойно ответил Лавров, отхлебнул с шумом кофе из чашки. — Этот человек не беглый преступник — Филиченков Игнат Владимирович. Это кто-то другой.

— Но кто?! — возмутилась Нина Николаевна и завертела шеей.

Ей было жарко в теплом пальто на его кухне. Но она ни за что не станет снимать его здесь, в этом доме! И пристраивать на допотопной вешалке в прихожей, заваленной каким-то бумажным мусором. Живет, как... варвар! И выглядит так же! Наголо бритый череп, опасные глаза, груда мышц, плоский живот, голый к тому же! Варвар!

Не зря его так Михаил Сергеевич называет. Онто сам в жизни толк знает. Он бывалый, как он сам о себе говорит. И еще говорит, что жизнь его покидала, поизмывалась над ним, заставила ценить домашний уют и тепло. Потому-то его квартира разительно отличается от жилища этого варвара. Странно, что мебель Лаврова не из камня вытесана, а сам он не в меховой набедренной повязке. Ему бы пошло!

Варвар!

— Но кто это может быть?! — снова возмутилась Нина Николаевна, чуть ослабила петлю шарфика, оттянула его книзу, шея жутко вспотела.

— Да кто угодно, — фыркнул Лавров. Кивнул на прямоугольник окна. — Мало ли народу по двору шляется.

От этого его «шляется» Нина Николаевна поморщилась.

— Разумеется, народ ходит по двору, — с нажимом произнесла она, — но, простите, глубокой ночью подходить к чужой машине, что-то оставлять

под этой вот штучкой... — она сделала пальчиком движение туда-сюда. — Кому это нужно? Зачем?!

Хороший вопрос! Лавров снова громко хлебнул кофейку. Он видел, что гостью от этого коробит, и делал это нарочно. Вдруг захотелось позлить эту нарядную дамочку, брезгливо морщившую носик на каждый его угол.

Хороший вопрос! Кому и зачем? И он даже знал, кого об этом начнет спрашивать. Вот сейчас рабочий день в банке закончится. Сладкая парочка вернется с работы. Он их побеспокоит и вопросы задаст.

Но оказалось, не он один знает, кого нужно на этот предмет беспокоить. Нина Николаевна, оказывается, тоже весьма осведомлена.

— Что вы сказали?! — ахнул Саня, нагоняя даму уже в прихожей.

Он даже сразу не сообразил, что она сказала. А когда до него дошло, он обомлел.

— Что вы сказали, Нина Николаевна?! — Лавров схватил ее за локоток, как ему показалось, весьма учтиво.

Ему показалось.

Нина Николаевна гневно дернула ручкой, погладила нежный драп теплого пальто ладошкой, будто прикосновение Лаврова осквернило дорогую ткань.

— Что вы себе позволяете, Александр Иванович?! — прошипела она, сузив глазки. И выпалила, как ругательство. — Варвар!

— Повторите, что вы только что сказали! — потребовал он жестко.

Уж, конечно, расшаркиваться он тут перед ней не станет. Она на его частной территории, не он на ее.

— Я сказала? Ничего особенного я не сказала. — Глаза ее суматошно заметались. — Вы утверждаете, что это не беглый преступник на тех фотографиях, что я вам принесла, так?

— Так! — Лавров терпеливо ждал, она не это сказала, вогнав его в ступор.

— А я думаю, что это именно он — Филиченков Игнат Владимирович — что-то оставлял на машине парня вашей соседки.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это его сын!

— Чей... Чей сын?! Кто?!

Нина Николаевна глянула на него взглядом, в котором читался приговор его профессиональной пригодности.

— Этот парень вашей соседки Марии не кто иной, как сын беглого преступника Филиченкова Игната. Это его сын — Владимир, — со снисходительным вздохом пояснила Нина Николаевна. — И кому, кроме отца, нужно что-то передавать ему глубокой ночью? День есть! Утро! Вечер! Почему крадучись, ночью? Что за цирк?!

— Да, что за цирк?

Саня смотрел на женщину, вытаращив глаза. Она вдруг перестала быть для него просто соседкой. Просто женщиной в годах, потерявшей недавно мужа. Она превратилась для него в странную загадку, разгадать которую ему тут же захотелось.

— Я считала и считаю, что этот человек, который бродит по нашему двору в черном, оставляет информацию парню вашей соседки Марии на автомобильном стекле, не кто иной, как его отец! А отец его — Филиченков Игнат, потому что фамилия парня

Филиченков, имя Владимир, отчество Игнатьевич! Что же тут непонятного, Александр Иванович?!

— Нет, с этим-то мне все понятно. Тут все как раз логично. Раз Филиченков Игнат, значит, у сына его отчество должно быть — Игнатьевич! — замахал Саня руками и с сатанинской веселостью спросил: — Мне непонятно, откуда вам стало известно, что парень моей соседки Марии не кто иной, как сын беглого преступника, кстати, застреленного почти сразу после бегства. Кажется, я вам об этом уже говорил. Итак, Нина Николаевна, откуда вам это стало известно, а?

Она вдруг смутилась мгновенно, улыбнулась неуверенно и глянула на Саню виноватым жалким взглядом.

— Михаил Сергеевич сказал, — призналась она после паузы, поняв, что Лавров ее не выпустит из своего жилья без этого признания.

— А ему откуда это известно? — Саня открыл замок, распахнул дверь на лестницу.

— Ему? Ой, вот этого я не знаю! Точно не знаю.

Она ушла, а Саня заметался по квартире как ненормальный.

Что за дела, господа?! Что за дела у них в доме происходят?! Какая-то странная концентрация странностей!

Сначала Маша собирается выйти замуж за Филиченкова-младшего. Что само по себе уже странно. Она же его — Лаврова — соседка, любимая соседка, обожаемая. Он же — Лавров — принимал участие в задержании отца Машиного избранника. Разве этот лощеный мальчик не знал об этом?

Потом он же — Лавров — получил по голове тяжелым предметом, предположительно бейсбольной

битой, в тот момент, когда пытался отследить перемещения своей соседки с ее избранником, который является сыном опасного преступника. Покойного ныне.

Уже клубок, так?

Дальше...

Один из пожилых жильцов их дома, якобы видевший в темное время суток беглого преступника в их дворе, вдруг погибает по нелепой случайности. Наблюдениями за территорией двора начинает заниматься его вдова. И она даже делает несколько фотографий, на которых сын покойного ныне преступника принимает оставленный ему под автомобильным «дворником» пакет. А пакет этот ему был оставлен странным человеком в черной одежде, в котором Нина Николаевна, вдова, опознает покойного ныне преступника. И она же вдруг получает информацию от услужливого соседа с первого этажа о том, что парень Маши — родной сын беглого преступника... покойного ныне.

Клубок, так?!

И еще какой!

Дальше...

Он едет к Гришину, допрашивает его пока без пристрастия. И понимает, что Гришин не мстил ему за какие-то старые прошлые дела. И ребята его не мстили. Гришин получил заказ на Лаврова Александра. От кого? Для чего? От лощеного красавчика? Тот заметил за собой «хвост» и попросил нейтрализовать свидетеля? Свидетеля чего?

— Ах ты!..

Саня выругался, остановившись возле окна, за которым лощеный красавчик Володя Филиченков пересаживался из Машиной машины в свою и наме-

ревался уехать. Маши с ним рядом не было. И по двору она не шла. И дома ее не оказалось. Потому что, как только ее суженый укатил, Лавров тут же позвонил в ее дверь. Маша не открыла, и за дверью было очень тихо, значит, она не приехала с ним с работы. Почему?

Он набрал номер ее мобильного. Пошел вызов, но Машка не отвечала. Куда делась-то?!

— Алло, это кто? — вдруг ответил за Машу незнакомый с легкой хрипотцой голос.

И у Лаврова тут же скрутило кишки от нехороших мыслей.

— А это кто? — рявкнул он в ответ, чтобы не раскисать раньше времени. — С кем я говорю? Мне нужна Маша! Маша Астахова! Это ее телефон, и я...

— Вы Саня? — спросил все тот же хриплый голос.

— Допустим. Маша где?

— Ее только что прооперировали, но шансов мало. — Хриплый голос зазвенел слезой. — Я работаю с ней, меня зовут Алена. Я работаю в ее отделе помощницей...

— Так, стоп, помощница! — зарычал Лавров, вздымая грудную клетку так, будто хотел всосать в себя весь воздух, который вдруг начал заканчиваться. — Какая операция?! Про какие шансы речь?! Она что, заболела?!

— Маша пыталась покончить жизнь самоубийством, — тихо отозвалась Алена.

— Что-о-о-о? Ты не охренела, помощница? — Все, воздух кончился, легкие просто разрывало. — Машка?! Самоубийством? Не мели чепухи!

Помощница Алена ненадолго замолчала, давая ему время осмыслить страшные новости. Потом сказала тихим печальным голосом:

— Маша выбросилась сегодня с четвертого этажа.

— Откуда?! Черт! С какого четвертого этажа, она живет на третьем! — заорал Саня не своим голосом. — И машина ее во дворе! Чего ты мелешь, девочка?! Телефончик украла у нее, да?! Так я тебя найду и...

Она не бросила трубку, хотя и могла. Но их — банковских сотрудников — натаскивают на терпение при работе с клиентами. Их нервная система вышколена, она выдублена и непробиваема. Именно поэтому, дождавшись передышки, Алена пояснила:

— Маша поднялась на четвертый этаж нашего банка, заперлась в туалете и выбросилась из окна. Она получила множественные травмы. Ушибы и переломы. Несовместимых с жизнью вроде бы нет, но... Но она никогда уже не будет прежней. Инвалидность ей гарантирована, если она... выживет. Сейчас врачи держат ее в состоянии искусственной комы. Прилетели ее родители. Они тоже в больнице. И я пока тут. Со мной говорили следователи. И с Володей говорили. И много еще с кем. Факт суицида подтвердился. Маша заперлась. Она была одна в помещении. Никаких следов, свидетельствующих о том, что ее выбросили из окна...

Ему надоело слушать этот ровный печальный голос, казенно перечисляющий факты происшествия. Это не укладывалось в его голове! Это что?! Правда?! Про Машку все это — правда?! Родители... Прилетели, в больнице уже?

— Какая больница? — спросил он в надежде, что Алена сейчас хихикнет и отключится и окажется, что все это розыгрыш.

Но Алена назвала адрес. И он через минуту уже набирал номер приемного покоя этой больницы.

— Да, была такая пострадавшая, — подтвердили, сверившись с записями. — Прооперирована. Сейчас в палате интенсивной терапии. Часы посещения...

Он бросил трубку и упал на коленки, где стоял. Он просто осатанел от невозможности поверить в то, что случилось с Машкой — его беспечной, милой соседкой, умницей, красавицей, и...

— Нет. Этого не может быть! Нет, нет!

Лавров орал как умалишенный, молотя кулаками в пол. Через минуту по батарее застучали. Он глянул на кулаки, они покраснели. Он схватился за подоконник, поднялся, шатаясь как пьяный, пошел в ванную. Сунул голову под ледяную струю, рычал и дергался от боли в шишке на лбу, рычал и дергался от боли, разрывающей душу.

Как она могла?! Зачем?! Что случилось?! Что-то в банке? Какие-то махинации?! Он никогда не вникал в тонкости ее работы. Считал, что она грамотная, справится. Да она бы и пожаловалась. Она всегда бежала к нему за помощью. Всегда! Почему теперь не позвонила? Почему одна решила все за всех?!

— Дура! — всхлипывал Лавров сквозь ледяные струи, больно бьющие его в затылок. — Чертова дура! Зачем? Зачем?..

В больнице он был минут через сорок. Долго не мог успокоиться, потом долго не мог одеться. Руки не слушались, не вдевались в рукава, ставшие вдруг тесными. Потом то же случилось и с брюками. Носки куда-то задевались, не находилось ни одной целой пары. Надел разные. Натянул куртку, шапку на гла-

за, схватил ключи от машины, захлопнул дверь, вышел и едва не наступил на Лерку.

Она смотрела на него широко распахнутыми несчастными глазами, губы дрожали.

— Уже знаешь? — догадался он и кивнул на Машину дверь.

— Да. — Она всхлипнула. — Отец только что позвонил. Сказал, что заедет.

— Потом, все потом. Я в больницу. — Лавров зачем-то сунул ей ключи от двери, хотя у нее был запасной комплект. — Жди меня дома, поняла?

— Ага. — Лера начала отпирать дверь, сумку и пакет с хлебом она стиснула коленками.

— Никуда чтобы не выходила! И никого, кроме отца, в дом чтобы не впускала! Поняла?! — Его голос скрипел кашлем. Но сил глубоко вдохнуть и прокашляться не было. — Чтобы дома и никуда!

— Поняла. — Она опасливо покосилась на его сбитые кулаки, которые Лавров с силой сжимал. — Ты недолго?

— Не знаю...

И он умчался прочь.

Помощница Алена дождалась его в больничном коридоре перед дверями палаты, где лежала Маша. Родителей ее видно не было.

— Это со мной вы разговаривали, — оповестила она деловито и сунула ему узкую ладошку. — Я — Алена.

Он слегка коснулся ее прохладных пальцев и что-то буркнул в ответ. Даже сам не понял, что.

— Как она?

Лавров подошел к стеклянной перегородке палаты. Машино лицо едва виднелось сквозь бинты.

Куча трубок, отходящих от ее тела, полдюжины моргающих и пищащих аппаратов. Тело было накрыто простыней, но под ней Маша была какой-то странно большой, громоздкой. Саня закусил губу, которая вдруг затряслась противно и мелко.

— Это гипс, — кивнула Алена, заметив его взгляд, мятущийся по Машиной фигуре. — Много гипса.

— Как она? — повторил он вопрос и отвернулся, смотреть было больно.

— Врачи не делают никаких прогнозов. Все решит время и... и деньги. Родители сейчас говорят с врачами. Володя тоже поехал решать денежный вопрос.

— С кем?

— Что — с кем? — не поняла Алена, наморщив прехорошенький лобик.

— С кем Володя решает денежный вопрос?!

— Ой, я не знаю. Вам лучше с ним об этом поговорить. Хотя... Хотя он сейчас, по-моему, вообще говорить не может.

— А что же он может?! — скрипнул зубами Лавров и отошел от палаты, писк приборов сводил его с ума. — Доводить своих девушек до суицида? Где? Где эта сволочь? Мне очень нужно с ним поговорить!

— Ой, вот это вы зря, — укорила его Алена.

И с неожиданной силой, обнаружившейся в ее хрупком теле, поволокла Саню прочь из больничного коридора, из больницы, на улицу. Там она приперла его к кирпичной стенке, ткнула пальчиком в куртку на груди и прошипела:

— Не смейте, слышите! Не смейте его обвинять ни в чем! Он по-настоящему любит ее! И когда она

совершила это с собой, Володя сидел на месте в кабинете! Это видела я и еще три человека.

— Может, он заранее постарался?

Саня часто моргал, пытаясь разобрать в темноте улицы очертания деревьев, больничных скамеек, маленького фонтана, мимо которого бежал, когда приехал. Ничего не видел, ничего, глаза заволакивало влагой, она струилась по лицу, капала на воротник, и он не мог с этим ничего поделать.

— Он не мог заранее постараться, о чем вы?! — возмутился кто-то рядом с ним.

Ах да! Машина помощница! Деловитая Алена, взявшая на себя роль адвоката Филиченкова Владимира.

— Может, он с утра ее уже достал или с вечера? Может, это он довел ее до самоубийства и...

— Не мелите чепухи, Александр! — воскликнула Алена и неожиданно ударила ему кулачком в грудь. — Они с утра приехали счастливые до противного! Маша потом сидела, ничего не делая! В окно смотрела, на Володю, все улыбалась ему и воздушные поцелуи посылала, будто мы ничего не видели!

— А вы видели?

Саня вытер глаза, внимательнее присмотрелся к девушке. А она ведь завидует Маше! Точно завидует! И месту ее начальницы, и жениху красивому. И может, даже радуется, что так все вышло. Теперь-то она...

Нет! Остановись, скомандовал он себе. Не надо всех сволочить теперь.

— Не слепые же! — досадливо поморщилась Алена, потерла щеки ладошками. — Их чувства были очень, очень неприкрытыми и... искренними.

И, да, да! Я завидовала ей немного. Потому что Володя мне очень нравится. Да он всем нравится! Он... Он хороший!

— Понятно. Володя хороший, а Маша вдруг взяла и с чего-то из окна сиганула. Что могло произойти?! Что?!

— Она получила пакет с курьерской доставкой, — вдруг сказала девушка. — Ее вызвали на первый этаж. Охранник не пропустил курьера наверх. Она ушла и... и больше не вернулась. Володя начал нервничать, будто что-то чувствовал.

Или знал заранее, вдруг подумал Лавров.

— Он начал обзванивать отделы, потому что она задерживалась. Потом куда-то ушел и... дальше все, как в тумане. Не смейте его обвинять. Он очень страдает, — попросила она жалобным голосом. — Мы все переживаем. И я тоже. И не думайте, что я рада, потому что теперь займу Машино место. Это еще не факт...

Нехорошая девочка, вдруг подумал Саня. Если в такой отчаянный момент способна думать о повышении, которое может сорваться, то она очень нехорошая девочка. И ее словам в защиту необыкновенного Володи тоже не очень-то надо верить.

— И где он, ваш страдалец, теперь? Почему не рядом со своей девушкой?

— Я не знаю, — пожала Алена узкими плечиками. — Должно быть, дома.

— А где его дом?

Алена вдруг без запинки назвала его адрес. И Лавров неожиданно вспомнил. Когда проводились обыски после задержания Игната, проводились они и по тому адресу. И он там был, в той огромной

квартире, и переворачивал все вверх дном. Нарочно крушил порядок вокруг себя, нарочно! Потому что к тому моменту его друга и напарника Виталика Сухарева уже не было в живых.

— Он там один живет? — спросил он на всякий случай.

Откуда ей было знать? Но Алена снова удивила, сказав, что по тому адресу с Володей еще прописаны его мать и сестра. Но сестра, по слухам, живет со своим парнем, а мать вроде тоже не часто там появляется. У нее роман!

— Откуда вы все это знаете, Алена?

Лавров вышел на свет, бьющий из больничных окон, оторвав спину от стены. Внимательно осмотрел хрупкую девушку в норковой шубке с деловыми манерами и чрезвычайно трезвым умом.

— Справки нарочно наводили или как?

— Или как, — призналась она со вздохом. — У меня в том доме подруга живет. Я ее попросила навести справки. Кстати... А Маша знала, что отца Володи осудили на пожизненное за страшные преступления?

И снова Лавров изумился.

— Не знаю, — соврал он, кивнул ей и пошел к машине, на ходу простившись.

Как ехал через весь город, продираясь сквозь вечерние пробки к элитному дому, где теперь проживало семейство Филиченковых, даже не помнил. Перед глазами стояло Машино лицо, едва проглядывающее из бинтов. Крохотная пипка носа, вздувшиеся синие губы, запавшие глаза, прикрытые опухшими веками.

Маша, Маша! Зачем?! Что же ты наделала?! Волею судьбы и случая ты осталась жива! Просто

из-за того, что кто-то набросал ночью мусорных пакетов, может, из дома, что стоит напротив. Может, мусороуборочная служба почему-то не вывезла мусор. Потом снегом припорошило. Чудо? Чудо и есть. Если бы не было тех мешков, Маши уже не было бы.

Кто же так...

Пакет! Какой-то пакет получила Маша, который доставлен ей был курьером. Что за пакет?! Что в нем было?! Что в нем было, что заставило ее расстаться с жизнью?!

Она же... умницей всегда была, рациональной девчонкой! И она всегда бежала к нему. Почему теперь постеснялась? Так! Стоп! Именно постеснялась! Что-то там было, что она не могла показать ему — Лаврову! Что за гадость?!

Он въехал на стоянку перед домом, где проживало семейство Филиченковых, поставил свою машину прямо за бампером его машины, вылез на улицу и тут же ему позвонили.

— Да, Жэка? — Саня зашагал к подъезду.

— Я знаю, что ты был в больнице. Дома тебя нет, — забубнил дружище в трубку. — Значит, ты поехал к нему домой, так?

— Соображаешь! — похвалил Лавров с болезненной улыбкой. — Что-то еще?

— Да. Просьба.

— Валяй!

Саня встал у железной подъездной двери, стал ждать, когда кто-то выйдет или станет заходить. Предупреждать сволоту о своем приходе он не хотел. Еще уйдет чердаками! Вдруг он такой же ловкий и сноровистый, как и его покойный папаша?

— Смотри, не подставься, Саня, — проворчал Жэка и глубоко затянулся. — Не хочу потом тебя с асфальта соскребать.

— Замучается он меня в окошко выбрасывать, — скрипнул он зубами.

— И не хочу потом тебе адвокатов искать, — продолжил поучать дружище. — Понял, о чем я?

— Не стану я его убивать, Жэка, не бойся. Ваши говорили с ним?

— Говорили. — Заломов протяжно вздохнул, может, снова затягивался. — А толку?

— Ничего не знает? И предположить не может, что было в том пакете?

Саня аж задохнулся от гнева, вспомнив, как на фотографиях, сделанных ночью Ниной Николаевной, Филиченков-младший вытаскивает из-под автомобильного «дворника» какой-то пакет и уходит с ним в дом. А потом какой-то пакет присылают Маше, и она решает покончить с собой.

— Не предполагает, — подтвердил Жэка. — Головой мотает, плачет, мычит, как телок, и ничего толком. А сейчас...

— Что?!

— Мне позвонили и сказали, что наш герой-любовник заказал себе билет в дальнее зарубежье.

— Оп-па! Это еще зачем? Сбежать решил?

— Сбежать, не сбежать, не знаю. Он вроде как и обратный билет заказал, но... Но информация к размышлению и тебе, и мне.

— Тут еще кое-что есть, Жэка.

И Саня рассказал про соседку, которая все никак не хотела успокаиваться и все еще продолжала

думать, что ее мужа убили. Про ее бессонницу и про снимки, которые она ему вручила.

— Ничего себе! — ахнул Жэка, когда Саня закончил. — Это уже... Это уже не пустота, Саня. Ты там побудь подольше, я сейчас подскочу.

— Зачем?!

Дверной замок на подъездной двери щелкнул, и из подъезда вывалился толстый мужик с громадной собачищей, достающей лобастой головой Лаврову почти до пупа. Саня придержал дверь и тут же вошел.

— Затем, что тебя, не отягощенного полномочиями, могут и на порог не пустить, — напомнил ядовито дружище. — Супруга Игната — Эльза дамочка с амбициями, к тому же, болтают, с семейным адвокатом до сих пор связи не утратила. Так что... Я подскочу?

— Валяй, — проворчал Саня, не согласиться с доводами друга он не мог. — Но ждать тебя не буду. Я уже в подъезде.

Через несколько минут, позвонив в дверь Филиченковых, он с бешено бьющимся сердцем стал ждать. Минута прошла, вторая, целая вечность, а ему не открывали. Он звонил снова и снова. Наконец дверной глазок потемнел, кто-то рассматривал его из квартиры. Потом дверь распахнулась. На пороге стояла утонченная белокурая женщина средних лет в элегантном синем платье. Она почти не изменилась, подумал Лавров, кивая ей в знак приветствия. Так же хороша, моложава, ухожена. Взгляд, правда, стал чуть жестче, лишился той беззаботной мягкости, которая была присуща ей десять лет назад. Хотя в момент их знакомства глаза ее все больше плакали.

— Слушаю вас, юноша.

— Владимира можно? Он дома, я знаю. Мне он очень нужен.

Она его не узнала. В толстой зимней куртке из грубой кожи, в черной шапке, надвинутой на брови, она его не узнала. Десять лет прошло! Могла и без шапки не вспомнить. Тогда он еще делал попытки отращивать волосы, тогда еще не лишился надежды усмирить свои кудряшки.

— Владимир дома, — кивком подтвердила она, чуть отступила в сторону от двери, проговорила со вздохом: — Он вернулся сам не свой. В чем дело, не говорит. У него что, проблемы? С девушкой? Или по работе?

Вопросы были произнесены странно равнодушным голосом, как если бы речь шла о забытой Володей на улице газете или неоплаченном штрафе за неправильную парковку. Всего лишь досадным недоразумением были для нее проблемы ее сына.

— Я пройду? — Он расстегнул куртку, но шапку не стал снимать.

— Проходите, третья дверь налево — его. Не разувайтесь, — предупредила она, мимолетно глянув на его грубые зимние ботинки, резко контрастирующие с ее изящными домашними шлепанцами.

Лавров стащил шапку, как только Эльза скрылась из виду. И куртку швырнул на маленькое изящное кресло, попавшееся по дороге. В квартире было очень жарко. И очень богато, мимоходом подумал он. Отсутствие отца и мужа никак не сказалось на достатке? Восхитительно пахло комнатным освежителем и чем-то съестным. Он остановился у третьей двери слева, стукнул костяшкой пальца и тут же, не дожидаясь приглашения, вошел.

То, что он увидел в тусклом свете ночной лампы, заставило его растерянно замереть на пороге. Он даже весь свой гневный пыл на мгновение утратил. Подумал, что привиделось в полумраке. Пошарив по стене справа, он нащупал выключатель, щелкнул, чуть прищурился, привыкая к яркому свету.

Ну да, не показалось. Филиченков-младший сидел в углу громадного дивана, обитого коричневым бархатом. Съежившись и обняв себя за живот, он раскачивался взад-вперед, тихо скулил и плакал.

— Выключи свет, — попросил он, всхлипнув. — Не могу!

Лавров, странно, послушался. Щелкнул выключателем. Шагнул вперед, сел на противоположный конец дивана. Глянул на Владимира. Тот тоже смотрел на него.

— Знаешь меня? — спросил Саня.

— Да. Ты Машин сосед. Я видел тебя.

— На стоянке? В подъезде?

Лавров сразу переполошился, вспомнив неудачную слежку за Машей и ее ухажером. Неужели этот засранец засек его тогда и попросил папашиных друзей его вырубить? Неужели все-таки он?

— Нет, я здесь тебя видел. Десять лет назад. Ты обыскивал этот дом, переворачивал нарочно все вверх дном... Я это помню, — странно равнодушным, как и у матери, голосом вспомнил Володя. — Потом, когда увидел тебя в Машином подъезде, удивился.

— Чему?

Лавров хмурился. То, что этот парень помнил его, знал, кто он, еще больше сгущало подозрения в его адрес.

— Насколько мир тесен! Маша, ты — на одной лестничной клетке. Бред! Так не бывает!

— Вот именно, парень! Так не бывает! Ты... Ты ведь нарочно начал с ней встречаться?

— Нарочно? — вроде удивился он, схватился вдруг за портьеру, вытер ею лицо. Мотнул головой, пытаясь сосредоточиться. — Что значит нарочно?!

— Потому что ее сосед — я?! — Лавров протянул руку в его сторону с растопыренной пятерней, будто хотел ухватить Филиченкова, но не доставал. — Хорошо подумай, прежде чем ответить! Ты начал встречаться с Машей из-за меня?!

— Что?!

Филиченков какое-то время рассматривал Лаврова, будто не понимал, кто и зачем перед ним сидит. И вдруг зашелся мелким истеричным смехом. Его широкие плечи, крепкие руки, поддерживающие его плоский живот, — все мелко дергалось и корчилось, как в судорогах. Лицо, распухшее от слез, скалилось в ужасной улыбке.

Лавров не выдержал, дотянулся и больно ударил Филиченкова-младшего по лицу ладонью. Телесные дерганья прекратились, парень застыл, все так же страшно скаля рот.

— Повторяю вопрос! — тихо, но жестко проговорил Саня. — Твои отношения с Машей изначально были фарсом?! Ты нарочно устроил все это, чтобы отомстить мне?

Руки перестали обнимать живот, сместились вниз, пальцы с силой вцепились в бархатную подушку дивана.

— Да кто ты такой, чтобы я мстил тебе?! — Филиченков глянул на Саню с ненавистью. — Ты всего

лишь мелкий опер! Никто! По воле случая ты оказался соседом моей любимой девушки. И что? Да, я опешил. Да, был неприятно удивлен. Но это... Это не значит, что я стал бы использовать Машу, чтобы мстить тебе! Скорее бы выстрелил тебе в затылок, когда ты спускался по лестнице, или...

— Это твоих рук дело? — Саня тронул шишку на лбу. — Ты устроил?

— Нет. — Филиченков равнодушно мотнул головой, вывернул нижнюю губу почти брезгливо. — Зачем? Десять лет прошло. Все... Прошло...

— Нет, я все понимаю, забылось и все такое... Нет, ну а тут такой случай представился, — поддразнил его Саня, двигаясь по дивану и чуть сокращая между ними расстояние. — Чего его не использовать, так? Сам же только что сказал, выстрелил бы мне в затылок и...

— Да не трогал я тебя! — воскликнул Володя. Зачем-то глянул на свои растопыренные ладони. — Раньше хотел. Сейчас уже поздно. Зачем?

— Затем, что тебе нужно было устранить наблюдателя.

— Наблюдателя?

— Ну да! Я же пас вас тем вечером в «Загородной Станице». Просто Машку страховал. Чтобы она в историю не попала с тобой. А ты меня устранил, сволочь! — Лавров сжал кулаки, очень хотелось пустить их в ход, очень.

— Ты знал, кто я?! — отшатнулся Филиченков не с испугом, со странным отвращением.

— Знал.

— Откуда?!

— Машка сказала.

— Маша? Она знала? — Он обвел заполошным взглядом комнату. — Она знала, кто мой отец?!

— Конечно, знала! Она же твои документы видела. Фамилия редкая. Про то, что мой напарник от руки твоего папаши погиб, она знала тоже. Я запил тогда. Пил долго и крепко. Машка помогла выйти из запоя.

Саня замолчал. Откровенничать с этим парнем ему было противно. Не за этим он тут.

— Это она тебя попросила подстраховать за городом?

— Да. Два неудачных замужества научили ее осторожности и...

Филиченков вдруг так стремительно кинулся в его сторону, так резво схватил Саню за свитер на груди, повалил на пол, придавил коленями обе руки, не давая возможности шевельнуться. И, переместив пальцы ему на шею, зашипел, брызжа горячей слюной ему в лицо:

— Так какого же черта ты не уследил, опер? Чего просмотрел тот момент, когда с ней это сотворили? Говори! Говори, падла! Говори! Говори! Какого черта просмотрел?

Он пару раз с силой приложил Лаврова головой об пол. Перед глазами у Сани поплыли яркие круги. Предыдущая травма дала о себе знать, его моментально скрутило слабостью, подкатила тошнота. Руки сделались ватными, пальцы, которыми он перехватил запястья врага, разжались.

— Отпусти-и... — прохрипел он, вспомнив предостережение Жэки.

В таком состоянии он запросто мог улететь головой вниз из окна на улицу. Сопротивляться сил не было.

— Прости, — вдруг ослабил хватку Владимир, поднял Лаврова с пола, помог сесть на диван, сел рядом, проговорил устало: — Прости...

— Что с ней там сотворили? — спросил Саня, отдышавшись, вытер вспотевший лоб, потрогал ноющий затылок. — Урод!

— Сам такой, — беззлобно огрызнулся Филиченков. Снова согнулся, обхватывая живот руками, будто его мучили приступы желудочных колик. И закачался вперед-назад.

— Что с ней сделали?!

— Меня вызвали к хозяину. Им оказался давний приятель отца. Он продержал меня там почти час. Я хочу уйти, он меня останавливает. Я хочу уйти, он меня останавливает. А Маша... Когда я вернулся, она дремала. Она начала уже клевать носом, когда я уходил. Но она дважды ответила мне на сообщения, что все в порядке, что не скучает. Я был спокоен. Когда вернулся, она дремала. Я подумал, что контрафактный алкоголь. Потом только понял, что ее попросту усыпили. Когда я вернулся, все было нормально. Мы уехали. Все нормально. А через неделю...

— Что?!

— Я получил конверт. Там вон, на улице. — Володя судорожно дернул подбородком в сторону окна. — После воскресного обеда с семьей я вышел на улицу. А под «дворником» конверт, а в нем фотографии. А на них... Маша.

— И что это были за фотографии? — В голове шумело от борьбы и от того, что он боялся услышать.

— Это было порно... С ее участием. Партнеров не было, но все равно это было мерзко, грязно... — еле

проговорил Володя, тут же поняв, что он впервые произносит это вслух. Он передернулся и снова принялся раскачиваться взад-вперед. — Я порвал их, сжег прямо там, во дворе на скамеечке.

— Но тебе их прислали снова? Ночью, во дворе у Маши? Их снова подсунули под «дворник» ветрового стекла?

— Что?! Откуда?.. — Филиченков, диковато вытаращившись, покосился на Саню. — Откуда знаешь?! Наблюдал за мной, опер?

— Я — нет. А вот кое-кто наблюдал. И даже сделал фотографии.

— И?! — Он открыл пересохший рот, подвигал языком по губам. — Того, кто их подсунул, удалось заснять?!

— Да.

— Кто это? Как думаете, кто?!

Парень сейчас напоминал сумасшедшего с застывшим взглядом, пересохшими губами и судорожно тискающими обивку дивана пальцами. И Лавров приблизительно догадывался, какие мысли того мучили. И он сказал:

— Это не твой отец, Володя.

— Да? Господи! Нет, конечно, это не он! Это же бред! Бред! — забормотал он, уткнулся лицом в ладони, замотал головой. — Бред! Я с самого начала знал, что это бред! Что это фальсификация!

— Что именно? — Саня схватил парня за плечо, дернул, развернул к себе лицом. — Что фальсификация?!

— Все его записки! Все, что он писал про инструкции, про Машу! Все липа!

— Чьи — его?!

Саня осатанел от предчувствия. Даже боль в затылке утихла, но начало тошнить от страха, что он сейчас мог услышать.

— Записки? Кто их писал, Володя?!

— Их писал мне отец...

ГЛАВА 12

— Славик! Славочка! Они увели его!

Высокий голос Эльзы неприятно ударил по мембране, огромной горошиной прокатился по мозгам, заставил распахнуть дремлющие очи. Лукин со вздохом потянулся в кресле.

Надо же, он снова уснул прямо за рабочим столом. Стареет? Или слишком беззаботная жизнь? Сытая, вольготная, беззаботная жизнь! Он мечтал о такой к старости. До старости, правда, еще есть время, ему всего лишь пятьдесят пять лет, а такая жизнь уже наступила — сытая, вольготная, и могла бы быть и беззаботной, если бы не эта женщина! Она просто сводила его с ума! Она сводила на нет все усилия его долгих лет! Она лишала его покоя, заставляла нервничать, суетиться, что-то предпринимать. Даже мешала вечерней дреме за рабочим столом. Это неправильно! Это нехорошо!

Лукин снова потянулся, встряхнулся, поднялся на ноги, пошел по кабинету. Восемь шагов прямо, поворот налево, шесть шагов, еще раз налево, снова восемь шагов и еще шесть. Кабинет был небольшим, да. Но он не очень любил просторные помещения. Они его подавляли. Главное — уют, меблировка, атмосфера покоя и тишины.

С этой женщиной это вряд ли возможно. Лукин досадливо поморщился, слушая ее плаксивое телефонное сообщение. Он не снял трубки, она говорила с автоответчиком. Он просто все слышал.

Эльза... Эльзочка...

Как мечтал он о ней в былые годы! Как завидовал Игнату, отхватившему такую утонченную белокурую красавицу! У него сводило в комок все нервы, когда он видел, как Игнат обнимает ее, целует ее рот, трогает грудь, играет сквозь ткань платья напрягшимися сосками. Стервец никогда не стеснялся Лукина. Он был кем? Правильно, семейным адвокатом. Служкой! Чего его стесняться? И Эльза не стеснялась ни тогда, ни потом, ни теперь.

— Славочка, с его девкой стряслась какая-то беда! — плакала на автоответчик Эльза.

Лукин мгновенно напрягся, сбился со счета на восьмишаговом отрезке, остановился, сунул руки в карманы домашней шелковой стеганой куртки.

— Все, что мне удалось подслушать, так это, что она в тяжелом состоянии где-то в больнице! — Эльза перевела дыхание. — Славочка, надо срочно узнать! Что с ней, с этой дрянью?! Мне страшно, милый! Очень страшно! Моего мальчика... Его увели! И его тоже!

Лукин на этом месте удовлетворенно улыбнулся.

— Я не могу допустить! Славочка, перезвони мне, как что-то узнаешь! Я молю тебя! Перезвони! А еще лучше приезжай!

Эльза отключилась. Лукин вернулся за стол. Перемотал сообщение на автоответчике и еще раз прослушал. Потом еще и еще раз. И чем больше он его слушал, тем больше оно ему нравилось. Особен-

но в том месте, где Эльзе было страшно за своего мальчика.

Он любил ее страх! Он делал Эльзу податливой, мягкой, лишал властности, светской чопорности. Она была ему нужна именно такой — испуганной! Только напуганной она в нем нуждалась. Только тогда позволяла ему самостоятельно принимать решения, позволяла не отчитываться, не отчитывала, как пацана.

— Я же твой мужчина, Эльза! — пытался он возмущаться, когда она особенно была требовательна в своих претензиях и непозволительно повышала на него голос. — Ты же говорила, что любишь! Так же нельзя с любимым!

— Ты прежде всего мой адвокат, Лукин, — отзывалась она надменно. — Адвокат. Поверенный в делах. А все остальное — потом, потом, Славик...

Вот за эту ее надменность, которую она позволяла себе с ним, он ее и ненавидел. Очень давно! Целых десять лет! С тех самых пор, как не стало в их доме Игната. Он-то все мечтал прежде, думал, как будет, когда не будет Игната? Эльза съежится от беды. Эльза станет тут же искать твердое плечо, на которое можно было бы опереться. Эльза тут же спрячется за широкую спину и позволит тому, кто ее защитит, распоряжаться собою так же, как распоряжался ею Игнат. Так же тискать, когда захочется, мять ее грудь, щекотать соски сквозь ткань платья.

Ан нет! Не тут-то было! Он сразу же схлопотал по лицу, хотя и успел уже переспать с нею не раз.

— Ты что себе позволяешь, поверенный в делах?! — взорвалась она, когда он попытался белым днем, в кабинете Игната, залезть к ней под платье.

— Эльзочка, ты чего? — Лукин тогда прижал ладонь к полыхающему от пощечины и обиды лицу, уставился на нее как на дуру. — Мы же с тобой сегодня ночью...

— Сейчас день! — парировала она и глянула на него с такой небесной высоты, что ему тут же захотелось бежать от нее прочь и никогда не возвращаться. — Могут войти дети!

Детей дома не было, и быть не могло. Настя училась. Володя тоже.

— И пусть войдут, — улыбнулся он ей тогда с вызовом. — Пусть знают, что мы с тобой...

— Нас с тобой нет, Лукин! — почти выплюнула она, и он уловил в ее словах презрение к собственной персоне. — Нас с тобой нет и быть не может! И то, что было позволительно Игнату, никогда не будет позволено тебе. Знай свое место!

От обиды он тогда лишился дара речи. Молча собрал документы, которые они просматривали, и уехал к себе. И уже дома, в тиши своего кабинета — восемь на шесть шагов — он принял решение.

Хватит! Хватит работать честно! Так он работал на Игната — честно и почти бескорыстно. Тот процент, что ему приплачивал Игнат помимо зарплаты, был жалким пособием, не позволяющим Лукину быть нищим.

Все изменилось! Он больше не адвокат Игната, которого он страшно боялся. И уйти не мог, и обмануть не осмелился бы. Он теперь свободный почти человек. Он теперь трахает жену Игната, и что бы она о себе там ни думала, он ее... трахает!

Он принял решение. И начал понемногу воплощать его в действие. Он методично шаг за шагом

избавлял норовистую бабу от ее денег. Он приводил в их дом кредиторов, многие из которых просто-напросто были фальшивкой. Он проворачивал за ее изящной спиной сделки. Он богател на глазах. Он матерел. Она нищала. Но, блин, так и не избавилась от своих непомерных амбиций.

— Эта баба навсегда останется женой Игната Филиченкова! — не без восхищения проговорил как-то один из его партнеров по покеру, когда за карточным столом разговор зашел об Эльзе.

— Что ты этим хочешь сказать? — Слава сосредоточенно рассматривал свои карты.

— Игнат был массивной фигурой, авторитетом! — продолжил партнер по покеру. — Эльза ему соответствовала. Она была личностью. И даже теперь, когда его нет, она не перестала быть такой. Плохо ей, но она держится с достоинством. Вот помяните мое слово, она еще отхватит себе кого-нибудь.

— Кого? — Лукин сразу занервничал и раньше времени скинул карты.

— Ну, уж думаю, кого-то не менее авторитетного и колоритного, чем Игнат. Она такая. Она сможет.

Об их отношениях никто не знал. И даже не догадывался. Почему? Потому что он не был столь колоритной фигурой, способной заменить Игната подле Эльзы. Вот так.

И его закусило. Он должен доказать себе, всем им — партнерам по покеру и теннису, что он не просто адвокатишка какой-то задрипанный, поверенный в чьих-то делах. Он тоже личность! И фигура не менее колоритная и авторитетная! И Эльзу он покорит. А если она не захочет ему покориться...

Предложение он сделал ей совсем недавно. Когда кое-что узнал. Это кое-что его так заинтриговало, что он не стал дольше медлить и сделал ей предложение. Эльза долго думала. Скорее набивала себе цену, ломалась, решил тогда Лукин. И не торопил.

Она принялась ставить ему условия. То мальчика на работу пристрой, его никто не берет никуда с такой фамилией. Бизнес отца растащили по кускам. Восстанавливать бессмысленно. Он пристроил. В банк менеджером в кредитный отдел.

— Славик, ты что? — надрывалась тогда Эльза праведным гневом. — Сына Игната ты устроил рядовым менеджером?!

— Вот именно! Сына Игната!

— Что ты хочешь сказать? — Ее прекрасные глаза метали молнии.

— Игната — преступника, осужденного на пожизненный срок. Убийцу полицейских! Торговца оружием! Мне продолжить?!

Она не захотела продолжения. Смирилась. И Володя пошел работать в банк менеджером в кредитный отдел.

Потом начала приставать с избранником дочери Насти. Узнай все о нем! Наведи справки! Стоит ли овчинка выделки!

Овчинка того стоила, и еще как! Парень подавал надежды, был искренним, порядочным человеком. Перед такими даже сам Лукин — старый хитрый лис — снимал шляпу с почтением.

Эльза успокоилась. И даже пару раз проговорилась, что присматривает платье на собственное торжество по случаю их с Лукиным бракосочетания. Хотя ответа еще не давала.

Ну, раз платье выбиралось, значит, будет «да». Он успокоился как-то сразу и почти сразу заскучал. Эльза перестала казаться ему долгожданным призом. Тем более что ее вечные капризы, высокомерие и приказной тон часто коробили его.

Он стал реже с ней встречаться. Эльза насторожилась и перепугалась даже. А когда она пугалась, как вот сегодня вечером, то становилась мягкой, покладистой, уступчивой во всем и везде. Особенно в постели.

И Лукину — старому развратнику — это очень, очень нравилось. И он теперь белым днем, неважно где — в своем ли кабинете, в кабинете Игната, либо на их огромной кухне — мог запросто залезть ей под платье, пощекотать соски, а то и стянуть трусики и заставить сесть на краешек стола.

Потом он сделал ошибку. Он узнал кое-что, сильно его заинтересовавшее, и дал слабину. И намекнул ей о возможном состоянии Игната, которое тот спрятал за границей. Эльза его подобострастный интерес мгновенно уловила и снова встала в позу высокомерной властной дамы. Он разнервничался. Еще и из-за того, что уже успел объявить об их помолвке за карточным столом и на корте. Его поздравили, похлопали одобрительно по плечу, пожали руки и очень удивились, что ему удалось заполучить такую светскую львицу, и вдруг снова ее туманные ответы.

— А я не знаю... надо подождать, еще подумать. Еще мальчик не определился... Давай не станем торопиться...

Белобрысая стерва завиляла хвостом!

Не торопиться?! Да его уже замучили торопить партнеры по покеру и теннису! Они замучили его во-

просами — а когда?! И кто-то даже предположил, что он блефует, как в покере! А в свете ведь как? Стоит кому-то что-то брякнуть — и пошло-поехало! И ему даже стало казаться, что в спину ему несутся смешки.

И тут Володечка — умный мальчик — преподносит Лукину невероятный сюрприз! Он влюбляется в свою начальницу, в умницу, красавицу. Мамочка Володечки сразу сникла, почва снова заходила у нее под ногами, она снова бросилась к Лукину в объятия. И снова запросила помощи.

— Узнай! Славочка, узнай все про эту девку! Кто она?! Что она?! С кем она и как?!

Славочка узнал и, честно говоря, растерялся.

Мало того что девица была на год старше Володечки. Так она уже дважды побывала замужем! Какие-то нехорошие, скандальные замужества. Хвала небесам, закончилось все это разводами и отсутствием нежелательных беременностей.

Мало этого, так ее соседом по лестничной площадке и другом оказался, кто бы вы думали? Да, да, тот самый мент, который, можно сказать, засадил Игната за решетку! Был в их квартире с обыском и перевернул все вверх дном! И который потом так гневно свидетельствовал против Игната!

Нет, эта девка не могла и не должна была быть избранницей Володечки. Тем более что она была очень умной, тем более что она была очень грамотным финансистом. И смогла бы в дальнейшем помешать Лукину...

Тсс! Об этом молчок! До поры до времени молчок!

И он сделал свое дело. Он доложил обо всем Эльзе.

Ох, что тут было! Как она рыдала и металась по его — Лукина — квартире! Даже хваталась за его

фарфор, намереваясь колотить об пол. Он не позволил. Так Эльза не бесновалась никогда, это точно. Он такой ее никогда еще не видел.

— Сделай что-нибудь, Славочка! Сделай что-нибудь! — стонала она потом под ним тем же вечером. — Я умоляю тебя!!!

Но он ей отказал, да.

— Извини, дорогая. — Лукин скатился с соблазнительного, распластанного на его простынях тела Эльзы, отдышался, вытер потный веснушчатый лоб платочком. — Но это без меня! Я не стану влезать в их отношения.

— Но почему?! — Она подскочила тогда пружиной и зашагала по спальне, как была, нагишом, совершенно позабыв о надменных приличиях. — Я нуждаюсь в твоей помощи, Лукин!

— Я тебе помог. Я узнал все про эту девицу. Дальше — нет. Дальше сама.

— Почему?! — Эльза села на краешек кровати, грациозно свернулась, напоминая изящную фарфоровую статуэтку, глянула на него беспомощно. — Почему?!

— А если это любовь?! — возмутился он тогда. — Я не стану разбивать Володе сердце!

Его благородство было услышано. Она смиренно вздохнула, улыбнулась и снова полезла к нему под простыни.

Конечно! Конечно, ему было плевать на Володино сердце! Ему до него вообще не было никакого дела! Просто он не любил принимать участия в скандальных мероприятиях! Достаточно того, что он выступал адвокатом Филиченкова-старшего в суде! Он не любил никаких трений с полицией. А сосед девушки Маши был хоть и бывший, но мент.

Бывших, как известно, не бывает...

Он отказал Эльзе, но с напряженным вниманием следил за ее действиями. Она же их предпринимала, дура! Коряво, неумело, топорно, но предпринимала! Лукин раздражался, но не влезал. Как хочет! Ему плевать!

В какой-то момент Эльза опомнилась и прекратила все. И даже заявилась к нему как-то ближе к ночи с бутылкой дорогого виски и со своим долгожданным «да». И они наметили на ближайшее воскресенье семейный обед, раз уж так сложилось, что все они собирались завести семьи. И они с Эльзой, и Настя, и Володя.

И он уже успел оповестить своих партнеров по покеру и теннису, что их с Эльзой свадьба случится сразу после новогодних праздников. И...

И вдруг девушка Володи в тяжелом состоянии в больнице! Его самого уводят! Кто? Наверняка полиция!

Лукин раздраженно захныкал и снова перемотал сообщение, оставленное Эльзой на автоответчике.

Сделалось тревожно на душе и неприятно холодно в желудке. Срочно требовалось согреть желудок чем-нибудь горячим, а еще лучше горячительным.

Лукин налил себе на три пальца виски в широкий толстостенный стакан, сел в рабочее кресло с высокой спинкой, точь-в-точь как у Игната в кабинете. Сделал глоток, задумался.

Его уже не радовал триумф. Он уже не радовался испугу Эльзы. И даже плевать ему было на ее слабость и податливость.

Менты увели Володю! Вот что важного пропустил он в ее сообщении. Они увели его. Арестовали, что ли? Или просто допросить? Или еще чего?

Нет, господа, так нельзя! Он должен быть в курсе, куда они увели их мальчика! У него — у Лукина — на мальчика большущие планы! Он ему нужен живой, здоровый, невредимый здесь — дома, а не в застенках! Пока...

Лукин допил виски, осторожно поставил стакан на стеклянную подставку, чтобы не оставлять следов на дорогущей поверхности стола. Снял телефонную трубку, набрал номер домашнего телефона Эльзы. И как только она ответила, проговорил:

— Да, дорогая, да, прослушал. Только что вернулся. Встречался с важным клиентом, — без зазрения совести соврал Лукин. — Прослушал сообщение. И сразу же тебе звоню. Так, давай без эмоций, рассказывай...

ГЛАВА 13

Сгорбатившись над компьютерным Машиным столом, Жэка рассматривал записки, которые Филиченков-младший не уничтожил.

— Чертовщина какая-то... — бубнил он без конца, поглядывал на Саню с озабоченностью, а на Володю с неприязнью. — Вроде его почерк! Мы не одну экспертизу делали, когда сажали папеньку твоего, сынок. Их было десятки, этих долбаных графологических экспертиз! Я его закорючки наизусть помню! Его это почерк, Саня! Хоть убей, его!

— И что ты этим хочешь сказать?!

Лавров сидел на самом краешке Машиной кухонной табуретки. Он не мог касаться ее вещей, не мог сидеть, развалившись, в кресле или на диване. Его

трясло и мутило от одной только мысли, что Маша сюда больше никогда не вернется и никогда этого не тронет. Она сейчас лежит под килограммами гипса, перебинтованная метрами бинтов, она неузнаваема, едва дышит, она...

Горло без конца схватывало спазмом.

Она не будет прежней! Это деловитая помощница Алена предрекла. Как о чем-то само собой разумеющемся. Как будто она ждала этого. Ее вот тоже нельзя сбрасывать со счетов! Она тоже могла довести Машу до самоубийства.

Хотя и так все ясно. Какая-то шваль накачала Машу снотворным, наделала кучу мерзких снимков, а потом, отчаявшись добраться до нее через Владимира, послала все напрямую ей. С каким-то требованием наверняка! Что-то требовали от нее! Что?!

— Я не знаю, — без конца как заговоренный повторял Володя. — Я не знаю... Я не знаю... Вы видите записки, адресованные мне! Там только упоминаются инструкции, и никакой конкретики. Я не знаю! Не знаю, что хотели от Маши!

— Узнаем, кто хотел, узнаем и что хотели!

Жэка осторожно за краешек перетаскал все записки в специальную упаковку для вещдоков, которую постоянно носил в кармане.

— Мало ли что! — таращился он всегда на Лаврова. — Что мне, из-за какого-нибудь окурка криминалистов вызывать?!

— Отпечатков наверняка нет, — глянул на записки с ненавистью Лавров. И добавил, поежившись: — Кто бы их ни писал.

— А вдруг? Вдруг это отец? — простонал Володя.

Он, как и дома, сидел на Машином диване, согнувшись, обхватив живот руками, и раскачивался вперед-назад.

— Вдруг! — отозвался гневно Жэка и провел ладонью по непривычно остриженным волосам.

Соседка так его постригла, что он потом полночи матерился, рассматривая себя в зеркало. Все считал, что он на себя не похож. Что стал похож на какого-то упыря, честное слово!

Лаврову неожиданно понравилось. И Лерке понравилось тоже. Она даже заулыбалась, хотя и не к месту. Они только-только привезли Володю в Машину квартиру. Она услыхала разговор на лестничной клетке, выскочила. Тут же улыбнулась отцу, похвалила стрижку и получила щелбан от Лаврова.

— Я сказал тебе никому дверь не открывать! — рявкнул на нее Саня, затолкал обратно в квартиру и дверь захлопнул.

Жэка за дочку не вступился, решив не вмешиваться. Излишняя строгость его глазастой дочурке не помешает. Не приструни ее, она и к Гришину поедет, и к Филиченковой мамаше заявится, и еще куда-нибудь с вопросами сунется. А дело-то нешуточное. Совсем! Сначала пенсионерам покойник во дворе привиделся. И один с перепугу в овраг сиганул. Да так, что шею себе сломал. Потом покойник вдруг стал записки рассылать. И Маша теперь сиганула с четвертого этажа. Чудо, что жива осталась...

Лерке нужна твердая рука. Может, женится на ней Саня, а?..

— Нет, — нехотя отозвался Лавров и, хотя ему западло было говорить слова защиты в пользу Игната Филиченкова, он проговорил: — Не мог он так

поступить с тобой. С вами. Он хоть и мерзость порядочная, уж извини! Но он же любил тебя. Любил?

— Да, очень. — Володя перестал раскачиваться. — И Настю, и маму.

— Вот-вот. И даже если учесть, что на постороннюю девушку ему было наплевать, что же, он тебя своими руками под статью подвел бы? Нет, не мог он. К тому же в одной записке тебе рекомендуют сделать ей предложение и тут же... Неправильно это.

— Неправильно, — кивнул Володя и глянул на Лаврова с надеждой. — А кто тогда?

— Он у меня спрашивает! — шлепнул себя Саня по бедрам. — Если бы я знал, эта падла уже... Уже...

— Но, но, но! — погрозил ему Жэка пальцем. — Не нарушаем закон! Не нарушаем! Лучше ответь мне, сынок, на такой вопрос... Как давно началось все это?

— Что?

Володя вздрогнул. Он все время отвлекался. Не мог уследить за ходом допроса, который они ему устроили в Машиной квартире. Ему, если честно, было тут худо. Все время слышались ее шаги, ее голос, дыхание. Так и казалось, что сейчас откроется дверь ванной и выйдет Маша, встряхивая мокрыми после душа волосами.

— Записки? Как давно ты их получаешь?

— Первая пришла от отца несколько лет назад. Он просто поблагодарил в ней меня.

— За что?

— За то, что не стал менять фамилию, как мать и сестра. За то, что остался Филиченковым. За верность.

— Потом?

— Потом, еще до своего побега, он прислал мне: «Жди инструкций». И сбежал. И погиб. И вдруг совсем недавно. После того как у нас с Машей наши отношения перестали быть просто дружескими, переросли в разряд... В общем, после того, как мы с ней переспали, я получил от него послание: «Сделай ей предложение».

— Ага. Есть такое. — Мощный палец Жэки ткнул в упаковку для вещдоков, где лежали записки.

— Так ты поэтому сделал Маше предложение?! — Лавров начал подниматься с Машиной табуреточки. — Поэтому?!

— Нет. Я сделал его накануне этого послания, — чуть приврал Володя.

Ему уже казалось это правдой. То, что он никак не подчинялся указаниям, полученным из записок, написанных рукой отца.

— Потом? — Саня скрипнул зубами. — Что было потом?

— Ночью мне пришло сообщение с номера, который не определился, чтобы я пригласил Машу за город в...

— «Загородную Станицу»?! — Саня выругался. — Следовал, стало быть, указаниям?! Ты что, идиот, не понимал, что это ловушка?!

— Нет. Я думал...

— Что ты думал?! Что?!

Он все же не выдержал и подскочил к парню, схватил за шею, как тот его часа полтора назад. Глаза тут же заволокло красным туманом, а во рту сделалось сухо и горько.

Он его сейчас... Этого звереныша... Это преступное отродье...

Вовремя опомнился, отступил. Жэке даже вмешиваться не пришлось.

— Почему ты следовал указаниям? — строгим голосом, как на допросе, спросил Жэка.

Честно? Ему самому хотелось сейчас сдавить кадык этого засранца и давить, давить, давить! Хоть так бы, может, избавился от переживаний за Машу. Он ведь не только за Машу переживал. У него все время перед глазами Леркина мордашка глазастая маячила. Вот случись что-то подобное с любой дочерью, как после этого любому отцу жить, как?

Паскуда филиченковская!

— Я подумал, что отцу каким-то образом удалось скрыться. Что он просто хочет встретиться со мной. Хочет посмотреть на меня, на мою девушку. Как-то незаметно дать о себе знать и...

— И именно по этой причине ты оставил Машу одну и помчался в административное здание на встречу с хозяином?! — взревел Саня.

— Да, отчасти. — Володя опустил голову. — Я думал, там отец.

— А когда его там не оказалось, какого черта ты сидел там целый час?!

— Думал, он вот-вот появится. Надеялся.

— А в это время твою девушку... — Саня отвернулся, слезы ненависти к этому лощеному парню жгли глаза.

— Я не знал! — заорал Володя, вскакивая и сжимая кулаки. Добавил задушенным голосом: — Я не знал! И знать не мог, что все так... Не прощу себе никогда.

— Во-во, и я тебе тоже этого не прощу, — кивнул Лавров, барабаня кулаками по коленкам. — Моя тень всю жизнь будет висеть за твоей спиной, так и знай!

— Хорош! — крикнул Жэка, и все притихли. Он осмотрел их поочередно. — От вашего крика ничего не изменится. Если ты... — он ткнул в сторону Володи пальцем, — ни при чем, думай, кто мог это сделать и зачем?! С кого нам начинать?

— С хозяина «Загородной Станицы», конечно! — Володя скомкал свитер на груди. Взгляд его замутился. — Я сам... Сам ему кишки выпущу, если он...

— П-аазвольте действовать профессионалам, юноша, — ухмыльнулся недобро Жэка. — С вас координаты, и мы поехали.

— Нет! Я с вами! Мне это нужно. Я с вами!

Он шагнул за ними в прихожую, потом, схватив куртку с вешалки, на лестничную клетку.

— Ой, боюсь, не получится, — притворно расстроенным голосом воскликнул Жэка.

Лавров наблюдал.

— Почему?! — Володя начал следом за ними спускаться по лестнице.

— Боюсь, это займет какое-то время. А у вас же билет куплен на самолет. Пропустите рейс.

— Перенесу отлет на следующий день, — ничуть не смутившись, парировал Володя, не отставая от друзей.

— А что за границей-то хотели, юноша? — вцепившись в пуговицу на его куртке, спросил Жэка, когда они вышли на улицу. — Чего так спешно собрались туда? С какой целью?

— За деньгами, — отозвался тот, ничуть не смутившись. — Маше на лечение нужно много денег. Ее родители пока помогают, но... И потом надо договориться о ее лечении за границей. Разве тут ее восстановят и...

— За деньгами? — Жэка, казалось, пропустил все остальные его слова мимо ушей. Внимательно осмотрел парня. — За какими такими деньгами, которых нужно очень много, юноша? Помнится, ваша семья была признана банкротом. Вы будто еле сводили концы с концами. А? Давайте-ка с этого места поподробнее, лады?..

ГЛАВА 14

Гришин Иван Сергеевич пребывал в относительно приятном расположении духа. Ему было приятно сидеть в глубоком мягком кресле. Приятно было смотреть из окна на небольшой садик, разбитый умелыми ландшафтными дизайнерами. Хорошо, что он настоял на хвойных насаждениях. Как приятно сейчас было наблюдать зелень на фоне серого ноября. И кофе с коньяком — баловство, конечно, но тоже приятно было тянуть из любимой стеклянной чашки.

Единственное, что отравляло ему сегодняшнее приятное утро, это Лавров! Вернее, его предстоящий сегодня визит. Он же предупредил, дал ему несколько дней. А он никогда не обманывает. Всегда держит слово. Значит, сегодня явится, провалиться бы ему вместе с его пробитой башкой!

Ну, ничего. И эту проблему он уже решил. Уже знает, что сказать. Обознался, мол, его человечек. Не за того принял Лаврова. Принял за соперника. С кем девушка его теперь встречается. Человечек где? Так в бега подался, как узнал, кого по голове огрел.

Версия? А то! Еще какая!

Лавров, конечно, не поверит, но это его проблемы. Ивана Сергеевича совершенно не касается его недоверие к людям. Повозив задом в мягком кресле, удобнее устраиваясь, Гришин задумался. И чем больше думал, тем сильнее расстраивался.

Его самого, получается, использовали втемную, да! Во-первых, не сказали, кого надо нейтрализовать. А это был бывший опер, не парикмахер, черт побери! Во-вторых, не сказали, почему надо было нейтрализовать бывшего опера. А там что-то такое хитрое вырисовывается. Что-то нехорошее. Это ему его человечек шепнул, которому он велел убраться куда-нибудь подальше из города. Да, он так и сказал:

— Иван Сергеевич, там, по ходу, лажа какая-то с ментом этим бывшим.

— Что за лажа? — лениво поинтересовался тогда Гришин, потому что ему было насрать и на мента, и на его голову пробитую.

Жив ведь? Не помер? Чего шум поднимать?

— По ходу, мент этот за Филином молодым следил. Тот с телкой там тусил, — рассказывал между тем его помощник, который, собака, подставился под чьи-то глаза, теперь вот проблемы.

— А зачем Филин молодой ему понадобился? — сразу поскучнел Гришин.

Слышать эту фамилию он не желал вообще. А если рядом с этой фамилией упоминалась еще и фамилия Лаврова, то просто хотел оглохнуть. Он хорошо помнил, как бесновался в те годы молодой опер Лавров, схоронивший напарника.

— Я не знаю, зачем ему молодой понадобился, — подергал плечами «косячник». — Скорее, телка его.

— Оп-па! А она-то ему зачем? Что, Филин у него бабу увел?!

Первая хорошая новость за последние дни. Когда гадко одному из этих людей, Гришину всегда радость.

— Нет вроде. Эта баба молодого — соседка мента.

— И че? — не поверил Гришин. — Станет он башкой рисковать из-за соседки?! Говно какое-то!

— Вроде они друзья.

— Аа-а-а, ну да, ну да. — Толстые губы Гришина сложились скептической дугой. — Совсем ты дурак, да?! У меня вон тоже до хрена соседей! Что же я из-за каждого подставляться буду?! Не мели чепухи, парень! Скорее всего, Филин молодой увел у опера бабу. Вот он и бесится.

— Может быть, — не стал спорить помощник.

И по приказу хозяина тем же вечером сорвался из города. У Гришина была, правда, мысль наказать идиота привычным способом, как раньше наказывал. Просто взять и прострелить парню башку, чтобы работал как надо, не светился. Но потом он передумал. Велика честь из-за какого-то бывшего опера и его шалавы своих людей убирать.

Но когда вчера поздним вечером ему сказали, что баба опера, которую тот не поделил с сыном Игната, шагнула с четвертого этажа и разбилась, Гришин о своем помиловании пожалел.

Нет, надо было все же наказать парня. Надо было его башку преподнести Лаврову в качестве трофея. А то теперь станет приставать. Покоя не даст. Но тем не менее версии своей решил придерживаться твердо.

Лаврова перепутали с соперником одного из его парней. Тот потом перепугался и подался в бега. Все!

Больше никаких вариантов. В конце концов, кто он теперь — Лавров? Да никто! Привычно бряцает тут бывшими заслугами, а толку? Гришин его может даже на порог не пустить. Полное право имеет и...

Размеренный ход его мыслей был прерван осторожным стуком в дверь его кабинета.

— Да! — рявкнул он недовольно.

Он не любил, когда прерывали его размышления. Когда путали стройный ряд его мыслей. Он потом мог сказать что-нибудь не так.

— Иван Сергеевич, к вам тут этот... — Охранник, отвечающий за въездные ворота, осторожно сунул бритую башку в дверную щель. — Бывший опер.

— Чего хочет? — зачем-то спросил Гришин.

— Сказал, вы знаете.

Ушастая, лобастая голова охранника его нервировала.

— Скажи, что ничего не знаю, и гони его к чертовой матери! — вдруг решил Гришин. — Он вообще права не имеет вторгаться на частную территорию и...

— Иван Сергеевич, — нагло перебил его охранник, — он не один.

— А с кем?! — В животе вдруг зародилась какая-то странная боль, будто там кто-то включил электродрель и начал наматывать его кишки на сверло.

— Он с Заломовым каким-то. У того ксива. Майор... Мент... — зачитывал как с листа тупой охранник.

О господи! Гришин странно хрюкнул, вылив в себя последний глоток остывшего кофе, полез из глубокого кресла, потешно дрыгая короткими толстыми ногами.

Заломов Женька! Этот гад, провонявший насквозь табачищем, жалости не знает! Он не Лавров, он догова-

риваться и либеральничать не станет! У него в кармане удостоверение, дающее ему полномочия! Он захочет сейчас, весь дом его перевернет. И найдет ведь что-нибудь, точно найдет для парочки статей в УК РФ!

Гришин точно знал, что найдет. Потому что точно знал, что прятал.

Ох, зря он не пришиб своего помощника! Зря! Жалость — отвратительная штука. Н-да...

Подобрав повыше полы длинного парчового халата, так что стали видны его белоснежные толстые икры, Гришин трусцой бросился мимо ошеломленного охранника к выходу. Там, не побоявшись морозной свежести, от которой похрустывало под подошвами его домашних тапочек, бросился к воротам.

— Заходите! Заходите, чего же вы!

Гришин замахал рукой мужчинам, стоящим возле машины Лаврова. Тут же развернулся и потрусил обратно к дому. Икры, ляжки неприятно пощипывало от холода.

— Уволю, скотина! — цыкнул он нарочито громко на охранника, обернулся на друзей, следующих за ним по пятам, одарил их улыбкой гиены. — Щас насчет кофейку распоряжусь. Входите, входите, господа...

— Это он для меня так старается, — ткнул локтем в бок Лаврова Жэка и с притворным сожалением тихо проговорил: — Ты-то теперь кто?

Саня ничего не ответил. Он наблюдал за Гришиным. Его подобострастная суета его немного вдохновляла. Он искренне надеялся, что здесь им повезет гораздо больше, чем в «Загородной Станице», где хозяина на месте не оказалось, как не оказалось никакой информации о нем. Где он сейчас, с кем? Никто ничего не знал. Или просто не хотели говорить. Они

уже дважды там побывали. Вчера поздно вечером с Филиченковым, сегодня вдвоем с Жэкой, бесполезно. Хозяин заведения как в воду канул. И дома его не было, и в городском офисе.

— Входите!

Гришин, как швейцар, распахнул перед ними обе двери в гостиную, потрусил следом, на ходу отдавая распоряжения о кофе и бутербродах. Вдруг звучно шлепнул себя по лбу:

— Вот я дурак, а! — Все та же хищная улыбка не сходила с его толстогубого лица. — Может, чего покрепче, а, господа?

— Нет, — почти в один голос ответили друзья, рассаживаясь в креслах.

— Ну, как пожелаете, как пожелаете...

Гришин беспомощно огляделся, понял, что садиться ему придется либо к столу, либо на широкий неудобный диван. Он давно уже собирался его поменять! Спинка дивана была так далеко, что, если ему приходилось на нее опираться, ноги его болтались в воздухе. Это выглядело конфузливо, несолидно. А сидеть, не прислонившись к спинке, ему с его весом было неудобно. Гришин со вздохом отодвинул стул от стола, долго прицеливался, наконец с великим трудом разместил свой зад на сиденье, показавшееся ему таким же крохотным, как велосипедное. Тоже надо поменять, тут же подумал он и посмотрел на гостей, как нашкодивший кот.

— Слушаю вас, господа! — еще шире оскалился Гришин, у него аж морда заболела от улыбок.

— Это мы тебя слушаем, Гриша, — хмуро кивнул Саня. — Три дня прошло. Я же сказал тебе, что приду не один. Слово держу, как и раньше. Говори!

— Ой, что говорить-то, что говорить, начальник? — заюлил тут же его взгляд. — Охранник мой тупой, ревновал свою бабу, перепутал тебя с соперником своим и...

— Заткнись, Гриша! — встрял Заломов и вдруг запулил чем-то в хозяина.

Тот еле успел башку пригнуть, как резиновая безделушка с каминной полки, пролетев в сантиметре от его волос, шлепнулась о дверь с чавкающим звуком. Когда только успел схватить ее, чертов курилка?!

— Слушай меня внимательно, Иван Сергеевич! — Жэка встал с кресла и заходил по его гостиной, как огромный медведь по клетке. — К тебе кто-то обратился с просьбой. Ты должен был направить своих людей контролировать стоянку в «Загородной Станице» три недели назад воскресным вечером. Твои люди поехали. Засекли Саню, пардон, Александра Ивановича... Доложили тебе. Ты доложил заказчику. Тот попросил тебя об одолжении...

— Ничего он не просил! — взвизгнул Гришин, подпрыгивая с крепко сжатыми кулаками на изящном стуле. — Сам! Он все сам решал!

— Ишь ты! — не поверил Жэка, нависая над хозяином, как над добычей, и нарочно шумно дыша ему в макушку. — С каких это пор твоими людьми кто-то распоряжается?! Брешешь, Гриша!

Гришин опасливо втянул голову в плечи, покосился на громоздкого майора через плечо. Промолчал.

— Тот попросил тебя об одолжении, — продолжил Заломов как ни в чем не бывало. — Твои люди нейтрализовали Лаврова. Заказчик просто побоялся,

что Саня... пардон, Александр Иванович, сорвет им все дело. Так все было, Гриша?

Тот снова промолчал, вдавив голову в плечи по самые уши.

— Теперь я хочу знать имя заказчика. Кто это? Хозяин заведения, а?! — Жека все же не выдержал и отвесил неуважительный подзатыльник Гришину. — Либо ты говоришь, Ваня, либо...

— Либо — что? — попытался тот дернуться в непозволительном вызове.

Но тут же лапа Жэки Заломова легла ему на голову и сдавила так, что у Гришина, казалось, сейчас глаза повылазят. Он захныкал.

— Либо я сейчас вызываю людей, и они от твоего дома камня на камне не оставят, Ваня, — продолжил Жэка, не убирая пятерни с головы Гришина и продолжая давить с бешеной силой. — И ты знаешь, что они что-нибудь, да найдут. А если найдут, то...

— Понял, — прошептал Гришин, осторожно поводил шеей, пытаясь стряхнуть с себя лапу опера. Не получилось. И он взмолился: — Ну убери же руку, начальник! Сейчас позвоночник в трусы ссыплется!

Жэка руку убрал, но не отошел от жирной спины, которая подрагивала, как холодец.

— Говори! — потребовал он.

— Ну да, да, хозяин «Станицы» — заказчик. За каким чертом ему было пасти сына Игната, не знаю. Он там был с телкой.

— Твои люди были нужны зачем?

— Чтобы контролировать ситуацию. Своих он не мог светить. Заведение легальное, пользуется уважением у жителей города и все такое...

— Твои люди позвонили тебе, что засекли Лаврова, так?

— Да. Я позвонил заказчику. Он взмолился буквально! — Гришин глянул на Саню. — Ничего личного, начальник! Просто бизнес!

Саня выразительно потрогал подживающую рану на лбу. С вызовом закинул ногу на ногу. Ничего не сказал.

— Заказчик, короче, попросил это... нейтрализовать. Осторожно! — Толстые пальцы Гришина вдавились с силой в грудную клетку. — Я велел действовать осторожно, начальник! Но эта тупая скотина... Никому ничего доверить нельзя! Никому!

— И где теперь эта тупая скотина? — поинтересовался Саня, уверенный в ответе.

— В бегах! Как я узнал, что он натворил, так и... Так он и побежал, опасаясь, что я ему ноги выдерну! — с чувством воскликнул Гришин. Проникновенно глянул на Лаврова. — Веришь, нет, сам чуть не обосрался от страха, что они тебя... Того! По голове! Идиоты, говорю!

Врет, гад, лениво подумал Саня. Но врать привык, потому и врет складно. И главное, доказать обратное никто не в силах. Тот парень, что держал в руках биту, сто процентов уехал из города. И станет теперь отсиживаться до тех пор, пока все не утихнет.

— Ладно, проехали. Этот должок на тебе теперь повисает, Гриша... — Жэка снова занес лапищу над головой хозяина. — Теперь скажи, где нам найти твоего заказчика?

— А я почем знаю? — выпалил Гришин.

И жесткие тиски, Жэкины пальцы, снова сдавили его череп. Гришин захныкал.

— Ну не знаю я, начальник! Не знаю! Дом у него есть за городом. Так там вы уже наверняка побывали?

— Угу... — кивнул Жэка и сильнее сдавил пальцы.

— Квартира и офис в городе, — со стоном пробормотал Гришин.

— И там были, нет его!

— Может, уехал?

— Нет, не уезжал. Проверяли, — соврал Жэка, пока не было времени на проверки.

— Тогда не знаю!

— А подумать? — Жэка сместил палец к виску и с удвоенной силой надавил. — А подумать?!

— Шалава! Шалава у него есть одна! — заорал Гришин, царапая стол ухоженными ногтями. — Он у нее иногда зависает!

Жэка убрал пальцы с его черепа, швырнул Гришину блокнот из кармана, авторучку.

— Пиши адрес! — скомандовал он.

— Ага! — Гришин гладил себя по голове, трогал висок, затылок, ему казалось, что у него мозги вылезли от железной хватки опера. — А ты потом ему почерк мой продемонстрируешь, начальник? Я уж лучше тебе скажу, а ты запиши.

— Ссышь? — ухмыльнулся Жэка, подбирая ручку и блокнот и приготовившись писать.

— Знаю я ваши штучки, начальник. — Гришин продиктовал адрес спального района, где гнездились старинные пятиэтажки. — У него с этой шлюхой давняя любовь. Она ему раны с девяностых зализывает...

ГЛАВА 15

С кухни тянуло запахом жарящихся дрожжевых блинов. Шкварчало масло, шипело налитое на сковороду тесто. Звякали чашки, свистел вскипевший чайник. Наташка хлопотала с завтраком и тихонько что-то мурлыкала себе под нос. Какую-то старинную песенку из дискотеки девяностых. Приятная песенка, приятный голос у Наташки. И сама она хороша! В свои сорок лет многие бабы бывали списаны за ненадобностью. Его супруга в тридцать пять перестала его волновать по-настоящему. А Наташка молодец!

Высоченная — метр восемьдесят пять, с большущими упругими сиськами, длинными крепкими ногами, шикарной белокурой шевелюрой и невероятно черными глазищами, Наташка ему теперь нравилась так же сильно, как и двадцать лет назад, когда еще крутилась вокруг шеста в стриптиз-баре.

Тело ее не стало рыхлым, оно просто заматерело, стало крепче, соблазнительнее. От морщин она постоянно избавляется в центре лазерной хирургии. Он деньгами помогает, чего уж. Ноготочки, пяточки, бровки, все в порядке полном.

И характер...

Что у нее был за характер! Милая, покладистая, всегда веселая, готовая к экспериментам в постели, прогулкам под дождем и его дурному настроению. Он бы женился на ней сто процентов, кабы не ее прошлое вокруг шеста.

Как он — уважаемый бизнесмен — возьмет себе в жены стриптизершу?! Да никак! Женился на дочери своего делового партнера, будь она неладна.

Шпала хладнокровная! И дети от нее такие же — никчемные, бесталанные, ленивые. Он их, конечно, любил и баловал. Но в глубине души понимал: дело передавать некому! Все спустят, все просрут!

Эх, зря он Наташке не позволил родить еще тогда, в девяностых. Сейчас бы потихоньку втягивал в бизнес ублюдочка, а так...

Огурцов Станислав Егорович завозился под толстым одеялом в ситцевом пододеяльнике. Не любил он шелка там всякие, сатины. Скользишь по постели, как по соплям, честное слово! Ситец, добротный, экологически чистый, полезный для тела и любовных утех, которые их с Наташкой до ста потов пробирали.

Огурцов заглянул под одеяло. Предмет его гордости дремал. И ладно. Сейчас надо позавтракать. Потом немного поработать за компьютером, отдать распоряжения. Тогда уж можно будет и перерыв сделать на послеполуденный секс. Да и Наташке сейчас придется уйти. Магазинчик дамского белья, который он ей подарил на пятнадцатилетие их отношений, приносил ей какую-никакую прибыль. И требовал ее постоянного присутствия.

— Милы-ы-ый... — пропела Наташка, появляясь в дверях спальни.

Она всегда безошибочно угадывала момент пробуждения. И того, что лежало на подушке, и того, что покоилось ниже резинки от трусов.

— Ау! — отозвался Огурцов со счастливым смешком. — Ты прелесть!

Она снова его удивила, явившись в спальню в длинных алых гольфах, алом лифчике и черных трусиках, едва прикрывающих ее шикарную упругую попу. Идеально плоский живот, в пупке поигры-

вает крохотный бриллиант, тоже его подарок. Волосы заплетены в две толстые косы с алыми бантами.

— Идем завтракать. — Наташка потащила с него одеяло. — Идем!

— Ты это, иди, Наташ. — Он вдруг застеснялся своего обвисшего достоинства. Вцепился в край одеяла. — Иди. Я сейчас.

Конечно, ему не всегда удавалось в свои шестьдесят соответствовать пылу сорокалетней сочной бабы. Иногда приходилось прибегать к лекарственным стимуляторам. Но с утра принимать их он не хотел. Дел много!

Натянув домашние хлопковые шаровары ядовитого синего цвета, Огурцов глянул на себя в громадное зеркало напротив их кровати.

Мышцы будь здоров, живот накачанный, не выпирает, как у некоторых толстосумов. Кожа не висит, в меру загорелая. Пышная шевелюра цвета перца с солью. Твердый подбородок, нормальный нос, черные глаза. Симпатичный мужчина, весьма симпатичный.

Огурцов, как всегда огурцом, любила говорить Наташка. Она его очень любила. И верна была ему. Что-то она наготовила ему на завтрак?

В центре стола на красной тарелке большая горка пышных блинов. Огромный кусок масла плавился на самом верху блинной пирамиды. В белоснежной фарфоровой плошке красная икра. В другой жирная сметана, рядом яблочный джем. Что душеньке только угодно! И кашка манная уже в его тарелке с вареньем из черноплодной рябины. Он с детства так любил. Мама приучила. Наташа потом перехватила инициативу.

Только жена — палка сухая — никак не уразумеет, что ненавидит он с утра яйца и овсянку, просто ненавидит! И тосты ее ему нёбо корябают! И кофе ее похож на помои!

А Наташка — умница — ему с утра крепкий чай всегда заваривала. Такой, что рот вязало от крепости. А он так любил!

Огурцов сел к столу, съел кашу с вареньем. Скатал блин трубочкой, обмакнул его в сметану, откусил и зажмурился от удовольствия.

— Вкусно?

Наташка, сидя напротив, давилась сухими диетическими хлопьями. Очень боялась растолстеть, потерять фигуру и разонравиться ему. Дуреха! Он ее, наверное, и с обвислыми боками терпеть станет. Хотя нет. Вряд ли с боками-то...

— Очень вкусно.

Он потянулся ко второму блину, и вдруг в дверь позвонили. Они просто опешили от неожиданности. Дело в том, что к Наташе никто никогда не приходил! Это была их общая квартира. О ней никто почти не знал. Почти явочная, куда никто никогда не приходил. Никогда! Даже в девяностых! Никто! Даже слесари из ЖЭКа! Даже электрики! Никто!

Жена! Узнала и явилась со скандалом! На лоб выкатило испарину. Трусливый холодок сжал желудок в ледяной комочек.

Не то чтобы Огурцов ее очень уж боялся, просто...

Просто не хотел ничего делить с ней при разводе на старости лет! И перед детьми стыдно! И перед партнерами.

— Открыть?! — Наташкины черные глазищи сделались испуганными-испуганными, как у ребенка.

— Открой, — коротко ответил он и с фальшивым смешком добавил: — Кого нам бояться-то?

И тут же подумал, что если это жена, то она сразу все поймет по его голому животу и по штанам домашним, под которыми не было трусов. И по Наташкиному наряду все поймет, и шансов оправдаться у него совершенно нет.

Поэтому, когда в кухню ввалились менты, он почти обрадовался. Почти...

— Огурцов Станислав Егорович? — строго спросил его крупный мужик с красивой стрижкой, в сильно поношенной куртке.

— Слушаю, — коротко кивнул Огурцов и напрягся.

Второго он узнал. На второго был заказ. Он, правда, его не собственноручно выполнял, и даже не руками своих людей. Но выполнял.

— Вам придется проехать с нами, — сказал мерзкую по смыслу дежурную фразу крупный мужик со стрижкой.

— С целью?

Огурцов решил сразу, что это развод. Его просто берут на испуг. И нет у них ничего, кроме болтовни Гриши. Он растрепал про заказ, он и про квартиру эту знал. Давно знал, еще с прошлой жизни. Охрана Огурцова даже не знала, а Гриша знал. И если менты здесь, значит, растрепал Гриша, падла.

Ну да ладно, с ним будет отдельный разговор. Не зря слушок десять лет назад бродил, что он Игната слил. Надо бы припомнить.

— У нас есть к вам вопросы, — пробубнил громоздкий мент.

И лишь на мгновение в его голосе послышалась тень неуверенности, лишь на мгновение, но Огурцову этого было достаточно.

— Никуда я с вами, ребятки, не поеду. Надо — вызывайте повесткой. Явлюсь с адвокатом, как положено, — сказал он и широко улыбнулся. — А вот на вопросы всегда готов ответить.

— На любые? — спросил второй, которого Огурцов узнал, и выразительно тронул шишку на лбу.

— На любые! — с той же улыбкой ответил Станислав.

— Хорошо, — кивнул мужик со стрижкой.

Расстегнул сильно потертую куртку. Скинул ее на кухонный стул, выразительно повел носом.

— А чем это пахнет, Саня? — спросил он, недоуменно таращa глаза.

— Блинами, Жэка! Блинами это пахнет, — вздохнул Лавров.

Он с утра сегодня даже кофе не выпил. Лера с хлопотами опоздала, он не ушел, выскочил за дверь.

— Так угощайтесь, чего вы, мальчики? — принялась суетиться Наташка, успев натянуть короткий халатик.

Но сделала только хуже. Халатик просвечивался, и от этого она стала еще соблазнительнее в своем красном лифчике, гольфах и черных трусиках.

Не могла чего-нибудь поприличнее надеть, с раздражением подумал Огурцов. Нет, все же правильно он на ней не женился. Совершенно никаких представлений не имеет, как и в чем встречать посторонних мужиков. Все свои приличия в девяностых на шест намотала, дура!

Мальчики! Он еле сдержался, чтобы не фыркнуть и не плюнуть в сторону этих самых мальчиков. Эти мальчики, черт их побери, так заластают, что мама не горюй!

Менты расселись за Наташкиным столом, как за своим. Не вымыв рук, начали хватать с красной тарелки блины. Тот, что с пробитой головой, еще как-то скромничал. Стриженый и наглый цеплял блинной трубочкой икру, как экскаватор! Почти ничего не оставил в миске, все сожрал с тремя блинами!

Наташа сварила по их просьбе кофе и по знаку Огурцова скрылась в комнате.

— Итак, господа, я готов ответить на ваши вопросы. — Огурцов уложил хорошей формы подбородок на замок из пальцев.

— Вишь, господин Огурцов какой умный, Саня, — ткнул локтем мент своего напарника. — Сначала накормил, а потом к делу. Мы раздобрели, разве станем теперь к нему придираться?

— А собирались? — с ленивой улыбкой спросил Огурцов.

— Было дело. Да, кстати, забыл представиться. — Жэка пошарил в карманах куртки, валяющейся на стуле, достал удостоверение. — Майор Заломов. Расследую нападение на моего друга, совершенное на вашей территории, господин Огурцов.

— Ребятки... Что я вам скажу...

Огурцов задумался.

А может, не сдавал его Гриша? Может, они еще каким-то образом узнали про эту квартиру? Опера, они ведь ушлые ребята. У них осведомителей, что блох на бродячей собаке. Может, они просто так сюда ввалились. По причине — как сказал майор, —

что на его территории совершилось то самое нападение?

— Так что скажете? — улыбнулся Саня.

Он безошибочно угадал борьбу, что шла в душе этого бизнесмена.

— Что на моей территории много чего случается. Приму, как говорится, к сведению. Накажу виновных. Выясню причину и...

— А причиной является Филиченков Владимир, как я понял. — Саня широко улыбнулся. — За которым я в тот вечер наблюдал.

— А я при чем? — Огурцов почувствовал, что краснеет.

— А вы с ним в тот момент живо беседовали, — напомнил Саня. — В течение часа удерживали его в своем кабинете в административном здании.

— Беседовали? Что-то...

Огурцов осторожно расплел пальцы, опустил их на стол, отодвинул от себя красную тарелку с блинами, кстати, осталось всего три штуки. И сначала хотел сказать, что что-то не припоминает. Но решил не умничать. Сын Игната, скорее всего, уже все рассказал.

Поэтому он счел за благо сказать следующее:

— Что-то такое припоминаю. Да, точно! Мне доложили, что сын Игната с девушкой у нас отдыхает.

— Кто доложил? — тут же перебил его Жэка.

— Ой, да не помню я! Кто-то из помощников! Это так важно?! — возмутился Огурцов.

«Мальчики» промолчали.

— Дальше что? — сурово сдвинул брови майор Заломов.

Конечно, неприязненно подумал Огурцов, икры с блинами на халяву нажрался, теперь можно и бровями играть!

— А ничего. Попросил его зайти ко мне. Накрыл столик на двоих. Посидели, повспоминали. Про отца все говорили. Я еще сказал, почему он девушку свою с собой не позвал? А Володя засмущался, говорит, еще не время ей при таких разговорах присутствовать. Я решил, что она не знает, чей он сын.

— Сколько времени вы говорили?

— Ой, долго! Он даже сообщения своей девушке отправлял, не скучает, мол? Она отвечала, что все в порядке. — Он ткнул себя в голую грудь кончиками пальцев. — Каюсь, подсмотрел, что он пишет!

В кухне повисла тишина. Огурцов понимал, что сейчас все может развиваться по двум сценариям. Либо эти двое, удовлетворившись, уйдут и оставят его в покое. Тогда получается, что Гриша точно ни при чем. Либо эти двое сейчас станут наматывать ему кишки на руку. И вытрясут из него все, все, все! А ему резона молчать нету. Он вообще ничего такого не делал. И за чужие дела встревать не собирается.

— Складно поете, господин Огурцов.

Так, сценарий номер два, понял Станислав. По мерзко сверкнувшим глазам обоих «мальчиков», стремительно переглянувшихся, понял, что дело дрянь.

Сдал его Гриша, точно сдал, падла!

— Складно поете, но неправильно, — поддакнул Саня.

Поставил локоток на стол, чуть ли не в миску со сметаной. Глянул проникновенно. Как вот это у них получается, а? Так вот смотреть! Кажется, до кишок

все видит ментовский взгляд! Нет, ментом все же надо родиться, прав был Игнат.

— А как правильно? — осторожно улыбнулся Огурцов.

— Правильным является то, что вы специально отвлекли Филиченкова. Специально попросили его прийти. Чтобы девушка одна осталась. На целый час!

Глаза гостя потемнели. Он стиснул зубы и помолчал недолго. Потом глянул так на Станислава, что тому моментально жить расхотелось.

— И в течение этого часа какие-то мерзавцы творили с девушкой нечто похабное!

— А я при чем?! — попытался возмутиться Огурцов.

Но тут ему на голову легла громадная ладонь майора и так сдавила в области висков, что он чуть не завизжал. Ну до того больно!

— А ты, Огурцов, при том, что сделано все это было по твоему приказу! — продолжила давить ему на голову ладонь майора. — Все было сделано нарочно!

— Нет! Я ничего не знал! — верещал Станислав, совершенно не заботясь, что его клекот может быть услышан Наташей. И что она может перестать его уважать за немужское поведение. — Я ничего не знал!

— Чего ты не знал? — встрял Лавров и, поднявшись с места, тоже потянулся к голове Огурцова. — Чего ты не знал, паскуда?! Что девчонку там опускают? Пока ты парню зубы заговариваешь?! Что потом фотки с мерзким действом ей послали и еще с требованием чего-то. И из-за этого она из окна выбросилась! Этого ты не знал?

По тому, как позеленело породистое симпатичное лицо Огурцова, ребята поняли, что чего-то все-таки он не знал. Или вообще ничего не знал. И его заведение просто использовали...

— А теперь давайте все успокоимся.

Голос Наташи, раздавшийся от дверей кухни, заставил всех вздрогнуть. Она все же, умница такая, переоделась в джинсы, плотный свитер изумрудного цвета и вместо алых гольф надела темные теплые носочки. Расплела легкомысленные косички, убрала волосы в высокий хвост.

— Сядьте, товарищи полицейские, — властно попросила она, кивнув им. — Вы в моем доме. Без приглашения, между прочим! Давайте вести будем себя прилично.

Удивительно, но ее послушались. Жэка сел на место. Лавров тоже. Огурцов послушно закивал.

— Стас, что за фигня?! — Она обратила на возлюбленного суровый взгляд. — Что за девчонка?! Я чего-то не знаю, Стас? Я почти двадцать лет храню тебе верность! Что за девчонка?!

— Я не знаю, милая, не знаю! — залопотал испуганно Огурцов.

Если Наташка его бросит, он точно не переживет, вдруг мелькнула шальная мысль в его голове. Она все, что ему нужно! Все, что для него по-настоящему важно!

— Какую девку опускали в твоей «Станице», козел? — взревела на таких высоких нотах Наташа, что Огурцов почти оглох.

Он даже не подозревал, что она может так голосить! На минуту сделалось неприятно. Пока не понял: да она же ревнует! Эта дуреха его ревнует

к какой-то девке! Подслушала, ничего не поняла, а теперь бесится!

— Я слушаю!

Наташа просто не смогла пробраться сквозь баррикаду из мужских ног на ее кухне. Иначе она бы точно вцепилась в его шикарную шевелюру. Непременно клок бы выдрала!

После всех этих лет... После одиноких выходных и праздников, когда ему непременно нужно было находиться с семьей... Какая-то девка?!

— Говори, Огурцов! Или я за себя не отвечаю! — И она, дура такая, схватила со стола нож для масла и замотала им в воздухе.

А менты что? Они не вмешивались! Им это, кажется, даже нравилось!

— Девка не моя, — сжался он под ее бешеным взглядом.

— А чья?

— Володи Филиченкова.

Он смотрел только на Наташу. И только для нее говорил. И совсем он ничего такого не хотел сливать ментам, уж извините! Совсем не хотел!

— Ты специально его вызвал к себе? — нависала Наташа с ножом для масла над столом, не имея возможности пододвинуться к Огурцову ближе.

— Да, специально.

— И держал там его час специально?

— Да... Держал до тех пор, пока мне не дали отмашку.

— Зачем?! — ахнула она. — Зачем ты это сделал?!

— Мне заплатили, — пожал он плечами.

— За что?!

— Подробностей я не знаю, малыш! Просто попросили отвлечь парня...

— А сначала попросили переместить молодую пару из кабинета в центре «Станицы», который они заказали, на отшиб? — уточнил Жэка, выразительно потирая ладонь.

— Да.

— Так, ладно, ты парня отвлек. Дальше?

— А ничего. Он потом ее увез, и все. — Огурцов покосился на Лаврова. — Правда, Гришины пацаны засекли вот его и нейтрализовали.

— Вот что ты брешешь?! Что ты брешешь, гнида? — взорвался Жэка, обидевшись за друга. — Это твои парни его засекли! Ты позвонил Гришину. Попросил об одолжении. Объяснил, что своих людей не можешь задействовать. Разве не так?

— Мои люди не нападали, — выхватил самое важное Огурцов, поникнув. — Но это не мои парни его засекли! Не мои!

— А кто? — Жэка снова пристроил ладонь на башке Огурцова. — Говори! Я теряю терпение, Стасик! Либо мы сейчас едем в отдел и оформляем тебя...

— За что? — взвился тот сразу.

— За доведение до самоубийства, — глухо отозвался Лавров, сидевший все это время молча.

У него просто в голове не укладывалась сложная схема, по которой разрабатывался преступный замысел! Это кто же так накрутил?! Это кому же было нужно обесчестить Машу?! Для чего, главное?!

— Знаешь такую статью? — наклонился к самому его лицу Жэка, дохнув застарелым табачным перегаром. — Суровая статья, Огурцов!

— Я ее не доводил! Вы чего, парни?

Вот когда он по-настоящему перепугался! Вот когда взмок под штанами до самых пяток! И даже угрозы майора о том, что тот жене расскажет о его шашнях с блондинкой, его не смутили. А и черт с ней! Пусть узнает! Перепугало его само слово — статья! Он пуще смерти боялся тюрьмы! Пуще смерти боялся неволи! В сложные девяностые, по молодости, соскакивал, как мог. Чего же теперь-то? На старости лет на нарах корячиться?!

— Я никого не доводил до самоубийства, вы чего?! — Огурцов неавторитетно захныкал. — Мне было сказано поменять место отдыха, вызвать к себе парня, нейтрализовать наблюдателя, когда его обнаружили. Все! Я больше ничего не знаю, клянусь!

— Обнаружили меня твои люди? — Саня Лавров настороженно покосился на крупную даму, размахивающую ножом почти над его головой. — Или...

— Те, кто заказ передавал. Я их не знаю. Гопники какие-то по виду! Я даже не знал, что они с телкой делать собираются. Думал, просто побазарят. Потом мне уже мои парни шепнули, что там с камерами шустрили пацаны какие-то, пока я Володьку отвлекал. Ну и все... А с тобой, начальник, неловко вышло. Каюсь! Я Грише позвонил, попросил разобраться. Я же не знал, что он так разберется! Как был колхозником, так и...

— Хватит врать-то, — хмыкнул Жэка. — Не знал он!

— Не знал! — твердо повторил Огурцов, прекрасно понимая, что доказать обратное они будут не в силах. Покосился на Наташу: — Ну чего ты, малыш? Я все честно рассказал. Успокойся!

— Получается что? — Она убрала нож за спину, отступила к стене. — Кто-то тебя попросил пере-

нести место отдыха с центра на окраину, правильно я понимаю?

— Правильно, — кивнул Огурцов, уловив в ее тоне примирительные нотки.

— Потом тебя попросили отвлечь парня на час. Так?

— Так!

— Затем тебя попросили устранить наблюдателя. Так? — Наташа дождалась его кивка и продолжила: — Но ты этого сам не делал. И люди твои не делали. Это сделали люди Гришки. Правильно?

— Совершенно верно, умница моя!

Он послал ей воздушный поцелуй, поняв наконец, что его девочка озвучивает его безупречно законные ходы в этом грязном деле.

— То, что делали с девушкой, делали не твои люди? — Он оживленно замотал головой, хвала небесам, майор убрал наконец свою лапищу. — То, что они с ней делали, ты не знал?

— Нет!

— А если бы знал? То воспротивился бы? — Ее карие глаза прищурились.

— Разумеется, малыш! В «Станицу» приезжают приличные люди! Зачем мне портить репутацию такого шикарного места отдыха?! Я что, себе враг?! Сама подумай! — Он сейчас перед ней, не перед ментами, оправдывался. — Заплатили прилично. Думаю, все безобидно и...

Половник, сорванный Наташей со стены, просвистел в сантиметре от его уха.

— Безобидно, падла?! Кому ты врешь? Чтобы ты ввязался в дело, не поняв, зачем?! Или... — В его голову полетела еще и шумовка, Огурцов только

успевал пригибаться. — Или ты мне рассказываешь все, как есть, или я... Я с тобой расстаюсь! Девушка... Огурцов! Девушка выпала из окна, понимаешь, скотина? В твоем сраном заведении с ней сотворили что-то, потом начали шантажировать. Я правильно поняла?

Это она к Сане обратилась.

— Правильно, — скрипнул он зубами.

— Потом ее начали шантажировать. И видимо, потребовали что-то такое, чего она не могла сделать! Что потребовали, Огурцов? Убить сына Игната? Что?!

— Господи, господи, Наташенька, я клянусь тебе, что не знаю!

Он чуть не завыл вслух, так перепугался.

А вдруг и правда все дело в Володьке? Вдруг он тут ключевая фигура? И девку использовали, чтобы к нему подобраться?! Через него — Огурцова! Уважаемого человека, выстрадавшего свой авторитет!

— Господи! Я даже об этом и не подумал! — произнес Огурцов, хватаясь за сердце. — Ты же знаешь меня! Я не люблю знать больше, чем мне положено! В серьезном деле, да, да, узнаю всю подноготную. Но тут!.. Тут-то что?! Хреновина какая-то! Кто же мог подумать, что это выльется в попытку суицида?!

Он затих. Она затихла. Ребята переглянулись, поднялись как по команде.

— Мы вроде бы поняли, что и как, — проговорил Жэка, поднимая со стула свою потертую куртку и вдевая руки в рукава. — Что будто бы вы, господин Огурцов, не при делах.

— Да, да, да! — закивал он так энергично, что шею свело. — Я не при делах, да!

— Мы уходим. Вы уж... — Жэка с улыбкой вытащил из Наташиных рук ножик, воткнул его в масло. — Аккуратнее с холодным оружием, девушка.

Лавров шагнул из кухни. Жэка тоже. Но вдруг остановился и шлепнул себя по лбу:

— Главного-то... Главного мы так и не услышали, господин Огурцов!

— Чего еще?!

Он икнул от неожиданности.

Решив, что все страхи позади, он чуть расслабился, глядя ментам в спины. Кстати, второй-то, кажется, уже не работает. Что-то такое Гришка говорил. А, неважно. Главное, они уходят. Они с Наташкой остаются одни. И он ее сейчас, наверное, никуда не отпустит. От всех этих треволнений у него поднялось давление и неожиданно появилось желание швырнуть свою девчонку на постель.

— Кто заказчик? — осклабился в пустой улыбке Жэка.

Он мог так улыбаться — одним ртом. Глаза ледяные, а рот скалится.

— Кто заказчик, Огурцов? Кому было нужно поймать на крючок девчонку?

— А-а, это... — Станислав с облегчением выдохнул. — А я-то думал... Уж не знаю, зачем ей это нужно...

— Ей?! — воскликнули друзья в один голос.

И Лавров тут же подумал о милой помощнице Алене.

— Ей, ей. Потому что именно женщина попросила меня об этом одолжении. И заплатила щедро. И я не смог устоять. И не только из-за денег. Но и, как бы это сказать, отдавая дань уважения ее супругу. И...

— Короче! — рявкнул Лавров, поняв, что это не помощница Алена, та была не замужем. — Кто она?! Кто эта баба?

— Это Эльза... Эльза — мать Володьки. Она оформила заказ на воскресный розыгрыш. Так она это назвала...

ГЛАВА 16

Когда Эльза открыла дверь и глянула на них надменно и холодно, руки Лаврова сами собой потянулись к ее холеной стройной шейке. Он ничего так не желал в тот момент, как сдавить ее нежную плоть двумя руками и давить до тех пор, пока не станут крошиться под его пальцами ее хрупкие шейные позвонки.

Жэка не позволил. Правильнее, он перехватил инициативу. Он сам схватил Эльзу. Не за шею, правда. За лиловый шелковый шарфик, которым она драпировала голые плечи. На Эльзе было вечернее светло-серое платье и этот самый лиловый шарфик, к которому тут же потянулся Жэка.

— А-а! — тихо вскрикнула она, отшатнувшись. — Вы кто?! Что вы себе позволяете? А, кажется, я знаю, кто вы! Вы те самые мерзавцы, которые увели моего мужа! Потом сына!

— Сын вернулся, — укоризненно шепнул ей Жэка и потащил ее за шарфик в кухню.

Он тут ориентировался великолепно.

В комнаты было нельзя ее тащить. Потому что в комнатах был слышен приглушенный разговор. Там были люди. Саня пошел следом, отчаянно пы-

таясь проморгать странную пелену, застлавшую глаза. Руки, потянувшиеся к шее этой холеной великолепной женщины, до сих пор дрожали. Кончики пальцев покалывало.

Жэка втащил семенившую за ним Эльзу в кухню, размером со всю его квартиру. Небрежно толкнул ее в сторону двухместного диванчика на гнутых ножках и с вычурно отделанной полированным деревом спинкой. Дождался Саню, закрыл дверь в кухню. И на всякий случай подпер дверную ручку спинкой стула.

— Итак, тварь, говори! — прошипел он, склоняясь к ее лицу и нарочно обдавая вонью только что выкуренной сигареты.

— Что говорить?! — Ее голос стеклянно дребезжал. — Что вы вообще себе позволяете?! Хамы!

— Я вот сейчас арестую тебя! Посажу в обезьянник с проститутками и бомжихами в твоем вечернем платье! — пригрозил Жэка, хватаясь за кончик ее нежного шарфика. — Просидишь там у меня семьдесят два часа, а потом...

— Что потом?! — Ее глаза вытаращились от ужаса, губы свело в узкую линию, лишая ее прекрасное лицо привлекательности.

— А потом я тебе предъявлю обвинение в доведении человека до самоубийства! И сядешь ты у меня...

— О господи! — пискнула она. — Вы об этой девке! Я ни при чем!

И она ни при чем! Никто ни при чем!

Саня сжал кулаки, прикусил пляшущие от гнева губы. Никто ни при чем, а Маша в реанимации! А Маша чудом осталась жива, переломавшись вся! А никто ни при чем!

— Ты заказала гнусный розыгрыш, как ты изволила это назвать! — повысил голос Жэка, продолжая дышать на эту утонченную сволочь табачищем. — Ты опоила девчонку! Сделала мерзкие фотографии! Зачем? Для чего?

И тут Эльза, до сего момента сидевшая с вытянутой спиной на диванчике, как на троне, вдруг сдулась. Съежились ее голые плечи алебастровой белизны. Согнулась дугой спина. Прижались к лицу ладони, не боясь смазать макияж. И глухой, чужой, неприятный голос произнес:

— Я ничего не делала. Я просто... Просто попросила скомпрометировать ее. И заплатила за это. Я не знала, что будет все именно так! Так... Так мерзко! Я даже не видела этих снимков. Я не знала, что они будут такими! Я заплатила за другое! За поцелуй, к примеру, с посторонним мужчиной, за...

Ей не дали договорить. Дверную ручку кто-то дернул, раз, другой, третий. И истошный женский голос закричал:

— Мама?! Мама, что происходит?! Ты там с кем?! Володя, Володя, иди сюда!

Лавров убрал стул и еле успел отскочить, дверь отлетела к стене. В кухню ворвалась красивая высокая девушка с красивой высокой прической, в светло-синем платье ниже колен и домашних туфельках на тонких каблучках. Глаза ее гневно сверкали, когда она в упор рассматривала Лаврова и Жэку.

— Кто вы?! — воскликнула она после минутного замешательства.

— Это сотрудники полиции, Настя, — пояснил появившийся через мгновение Володя. — Они расследуют причину... по которой моя девушка...

— А что тут расследовать? Что? — Ее глаза противно сузились, руки совсем неинтеллигентно уперлись в бока. — Это психическая неуравновешенность! Диагноз ясен! И как только она поправится, ею будут заниматься совсем в другой клинике.

Саня шагнул к красавице, больно взял за локоток. Дернул на себя с такой силой, что девушка еле устояла на ногах.

— Слушайте, вы... — начал он, еле выговаривая слова, так его колотило от бессильной ярости. — Ваша семейка... Это самое гнусное скопище отвратительных людей!

— С отвратительными наклонностями, — поддакнул Жэка, не позволив брату броситься сестре на помощь. Просто встал и загородил тому дорогу.

— Что вы этим хотите сказать?! — поубавив пыл, но все равно еще очень громко и воинственно спросила Настя.

— То, что начал пакостить сначала ваш папочка, убирая неугодных людей со своего пути, — тихо, почти нежно начал говорить Жэка, улыбаясь своей страшной улыбкой. — Потом мамочка подхватила эстафету. Не так ли, Эльза Эдуардовна?

Женщина на изящном диванчике промолчала. Она сидела, сгорбившись, не отрывая ладоней от лица.

— Мам! Что происходит?!

Филиченкову-младшему все же удалось просочиться дальше в кухню и встать между матерью и сестрой, которую Лавров продолжал крепко держать за локоток.

— Расскажите, мама, — предложил Жэка, скалясь. Глянул на Володю с жалостью и сказал: — К слову! Причину мы почти выяснили, по которой

ваша девушка решила свести счеты с жизнью. То есть расследовали.

— Причину и я знаю! — фыркнул зло Филиченков-младший. — Кто-то прислал ей мерзкие фотографии с требованием...

— Вот, вот! Требования... О них нам пока ничего не известно. Знаем — кто! Знаем — как! Но вот для чего — пока не знаем! — Жэка провел рукой по непривычно оголенной голове, склонился к Эльзе. — Не хотите прояснить ситуацию, Эльза Эдуардовна?

— Нет! — стремительно убрала она руки от бледного лица, выпрямилась, ее взгляд испуганно метнулся к сыну. Она мотнула головой. — Я... Я не хотела, Володя! Я ни при чем!

— Мам?! Что это значит?! — Володя опустился перед матерью на колени, взял ее за руки, попытался поймать ее взгляд, который она старательно уводила в сторону. — Что он такое говорит?! Почему ты должна прояснять ситуацию, мам?! Мам?

— Ну, поскольку мама молчит, ситуацию проясню я! — Лавров вдруг отдернул руку от Насти, словно ему жгло ладонь. — Потому что твоя мать заказчица!

— Что?! — Володя резко встал на ноги. — Что?! Какая заказчица?! Заказчица чего?! Мама! Не молчи! Что он такое говорит?!

Настя тоже растерянно уставилась на мать, потирая ноющий локоток. От пальцев этого гадкого полицейского теперь наверняка будут синяки, у нее ведь очень нежная кожа, как у мамы. И Витя станет задавать вопросы: отчего да почему, а что она ему скажет? Что в их квартиру ввалились двое и пытаются обвинить ее маму — честнейшего, добрейшего

и милейшего человечка — в чем-то страшном?! Так Витя еще про ее отца ничего не знает! А тут мама решила отличиться, да?! Она что-то такое заказала, отчего девушка Володи едва не убила себя.

Господи!

Ей, конечно, плевать на Володину девушку. И на причины, побудившие ее к суициду. Глупая истеричка! Теперь вечно станет стоять на учете в психушке! До самой смерти своей, ха-ха!

Ей не плевать на себя! На свое будущее! На будущее с Витей! Что он скажет, если узнает?! Господи...

— Мама, говори! — вдруг крепким, громким голосом, сильно напоминающим голос покойного Игната Филиченкова, крикнул Володя. — Говори немедленно! Что?! Что ты сделала?!

— Да, да, да, милый, это я!

Эльза театрально развела руками. Грациозно качнула головой. Губы ее раздвинула победная улыбочка.

— Это я заказала тот самый глупый розыгрыш.

— Который?! — Красивое лицо Филиченкова-младшего болезненно съежилось. — Что ты называешь розыгрышем?!

— Я попросила своих друзей, то есть друзей твоего покойного отца... Попросила... — Уверенность таяла, она не знала, как продолжить дальше. Но молчать было нельзя. — Я попросила скомпрометировать твою девушку в твоих глазах.

— Что сделать?! Скомпрометировать? Да ты знаешь, что они с ней сделали, мама? Ты хотя бы представляешь, что ты наделала? — заорал Володя так, что даже Жэка сморщился.

— А я не знала, — с вызовом ответила Эльза, задирая подбородок в сторону сына. — Я не знала, что так выйдет! Я просила Огурцова устроить ваш отдых в «Загородной Станице» таким образом, чтобы люди, которым я заплатила, сделали пару фотоснимков, на которых твоя напившаяся девушка с кем-нибудь целуется там... или обнимается и...

— Что ты наделала? Как ты могла? Что ты наделала? Ты подлая! Ты... Я... Я никогда не прощу тебе! Никогда! А-а-а-а! — заорал он так страшно, будто кто проворачивал в его сердце нож.

И тут же стремительно выбежал из комнаты, через минуту громко хлопнула входная дверь.

— Мама?! — Настя растерянно рассматривала мать, будто впервые видела сидевшую перед ней на диванчике женщину. — Это правда?! Это ты?!

— Да, я. Но я ничего такого... Никаких требований! Настя, поверь! — заторопилась объяснить Эльза. — Я просто... Я не виновата, я ни при чем! Они сами пошли дальше! Это их решение! Я...

Господи!

Настя, закусив губу, мотала головой. Отвратительные картины, где Виктор выставляет ее вон из дома без лишних объяснений, потом способствует изгнанию из клиники, не здоровается с ней при встрече, сменяли одна другую в ее сознании.

Как?! Как она сможет объяснить ему еще и это?! Отец получил пожизненный срок за торговлю оружием, наркотиками, убийство полицейских! Потом сбежал, был убит! Мать — святая, милая, бескорыстная женщина — оказалась замешана в грязной истории! Истории, из-за которой чуть не погибла

девушка! И мало того, она не только была замешана, она явилась организатором!

Нет! Виктор ни за что ее не простит, не поймет, не захочет больше никогда знать ее! Если он обо всем узнает, он не простит...

Настя прошла к столу, села на стул, уронила голову на руки и разрыдалась.

— Настя, я клянусь тебе! — высоким фальцетом воскликнула Эльза, не смея подойти к дочери. — Я не знала ничего! Я не хотела, чтобы было именно так! Они сами пошли дальше! Это их инициатива, дочь!

— Зачем?! — произнесла сквозь слезы Настя. — Зачем ты это сделала, мама? Как же теперь жить?! Как?

— Очень просто жить. Очень замечательно. — Эльза принялась накручивать на запястье легкий сиреневый шарфик. — Мы ни при чем! Мы — это ты, я, Володя. Все, что я хотела, это оградить моего мальчика от этой алчной особы. Она...

— Это Маша-то алчная особа? — взорвался гневом Лавров и с силой ударил кулаком по кухонной двери. — Маша?! Она... Она самый чистый, самый добрый человек, которого я знал! Она чистая и... Сволочь! Ты — мерзкая сволочь! Такая же, как твой муж!

— Не смейте мне тыкать, молодой человек. — Неожиданно она нашла в себе силы подняться, встать привычно — с выпрямленной в струну спиной, надменным подбородком. — Я могу доказать, что моей вины в ее поступке нет! Все, что я хотела, это избавить моего мальчика от женщины, которая уже дважды до него побывала замужем. Дважды! Я не могла позволить случиться этому мезальянсу! Не могла! И, да, да, я приняла меры! Но в моих инструк-

циях не было ни слова о тех мерзостях, которые устроили исполнители! Ни слова! И тем более не было речи о каком-то там шантаже. Вы о чем вообще?! Эти люди... Они пошли дальше! Они переступили черту! И им за это отвечать. А я... Я всего лишь мать, озабоченная судьбой своего сына. И я могу доказать, что я непричастна к их самодеятельности.

— Каким образом? — поинтересовался Жэка. Он легонько похлопал по плечу Саню, призывая успокоиться.

— Все в моем телефоне, господин полицейский. Все там. Идемте...

Эльза пошла вперед, за ней Жэка, потом Лавров, замкнула шествие Настя, успев высморкаться в кухонную салфетку.

В гостиной, освещаемой дорогим настольным светильником под стеклянным абажуром, было очень уютно. Мягкий диван, пара кресел, мягкие стулья вокруг дубового овального стола. Роскошные портьеры пышными фалдами драпировали оконный проем.

— Вот, смотрите. — Эльза протянула Заломову телефон. — Читайте входящие и исходящие сообщения. Там все мои инструкции и все ответы на них.

Первое сообщение было очень кратким:

«Срочно нужна помощь».

Ответ:

«Всегда готов помочь!»

Потом:

«Необходимо скомпрометировать Астахову Марию, пожестче! Чтобы не смогла оправдаться перед моим сыном».

Ответ:

«Будет исполнено. Когда? Где? Как именно?»

Следующие несколько сообщений от Эльзы содержали в себе четкие инструкции, в которых — да, да — она просила устроить сцену любовного свидания Маши с объятиями и поцелуями. Все это снять на камеру, снимки подбросить сыну. О том, что Астахова станет оказывать сопротивление, просила не волноваться. Она будет подготовлена. Был оговорен гонорар, заплачено было более чем щедро.

И все! Больше никаких указаний. То ли их не было, то ли их удалили.

— Выясним, — подытожил Жэка, хмуро рассматривая нарядную женщину. — Даже если вы их и удалили, мы все легко восстановим. А сейчас я вас попрошу собраться и проехать с нами.

— Мама! — ахнула Настя, хватаясь за сердце. — Теперь ты?! Боже... Боже мой! Когда все это кончится?!

Когда преступный, порочный дух твоего отца покинет этот дом, хотел ответить ей Лавров. Но промолчал. Девушка заслуживала сочувствия. Она-то за что страдает? За то, что провидение выбрало ей таких родителей?

— Зачем?! — перепугалась до синевы Эльза и принялась вдруг кутать голые плечи в тонкую ткань шарфика, будто он мог предотвратить озноб, который ее начал сотрясать. — Куда меня?! В каталажку?

— Мы должны запротоколировать ваши показания. И... И выйти на вашего исполнителя.

— А чего на него выходить? Вот же он, вот! — тыкала она безукоризненным ноготком в телефон, который Жэка крепко держал в своих руках.

— Кто он? Вижу лишь фамилию — Говорков. Это мне ни о чем не говорит, — качнул Жэка головой. — Вы собирайтесь, собирайтесь, Эльза Эдуардовна.

— Хорошо, — кивнула она, поняв, что этот громоздкий полицейский непримирим, он не отступится, он все равно увезет ее в каталажку. — Я могу позвонить своему адвокату?

— На здоровье, — позволил Заломов.

Полистал другие сообщения. Не нашел ничего интересного. Кроме разве частых обоюдных объяснений в любви с каким-то Славиком.

— Позволите телефончик? — Эльза протянула руку.

— Нет. Это уже вещественное доказательство, — чуть не ударил ее по руке Лавров. — Звоните с городского.

Эльза смиренно отошла в угол, где на изящной подставке на гнутых чугунных ножках стоял стационарный телефон. Набрала номер, потом истерично зашепталась с кем-то, когда ей ответили. Они почти ничего не слышали. Жэка по-прежнему копался в телефоне Эльзы. Лавров уставил невидящий взгляд в богато задрапированное окно.

Что будет с Машей? Сможет ли она вернуться к полноценной жизни? Сумеет ли восстановить здоровье? А душа?! Что будет с ее душой, когда окрепнет тело?! Будь его воля, он бы все это семейство сослал бы куда подальше. Чтобы больше никогда о нем не слышать! Никогда!

— Сейчас он подъедет, — вздохнула с явным облегчением Эльза, осторожно положила трубку на дорогой аппарат. — Вы не против немного подождать?

— Подождем, — буркнул Жэка.

Ему, если честно, было неуютно среди всей этой роскоши, среди потрясающе прекрасных холеных женщин с такой подлой душой, что...

Что ему уже давно невыносимо хотелось курить! В комнате было неудобно. А выходить на лестничную клетку не хотел. Лавров Саня был на грани. Мог накуролесить. А нельзя. Он гражданский. Он мог за это и ответить.

Эльза скрылась в своей комнате, пробыла там минут пятнадцать. Когда вышла, на ней был удобный теплый брючный костюм шоколадного цвета. Коричневые замшевые ботиночки без каблука. На плечи была накинута короткая замшевая куртка бежевого цвета. В руках она тискала норковую беретку.

— Сейчас... Сейчас он приедет... — проговорила она в замешательстве, глянула на часы, присела на краешек кресла, качнула головой. — Да... Благими намерениями вымощена дорога в ад! Это уж точно... Хотела оградить своего мальчика, в результате потеряла его...

— Теперь можете потерять и свободу, — резким грубым голосом вставил Лавров и скрестил пальцы решеткой. — Кто такой этот Говорков? Чем занимается? Тем, что оказывает подобного рода услуги? Или это его побочный заработок?

Он вдруг заспешил задавать вопросы. Сейчас явится адвокат, которого Эльза называла Славиком. Он может не позволить отвечать ей искренне и правдиво.

— Говорков? Серафим Сергеевич? — уточнила она.

— Уж не знаю, Сергеевич он или Иванович! Серафим он шестикрылый или... — Саня запнулся,

поймав предостерегающий взгляд Жэки. — Кто он? Бандит?

— Все-то вам везде бандиты мерещатся, — укорила, поморщившись, Эльза совершенно, на его взгляд, не к месту. — Он просто очень хороший наш знакомый. Раньше работал на моего мужа. Потом наши пути разошлись. А когда он взял на работу моего мальчика, то...

— Что?! Он работает в том самом банке?! — обомлел Саня.

— Ну да. — Эльза посмотрела на него, как на несмышленыша. — Говорков Серафим Сергеевич — управляющий банка, где трудится мой мальчик. И где работала до недавнего времени Астахова Мария...

ГЛАВА 17

Лера не находила себе места. Отец с Саней вторые сутки отсутствовали. Нет, Лавров, конечно, являлся ночевать. Но что это были за ночевки! Он засыпал, едва успевая снять ботинки и куртку. Валился на не разобранный диван прямо в штанах и свитере. Утром рано вставал, долго плескался в ванной, переодевался и уходил, не завтракая, не разговаривая с ней.

Пустяшная была затея — поселиться с ним рядом, чтобы разбудить в нем хоть какие-то чувства. Нет, какие-то чувства все же присутствовали. Раздражение, злость, это когда он смотрел на нее либо отсутствующим, либо полным желчи взглядом и беззвучно шевелил губами. И ей чудилось постоянное брюзжание в этом беззвучном его монологе.

Он никогда ее не полюбит, никогда! И ему плевать, что она жутко хороша собой, умница, отличница, хозяйственная и даже может быть покладистой. С ним сколько угодно!

Ему плевать. Она для него просто мебель. Или просто туловище, которое поселилось в соседней комнатушке. И все его хлопоты со шкафом — это просто вежливость.

Сегодня Саня ушел еще затемно. Она слышала его шаги за стеной, потом полилась вода в ванной, стукнула входная дверь. Лера тут же соскочила со своей постели, подлетела к окну, приплюснула нос к стеклу. Видела, как Саня выходит из подъезда, как прогревает машину, смахивая снег автомобильной щеткой. Потом садится и уезжает. И ни разу... ни разу не взглянул на свои окна, хотя, возможно, предполагал, что она провожает его взглядом.

Когда задние фонари его машины исчезли за углом дома, дверь соседнего подъезда распахнулась и оттуда выскочили две собаки. Следом вышел мужчина в мешковатой темной одежде. Потрусил за собаками, те умчались в сторону сквера, где не так давно погиб мужчина. Он сорвался с края обрыва, которым заканчивался сквер, когда разыскивал свою собаку. Она так же вот умчалась туда и...

Печальная история.

Лера вздохнула и вернулась в кровать. Съежилась под одеялом комочком и неожиданно расплакалась. Ей было очень грустно и одиноко. И еще обидно. Получалось, что она никому, никому, кроме отца, в этой жизни не нужна. Лавров ее не замечает. Скорее терпит под своей крышей. Отец объяснял ему будто бы, что Лере просто негде сейчас жить.

Саня начал ворчать, что она задержалась. Он теперь в уходе не нуждается. Отец и объяснил про жилищную проблему, возникшую у его дочери.

— Че тебе жалко, что ли?

— Пусть поживет, — нехотя согласился Саня и тут же добавил: — Но недолго!

Какой срок он отводил под свое недолго, Лера не знала. Но с замиранием сердца ждала, открывая дверь его квартиры, что Саня выйдет навстречу и швырнет сумку с ее вещами ей под ноги. И велит убираться. Каждый день, возвращаясь в его дом, боялась и ждала.

Шишка на его голове почти прошла. Остался лишь синяк. И Лавров не нуждался в уходе, это так. И в утешениях не нуждался. Особенно в ее. Он ее ведь только терпел...

А отец — ничего не понимающий в жизни, при этом корчивший из себя мудреца, — а отец велел ей терпеть! Как ей терпеть, если Саня ее не терпит?! Сколько? И почему?

Лера расплакалась сильнее прежнего и под слезы задремала. Проснулась, когда за окном вовсю рассвело. Или от странного шума с улицы проснулась? Непонятно. Она потрогала лицо, потерла припухшие глаза, вспомнила про свои слезы, недовольно нахмурилась. Если Саня вернулся и сейчас дома, он увидит ее такую — опухшую, некрасивую, зареванную. И чему ему тогда радоваться? И чего ради терпеть?

Лера выбралась из постели, подбежала к окну, снова приплюснула нос к стеклу. Сашиной машины на стоянке не было. Неплохо. Но шум во дворе действительно присутствовал. У соседнего подъезда, откуда не так давно выбегали собаки и выходил

мужчина, толпился народ. Отчетливо слышался женский плач.

Что это опять? Неужели еще один мужчина сорвался с обрыва, потрусив за своими собаками?!

Лера надела джинсы, носки, свитер прямо на кофточку от пижамы. Метнулась в прихожую. Не расчесав волосы, она натянула шапочку на брови, убрав все до прядки под теплую шерсть. Обулась, схватила куртку, ключи с полки и выскочила из квартиры.

Возле народного схода она была уже через минуту. Спины сомкнулись плотно, окружив какую-то плачущую женщину. Ее кто-то уговаривал. Сначала это был мужской голос, он как будто извинялся. Потом женский утешал и увещевал обоих.

— Да полноте так убиваться, Нина Николаевна! — произносил нараспев женский голос, когда мужские извинения умолкли. — Разве можно так? И из-за чего?! Из-за собаки!

— Собака, Мария Дмитриевна, это не что! — всхлипывала женщина. — А кто! И Сявочка — это член семьи, понимаете, Мария Дмитриевна?! Сначала Игорек, теперь Сява! Это просто... Это просто злой умысел какой-то! Михаил Сергеевич, миленький! Но как такое могло случиться?!

Тот, кого плачущая женщина назвала Михаилом Сергеевичем, снова что-то забубнил. Потом вступила женщина, назвав Михаила Сергеевича тоже пострадавшим.

— Его собака тоже погибла, — добавила она. — Так что у вас одна беда, Нина Николаевна! Полноте, успокойтесь!

— Просто злой рок какой-то, просто злой рок!

Лера, так и не пробившись сквозь спины в центр, вдруг начала отчаянно мерзнуть. И решила вернуться. И уже повернулась, чтобы уйти, как ее окликнул дребезжащий голос той женщины, которая плакала:

— Девушка! Девушка, погодите!

Лера обернулась. Аккуратно одетая женщина с сильно заплаканным покрасневшим лицом смотрела прямо на нее. Зло смотрела, нехорошо.

— Вы мне? — уточнила Лера, ткнув себя пальчиком в грудь.

— Вам! Вы ведь проживаете сейчас на одной жилплощади с Лавровым Александром Ивановичем? — осведомилась она с неожиданным осуждением.

— Допустим.

Лера встала в позу. Уступчивой и терпимой она могла быть сколько угодно, но лишь с Саней. Только с ним одним! С другими она могла быть и дерзкой, и вздорной, и совершенно невоспитанной, вот так!

— Так скажите ему, вернее, спросите у него! — гневно поправилась женщина, выступая вперед. — Как долго в нашем дворе будут происходить странные события?!

— В смысле?

Лера отставила ножку, скрестила руки на груди, посмотрела на женщину, как на странное существо. Она знала, этот взгляд бесил любого. Она так на отчима смотрела. И он бесился! А она радовалась!

— Сначала погибает мой бедный муж! Они говорят, что это случайность, несчастный случай! Потом эта несчастная девушка... Она вдруг совершенно случайно выпала из окна четвертого этажа! Теперь эти милые бедные зверюги... Моя собачка. — Ее ладошки легли на грудь, затем переместились на плечо сто-

явшего рядом угрюмого мужчины. — И его собачка! Вы в этом не находите ничего странного?

— В чем?

— В том, что в одном месте погибли сразу три живых существа! — неприятно взвизгнула женщина, перестав плакать и принявшись отчаянно злиться. — Мой муж и две невинные собачки! А бедная девушка совершенно случайно выпала из окна! Вы лично не находите в этом ничего странного?

Лера промолчала. Заговорил мужчина, чья собака тоже погибла. Лера его видела утром из окна, сомнений не было. Он почти бегом кинулся за животными в сторону сквера. Он заговорил глухо и тихо, почти на ухо женщине, призывая ее успокоиться и не привлекать внимание.

— А я стану кричать! Стану! Потому что это все из-за него! — Ее палец почему-то указал на Леру. — Из-за него! Его надо отсюда выселить!

— Кого?! — чуть не задохнулась Лера, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться женщине в ее седые лохмы прямо тут же. — Саню?! Лаврова?!

— Ой, да какая вы бестолковая! — возмутилась неожиданно женщина. — При чем тут Александр Иванович?! Я про сына беглого преступника! Я про Филиченкова-младшего!

Угрюмый мужчина совершенно неучтиво дернул женщину за рукав симпатичного пальто. И что-то снова забубнил ей на ухо. Но она его не послушалась, отмахнулась.

— Прекратите меня уговаривать, Михаил Сергеевич! — прикрикнула она на него. — Он сын беглого преступника, которого мы с мужем видели в этом дворе! Чтобы там ни говорили в полиции, это чу-

довище живо! Оно живо! Я сама видела его — вот этими вот глазами!

И для пущей убедительности она постучала себя кончиками пальцев по бровям.

— И сфотографировала! — добавила она, когда вдруг повисла пауза, все в толпе смолкли, и уговаривающая ее женщина, и Михаил Сергеевич. — Я сфотографировала его, да, да! И фотографии этого беглого преступника отдала господину Лаврову. А он бездействует! Это как?! Как называется, девушка?!

— Не знаю. Как? — поинтересовалась Лера.

Она уже пожалела, что вышла из дома. Ну, плачет женщина и пусть себе плачет. Что погнало? Любопытство? Погибла любимая собака, да, жаль, но что же тут поделать? Она сочувствовала, но лично ничем не могла женщине помочь. Только нарвалась на ненужные вопросы.

— Это называется преступной халатностью! — четко, цедя по слову, произнесла Нина Николаевна. — На фото видно, как этот преступник подсовывает какой-то пакет Филиченкову-младшему под автомобильный «дворник». Четко видно, как он пришел со стороны сквера. Четко видно, как он туда уходит! Вероятно, он там скрывается! Может, даже живет на самом дне оврага! Кто это проверил?! Кто, я вас спрашиваю? Отвечу — никто!

А почему, правда, никто не проверил, есть ли жизнь на дне глубокого котлована? Почему Лавров не удосужился проверить? Не поверил в убийство ее мужа, решил, что это несчастный случай? А вдруг и правда Филиченков-старший каким-то образом уцелел при бегстве и теперь живет там?! А ночами пугает жильцов, убивает невинных? А вдруг?!

— Передайте ему, что у меня к нему будет очень серьезный разговор, очень! — выпалила Нина Николаевна в спину девушке. — И еще передайте, что я пойду в прокуратуру с жалобой!

— С жалобой на кого? — все же не выдержала и повернулась к ней Лера.

— На всех! На полицию! На Лаврова! На всех, кто бездействует...

Мужчина, который тоже лишился в это утро своего домашнего любимца, который все время уговаривал Нину Николаевну и которого она называла Михаилом Сергеевичем, живо подхватил ее под руку и увлек в сторону подъезда. Толпа начала расходиться.

Лера вернулась домой, прибралась в квартире. Сварила легкий супчик для Лаврова. Хотя в последние дни он почти не открывал холодильник. Накрыла кастрюльку чистым полотенцем. И засобиралась на учебу. Сегодня ей было к трем.

Вернулась она почти в восемь. Окна Саниной квартиры светились. Дома! Она жутко обрадовалась и, перехватив удобнее пакеты с продуктами, которые закупила по дороге, почти бегом помчалась к подъезду. Но неожиданно у самой подъездной двери ее ожидало препятствие в лице женщины, которую она видела утром в толпе. Женщина была не та, что плакала, потеряв собаку. А другая. Та, что уговаривала плакавшую женщину. Кажется...

Кажется, ее называли Марией Дмитриевной?

— Здрасте, — на всякий случай поздоровалась Лера и попыталась женщину обойти.

Но та снова преградила ей дорогу. И даже привалилась спиной к подъездной двери, не боясь запачкать светлую куртку.

— И тебе не хворать, — не совсем любезно отозвалась женщина, не думая пропускать ее в дом. — Сильно спешишь, девонька?

Конечно! Конечно, она спешила! Саня дома! Ей жутко хочется увидеться с ним. Поговорить. Да и просто посмотреть на него. Она соскучилась. Она почти не видела его в последние дни. И совсем не знает, чем они с отцом занимаются. Как дела с расследованием по Машиному делу? Она была вчера у нее в больнице. Пока состояние ее без изменений. Дежурная медсестра сказала, что жених хочет перевезти девушку за границу на лечение. Но пока говорить об этом рано. Машу нельзя транспортировать. Так говорят врачи.

— Вообще-то да. Спешу. — Лера вежливо улыбнулась, сильно сомневаясь, что ее улыбку Мария Дмитриевна рассмотрела в темноте. Помотала пакетами, пояснила: — Ужин надо готовить.

— Ничего, подождет твой ужин. И ты не спеши, ты лучше послушай.

Мария Дмитриевна оттолкнулась от двери, подхватила Леру под руку и повела от подъездной двери в сторону сквера. Девушка беспомощно оглянулась на освещенные окна квартиры Лаврова. Вдруг, пока ее выгуливает эта странная женщина, Саня снова исчезнет?

— Что-то случилось? — поинтересовалась она у Марии Дмитриевны.

В ней зарождалось раздражение, пока еще едва ощутимое, пока проблесковое, но оно ведь могло и разрастись и выплеснуться.

— Случилось! — фыркнула Мария Дмитриевна, чуть сдвинула наверх со лба большую белоснежную

шапку из меха невиданного зверя. — Игорь погиб. Теперь животные. А этот Линев...

— Это кто?

Лера снова оглянулась на окна. И чуть не взвизгнула. Свет загорелся в ее комнатке! Саня собирает ее вещи?! Собирает, складывает в дорожные сумки. И сейчас, когда она вернется, случится то, чего она все это время боялась. Он встретит ее на пороге, швырнет к ногам сумки с вещами и скажет отвратительное по смыслу, лаконичное:

— Вон!

И не поможет груда креветок, которые она купила, потому что знала, что он их обожает. С соевым соусом, чесноком и перцем. Она так и собиралась их сегодня готовить. И даже пива купила. Для него.

— Линев, это тот самый мужчина, который сегодня Ниночку обхаживал, — пробился сквозь ее расхристанные переживаниями мысли глухой голос Марии Дмитриевны.

— Михаил Сергеевич, кажется?

Лера все еще пыталась быть вежливой, хотя уже заметно притормаживала и идти дальше в сторону сквера не хотела. Темные скелеты голых деревьев ее откровенно пугали.

— Да, Михаил Сергеевич, он, — кивнула женщина, и шапка из невиданного зверя сползла ей на глаза. Она ее поправила и вдруг призналась, заговорщически склоняясь к Лериному плечу: — Не нравится он мне! Хитрый он!

Лера чуть не рассмеялась в полный голос. Еле сдержалась. Вежливость все еще боролась с ее дурными манерами.

Вон в чем, оказывается, дело! Ей не нравится Линев! Поэтому она встретила Леру у подъезда, потащила в сторону темного сквера от дома, говорит странным голосом. И все потому, что ей не нравится Линев? Потому что он хитрый? Или потому, что он обхаживает Нину Николаевну, а не обхаживает ее — Марию Дмитриевну?

— И что?

Лера опять оглянулась. Свет в ее комнатушке погас, теперь загорелся на кухне. И вдруг заворочался телефон в кармане. Она забыла включить звук после занятий.

— Извините...

Улыбнулась она женщине, хотя снова сомневалась, что ее улыбка была замечена Марией Дмитриевной. Достала телефон, сердце ухнуло, на дисплее высветился — Лавров. Отозвалась осторожно:

— Алло...

— Тебя где черти носят, Заломова?! — рявкнул тут же Саня. — На улице темнота!

— Я была на занятиях, — ответила Лера, не зная пока, радоваться ей или бояться его заботы.

— Занятия твои закончились полтора часа назад! Повторяю вопрос: где тебя носит?!

И снова было непонятно: переживает он за нее или ему не терпится от нее избавиться.

— Жду ответа, — закончил Саня нелюбезно. — Ну!

— Я во дворе. Разговариваю с Марией Дмитриевной, — сказала Лера, будучи уверена, что никакую Марию Дмитриевну Лавров не знает.

Но Саня ее удивил.

— Это которая в белоснежном малахае? — хмыкнул он. — Она?

— Да. А откуда ты...

— Она меня караулила на стоянке, когда я приехал, мне удалось от нее удрать. Значит, через тебя решила на меня надавить. Ну-ну... Ладно, узнай, что она хочет, и дуй домой, — и отключился.

— Переживает? — кивком указала на мобильник женщина и вздохнула. — Это хорошо, когда переживает. Значит, любит...

Черта с два так можно сказать про Лаврова, хотелось ей возразить. Душа у него просто широкая. Он призван быть защитником. А ее опекает еще и из дружеской солидарности, пока отцу некогда.

— Вы меня извините, но мне действительно пора. — Лера выразительно ткнула коленом в пакет. — Ужин... Саша...

— Да, да, я быстро. Но и вы поймите! — Мария Дмитриевна опасливо покосилась на дом, взгляд ее поблуждал по светящимся прямоугольникам окон. — Он мне кажется очень опасным человеком.

— Линев? — на всякий случай уточнила Лера.

— Да! Он!

— Почему?

— Он... Он опасный! Собачек-то он убил! — шепнула Мария Дмитриевна и пониже натянула шапку.

— Да ладно! — Лера шагнула на метр назад, посмотрела на женщину. Вроде не шутит, вроде серьезная, и на дурочку не похожа. — Вы видели?!

— Как собачек убивал — нет. А вот как Игоря Васильевича...

— Что?!

Ей стало очень холодно и страшно. Вдруг показалось, что дом с уютно светящимися окнами где-то далеко-далеко. И сердитый Лавров с его непо-

нятной заботой тоже где-то далеко. А совсем рядом голые деревья, сомкнувшиеся плотными зарослями. И странная женщина, говорившая странные вещи. И если Лера сделает еще хоть один шаг, то она просто-напросто исчезнет в черной непроходимой чаще сквера. Ее поглотит странный шепот странной женщины, от которого мурашки прыгают по лопаткам.

Надо было поворачиваться и уходить. Но чертово любопытство! Куда его девать! Правда, отец всегда говорит, что любопытство родилось раньше женщины.

— Игорь Васильевич всегда собачку вперед Михаила Сергеевича выгуливал. Это все знали. Игорь возвращается с Сявой. А этот — хитрый — ему навстречу из подъезда со своим псом. — Из-под белоснежной шапки на Леру глянули испуганные глаза, голос Марии Дмитриевны сделался тоже испуганным и хриплым. — А в то утро Мишка первый из подъезда вышел. И пускай не врет, что он Сявку во дворе поймал!

— А где? — Лера насторожилась.

— Он ее в руках нес вон оттуда. Потом уже выпустил. Прямо вот на этом месте, где мы с вами стоим. А вынес оттуда! — Белоснежный малахай качнулся в сторону сквера. — Сначала он туда с собакой ранехонько шмыгнул. Потом Игорь из подъезда вышел. Сява сразу помчался в сквер. Сразу! Это ведь странно, так?

— Не знаю, — призналась Лера.

У нее окоченели ноги в сапогах на тонкой подошве. Отмерзли руки, в них по пакету. Не терпелось вернуться к Лаврову и узнать наконец, чем обусловлена его неожиданная тревога из-за ее позднего воз-

вращения. Не дай бог он встретит ее с ее же сумками! Она тогда пропала!

И любопытство ее было разочаровано. Ничего интересного она не узнала. К тому же она ведь совсем ничего не знала о собачьих повадках. Совсем ничего! У нее никогда не было собаки.

— Понимаете, Сява была очень послушной собачкой. Очень воспитанной, — проговорила с неожиданной грустью Мария Дмитриевна. — Она никогда не убегала от Игоря далеко. Никогда! А тут вырвалась и туда, туда... — ее руки, как два огромных крыла, замахали в сторону голых деревьев. — А знаете почему?

— Почему?

— Я вам скажу! Потому что там была собака Миши. Сява и побежала к ней. Они же дружили!

— Кто?!

Лере стало казаться, что мозги у нее тоже замерзли, она совершенно перестала понимать, что говорит ей эта странная женщина.

— Собачки! Они очень были дружны. — Мария Дмитриевна вдруг всхлипнула. — Они вечно, если встречались, носились как сумасшедшие друг за другом. Вот и в то утро... Сява помчалась к собаке Линева, поверьте! И вдруг исчезла, так? Игорь-то не просто так на краю оврага висел, как утверждает полиция. Он Сяву искал! А Сяву тем временем... удерживал этот мужик! Он ее каким-то образом куда-то подевал, Игоря в овраг столкнул, потом собаку вынес. Вот в этом месте выпустил. Снова вернулся в сквер. И потом уже вдруг во дворе оказался. Отсюда не выходил, а во дворе оказался!

— Каким образом?

— Не знаю! Может, каким обходным путем, может, через улицу прошел. Не знаю! Но во дворе он оказался с собакой, поймал Сяву, потом все закрутилось и... И вдруг полиция говорит, что Игорь сам сорвался. Что собаку искал. А чего ее было искать, если ее Мишка удерживал! А сегодня взял и собак-то убил!

— Зачем?

Лера вдруг повернула и зашагала прочь от темных обнаженных деревьев. Слушать дальше этот бред она больше не могла. Ну, бред же! Бессмыслица какая-то! Особенно про убийство собак!

— А затем, девонька, что не нужны они ему были больше. — Мария Дмитриевна, задрав на макушку шапку из невиданного белоснежного зверя, ходко вышагивала рядом. — Они наскучили ему. К тому же он своего добился.

— Чего? — Она задавала вопросы машинально, ей уже, если честно, стало неинтересно.

— Как чего?! Нинку заполучил наш Миша! Он давно-о-о в ее сторону косился! — с неожиданной завистью произнесла Мария Дмитриевна. — С год уже! А Нинка его и не замечала даже. Она такая... утонченная, грамотная. Станет она с каким-то лапотником вязаться! У нее Игорь какой был! У них все интересы были общими. Вместе работали финансистами, вместе собак любили. А Мишка кто?

— Кто?

Еще один машинальный вопрос, просто чтобы отвлечься от противного ноющего чувства, поселившегося в желудке. Что-то ее ждет там, в доме Сани Лаврова?

— А Мишка лапотник. Работяга. Нужен он Нинке, как же! Она и звать-то его как не знала никогда.

У них и интересов общих не было! Кроме собаки... Да и собака была, мне кажется, не его, — вдруг выдала Мария Дмитриевна, запыхавшись.

— Почему? — Лера остановилась у железной двери подъезда, глянула на женщину. — Почему вы так решили?

— Она у него недавно появилась — раз! Появилась уже взрослой — два! И не слушалась его команд — три! Мало?! — неожиданно разозлилась женщина. — Сама слышала, как он материл бедное животное. Сама слышала! Он ее украл! Все для того, чтобы к Нинке подобраться. Все старался вместе с Нинкой на вечерние прогулки попасть. Только она его не замечала в упор! Вот он и... И убил Игоря. А потом и от собак избавился. Зачем они ему теперь нужны?

— Теперь? — Лера набрала код, замок щелкнул, она потянула дверь на себя. — Почему теперь?

— Так ночует он у Нинки уже, — полоса света, скользнувшая из подъезда, осветила кривую ухмылку Марии Дмитриевны. — Вторую ночь ночует. Зачем ему теперь собаки-то? Только помеха! Выгуливай их вечерами и утром! Мало одной, две! Вот он их того... и убил сегодня утром. Ушел на прогулку с собаками. Вернулся один. В овраг, говорит, сорвались. Умора!

— Послушайте... — Лера чуть придержала дверь. — А почему вы все это полиции не рассказали? Я не про собак, а про то утро, когда погиб муж Нины Николаевны. Почему?

— Ага! Станут меня там слушать!

Мария Дмитриевна вдруг стянула с головы шапку, поправила слипшиеся от пота седые волосы, заправила пряди за уши, встряхнула шапку, снова надела на голову, низко натянув на брови.

— Ты вот меня небось дурой сочла. Ты — девчонка-несмышленыш! А там, в полиции, сразу в дурку отправят. Только, девонька, права я. И боюсь, как бы новой беды не случилось. Нинка хоть и чокнулась с горя, а Мишку к себе допустила ночевать! Игоря только схоронила и тут же Мишку... — Голова в диковинной шапке осуждающе закачалась. — Ладно... Она хоть и чокнулась, но правду утром болтала. Что-то странное в нашем дворе происходит. Как бы новой беды не случилось...

Лавров ждал ее в прихожей. Она только к двери подошла, только ключи достала, а дверь сама собой открывается. Сердце тут же екнуло и скатилось куда-то вниз. Все! Конец! Сейчас он ее выставит! И...

Но сумок с ее вещами в прихожей не было. Лавров стоял босый, в одних джинсовых шортах, с кухонным полотенцем через плечо. Кулаки его были уперты в бока.

— Ну?! Что это значит?! — Он одной рукой резво выхватил у нее оба пакета, второй дотронулся до щеки. — Замерзла вся! Жэка меня казнит, если ты заболеешь.

— Мария Дмитриевна. Наговорила там... — Лера обессиленно привалилась к двери, толкнув ее попкой. — Бред какой-то несла.

— Раздевайся, ужинать будем, — буркнул Лавров уже от двери в кухню. — Носится не пойми где! А мне переживай!

Она чуть не запела, честное слово! Он за нее переживал? Он за нее переживал! И в его сердитом взгляде и ворчливом голосе ничего, кроме заботы! Господи, может, он все же женится на ней, а?!

— О, а я тоже креветок купила, — улыбнулась Лера, вымыв руки и подсаживаясь к столу. — И еще пива.

— Обойдешься! — фыркнул Лавров.

Поставил в центр стола огромное блюдо с креветками, по тарелке для мусора и миску с водой с плавающим колесиком лимона. Медный кофейник стоял на плите, значит, и кофе огненный в доме имеется. Она бы сейчас с радостью чашечку выпила — горячего, ароматного, крепкого. Она промерзла и перенервничала и...

— Ну? И что молчишь? Чего тебе наговорила эта ненормальная? — перебил ее мысли Саня, уже успев расправиться с дюжиной креветок. — Что опять за дела?

— Сегодня утром не вернулись с прогулки из сквера сразу две собаки. — Лера встала, потрогала бок кофейника — горячий. — Я налью?

Лавров кивнул и спросил тут же:

— Какие собаки? Не понял!

— Собака погибшего мужчины и...

— Сява?! — перебил Лавров, удивленно вытаращившись. — Не вернулась с прогулки? Убежала, что ли?

— Погибла.

— Что значит погибла?

— Убежала вместе с другой собачкой. И сорвалась в овраг вместе с ней. И погибла. И вторая собачка тоже. — Лера пила кофе мелкими глоточками, причмокивая, до того вкусно было.

— Вторая собака чья? — Лавров нахмурился.

— Того мужчины, который присматривал за Сявой.

— Линева?! — ахнул Саня и даже про креветки забыл, его растопыренные пальцы повисли над

блюдом. — То есть он пошел их выгуливать и... вернулся один?

— Совершенно верно. Так, во всяком случае, Мария Дмитриевна утверждает.

— А что же хозяйка Сявы? Она-то что говорит?

— Она плачет, — пожала Лера плечами, поставила пустую чашку на стол, потянулась к блюду с креветками. — А Линев ее утешает.

— То есть? — не понял Саня. — Что значит утешает?

— Он ночует у нее, по утверждениям Марии Дмитриевны. — Лера вдруг потянулась к нему через стол, тронула тыльной стороной ладони его щеку и нежно улыбнулась. — А может, ну их, Лавров? Всех их ну их, а? Хорошо же сидим...

ГЛАВА 18

Он видел двух прогуливающихся по двору женщин, понимал, что их разговор может быть неприятен для него лично. Более того, разговор между ними может быть опасен для него лично! Но почему-то все, о чем он думал в тот момент, это про нелепый головной убор из невиданного белоснежного зверя, который женщина без конца поправляла.

Дурацкая шапка, подумал он с раздражением, отворачиваясь от окна. Посмотрел на опустевший коврик в углу прихожей, пустую собачью кормушку и подумал: дурацкая затея. С самого начала затея с Ниной была дурацкая и безнадежная. Она никогда не полюбит его так, как любила покойного мужа. Может, и не особо любила, но уважала сильно. А его —

Линева Михаила Сергеевича, всячески старающегося завоевать ее уважение, — она никогда не станет ни уважать, ни любить, ни замечать.

Не надо было затевать всей этой возни с собакой, он снова покосился на пустую собачью миску. Все надеялся, что общие интересы смогут сблизить их — Нину и его. Караулил ее во время прогулок, она все больше выгуливала свою мерзкую Сяву вечерами. Пытался завести разговор. А толку?

Она даже имени его не запомнила! Не пыталась запомнить! Хотя он неоднократно представлялся ей, отстегивая поводок от ошейника своей собаки. Нина вежливо кивала в ответ, скупо улыбалась и спешила домой, где ее ждал ее Игорек.

Что она в нем нашла?! За что любила, уважала, терпела с собой рядом?! Никчемное тщедушное создание! Все, что удалось ему с блеском — это сорваться с края оврага и сломать себе шею! Линеву даже не пришлось особо потеть, сталкивая Игорька вниз. Просто подкрался сзади и, не выпуская рук из карманов, осторожно подтолкнул его в спину головой. И все! Игоря не стало! Не стало препятствия, мешающего ему обрести семейное счастье на старости лет.

А он ведь о нем мечтал — о семейном счастье! Давно мечтал! И все время провожал эту парочку завистливым взглядом, когда они под руку возвращались с прогулок. Она — милая, энергичная, симпатичная, всегда дивно пахнущая. И он — хилый, постоянно брюзжащий, с недовольным несимпатичным лицом. И решил, что место рядом с ней этот тщедушный тип занимать не должен. Он не имеет на это права! А когда Игорек начал носиться по двору с листовкой, подкарауливать бывшего опера и нести всякий вздор

о скрывающемся в их дворе преступнике, то Линев понял — пора. Иначе этот остолоп наворотит дел! И в человеке, который блуждает под покровом темноты по их двору, бывший опер непременно узнает его — Линева Михаила Сергеевича. А узнав, прицепится с расспросами. И если он — Линев Михаил Сергеевич — удовлетворит его любопытство, то...

То Симка сядет непременно! Надолго сядет. А этого допускать было никак нельзя. Симка, хоть и зарвался в последние годы и все чаще морду свою холеную воротит от него — от своего брата по матери, все же ему родня. Его подставить Михаил никак не может.

Решение пришло само собой. Как-то утром, когда они вместе вышли из подъезда с собаками. Он и Игорек Горелов. Собака Линева умчалась в сквер и принялась оттуда зазывно лаять. И Сявка, сорвавшись с поводка, кинулся туда же. И Игорек Ниночкин ненаглядный туда же поспешил, на ходу без конца повторяя:

— Сява... Сявушка... Маленький мой...

Мерзкая собака, подумал Линев и, поднеся ко рту ладонь, пососал крохотную ранку на безымянном пальце. Все же тяпнула его, когда он швырял ее с обрыва. Свою бросить получилось беспрепятственно. Собака, хоть и жила у него недавно, доверяла ему. И даже не сопротивлялась, когда он взял ее на руки и с силой швырнул вниз — на обломки плит с ощерившейся арматурой. А вот Сявка мгновенно в тот момент насторожился и вдруг принялся на него рычать. И когда он взял его на руки, начал вырываться и тяпнул — дрянь такая. И он теперь не знал, что делать! Идти в клинику с этим укусом или нет? Пойдешь — засветишься. Не пойдешь —

пропадешь. Кто знает, чем страдала эта мерзкая мелкая собачонка?!

Из коридора вдруг зазвонил мобильный. Линев оставил его в кармане куртки. Куртка на вешалке, потому что ему почти никто никогда не звонил, кроме Серафима. Сегодня он точно не должен был звонить. И он отвечать не станет. Пускай себе телефон трезвонит в кармане. Не так уж и слышно, не досаждает. И зачем доставать телефон из кармана, если он скоро, через час какой-нибудь, наденет куртку и пойдет к Ниночке? Она сегодня не разрешила ему приходить к ней днем.

— Михаил, оставьте меня, — попросила она холодным несчастным голосом, который он ей тут же простил. — Давайте не сейчас, давайте вечером выпьем вместе чаю.

— Да, да, конечно, — закивал он головой, стараясь выглядеть виноватым и, как и она, несчастным. — Я понимаю... Я все понимаю... такое несчастье...

В душе его все клокотало от сдерживаемого смеха! Ему было плевать, плевать на этих собак, которых он погубил намеренно сегодняшним утром! Плевать на Ниночкину печаль! Он даже ликовал в душе, считая это мелкой местью ей. Мелким наказанием за долгое невнимание.

Он хотел ее веселой, жизнерадостной, спокойной и уступчивой. Какой она была со своим Игорьком. И какой не хотела быть с ним — с Линевым. Он хотел ее покорную руку в своей крепкой ладони. Хотел постоянного «да» с ее стороны. А не высокомерного фырканья, с которым она его вчера выставила поздним вечером, не позволив остаться.

Ну, ничего! Сегодня он у нее разрешения не станет спрашивать! Сегодня он приготовил для нее маленькую быстрорастворимую пилюлю, с которой ему удалось сотворить чудо в «Загородной Станице», когда он выполнял Симкино поручение. Девка, которую они опоили, была покорной и почти спала и потом, когда очнулась, ничего не помнила. Так следует поступить и с Ниночкой. Правда, фотографов он приглашать не станет. Ни к чему. Он сам сумеет наделать пикантных фотографий, от просмотра которых Ниночка потом станет шелковой.

Главное, не переборщить с дозировкой. Таблеточки опасные. Передоз чреват смертью...

Телефон в кармане куртки снова заверещал. Линев неторопливо прошел в прихожую, нашел в глубоком кармане мобильник. Удивился странному сочетанию цифр.

— Да! — решил он все же ответить.

— Мишка, какого черта не отвечаешь, скот! — почти плача, завопил Сима — его брат по матери. — Когда ты нужен, скот, ты не отвечаешь!

— Ответил. И че?

Внутри, в животе, за крепкими мышцами, которыми он очень гордился, вдруг родилась странная предательская слабость. Так случалось, когда он подхватывал кишечную инфекцию.

— В общем, слушай меня, братишка. Слушай и запоминай! — зачастил Сима. — Меня взяли! Меня сдала эта тварь!..

— Погоди, погоди, я ничего не понял! — живот уже крутило не на шутку. — Что взяли? Какая тварь? Куда сдала? Ты говори толком!

— Какой ты тупой! — захныкал брат. — Заказчица! Заказчица меня сдала ментам, понял наконец?!

— Понял, — осторожно сказал Линев и зачем-то кивнул. — И что? Она сдала тебя, а ты сдал меня?!

Отчаянно захотелось в туалет, и тошнота нахлынула от внезапного страха. Хотя он, по сути, ничего такого и не делал, но статью ему подберут, будь уверен! Девка, с которой они развлекались за городом, была подругой опера!

— Нет, нет, нет, никого я не сдал! — затараторил брат. — Это уже другой пункт обвинения, болван! Это уже групповуха! Я все взял на себя! Сказал, что был один.

Слава богу! Линев вытер тыльной стороной ладони пот со лба — сопутствующий признак его кишечного нездоровья.

— Я сказал им, что все делал сам. Все! Надеюсь, ты там не засветился, братишка?! Никто не сможет на тебя стукануть?!

— Нет.

— Никто не видел, как ты фотки подкидывал молодому? Я сказал, что это я делал. Никто тебя не видел?

— Нет. Никто не видел, — не совсем уверенно произнес Линев и едва не застонал вслух.

Нина! Она мало того, что его видела, она сфотографировала! Она это сделала, малахольная! Фотки надо было срочно посмотреть. Как он там на них? Можно ли его узнать?

— Вот и славно! Твоя помощь мне хоть и не особо под статью подпадает, но все равно это групповуха, брат. И мне может навредить, как организатору. Уж лучше я один. Адвокат сказал, что при содействии следствию я при таком раскладе могу отделаться условным сроком. А если я не один буду фигурировать, то это уже реальный срок. Точно все чисто, брат?

— Точно! — твердо произнес Линев, обливаясь потом.

— Ну и ладненько, — сразу успокоился Сима. — И ладненько. Ты молчи. Никому ничего не рассказывай. А еще лучше — поезжай куда-нибудь.

— Куда, например? — хмыкнул Линев, обессиленно прислоняясь к стене, так ему сделалось худо.

— Я тут с адвокатом своим посоветуюсь. Он наверняка что-нибудь подскажет. Ты у нас человек верный. Можешь быть ему чем-то полезен. Глядишь, он мне гонорар сбавит. А то такую занебесную сумму обозначил!.. Ты телефон на всякий случай с собой носи. Если кто позвонит, отвечай. Даже если номер незнакомый, как теперь.

— Кстати, ты с чьего телефона звонишь?

— Ни с чьего, — буркнул Серафим. — С автомата звоню, болван...

И отключился. А Линев пулей помчался в туалет. Пробыл там полчаса. Потом долго плескался в душе. И все думал и думал, думал и думал, как же ему теперь быть с Ниночкой?..

ГЛАВА 19

— Михаил... — бесцветные губы Ниночки сложились горестной улыбкой. — Это вы...

— Да. Я, Нина Николаевна. Может, я не вовремя? — неуверенно будто бы спросил он.

Но уже вошел в ее квартиру с крохотным букетиком кустовых розочек и маленьким тортиком, которые прятал от любопытных соседей в большом пакете, когда сначала шел из магазина по двору, а потом поднимался по лестнице.

— Понимаю, что это, может, не к месту, но решил хоть как-то сгладить свою вину. Я так виноват, так виноват. Бедные собачки! — Он опустил голову, стиснув зубы, чтобы, не дай бог, из него не вырвался ядовитый смешок. — Не представляю, как теперь жить... Миска пустая, коврик пустой...

Господи, что он несет?!

Но Нина Николаевна неожиданно с пониманием отнеслась к его нескладному лепету. Погладила по рукаву куртки. Приняла букетик. Взяла из его руки коробку с тортом. Милостиво, хоть и грустно, улыбнулась и пробормотала:

— Входите, Михаил.

Он снял ботинки, аккуратно поставил их под вешалкой. Повесил куртку, пригладил волосы перед зеркалом, находя себя в нем достаточно привлекательным, сильным и уверенным. Прошел следом за Ниночкой в кухню. Она налила в хрустальную вазу воды, освободила от шуршащей упаковки букетик. Поставила чайник на огонь.

— Сейчас будем пить чай, — на манер тургеневских барышень произнесла она едва слышно.

Он чуть не ответил: извольте, сударыня. Вовремя опомнился. Он тут не за этим. Не за тем, чтобы язвить. У него сегодняшний вечер целиком и полностью посвящен разведывательно-наступательным действиям. Он сейчас должен будет незаметно бросить ей в чай чудо-пилюлю. Потом выспросить все о фотографиях, которые она сделала. А затем наделать своих. Просмотрев которые Ниночка уже никогда не будет прежней — надменной и величественной.

У него все вышло. Через сорок минут глазки милой женщины посоловели, движения стали вялыми, неуверенными.

— А давайте-ка мы с вами, Нина Николаевна, посмотрим те фотографии, которые вы сделали, когда увидели незнакомца в нашем дворе, а?

— Да, давайте, — кивнула она, голова ее, сделавшись непомерно тяжелой, упала на грудь.

— Идемте?

— Да.

Но не смогла подняться. Заморгала беспомощно, виновато улыбнулась.

И тогда он, как истинный джентльмен — ха-ха, — подхватил ее на руки и понес в комнату. Там усадил на диван, потом достал фотографии из ящика шкафа, на который она указала слабой рукой. Просмотрел их внимательно. Понял, что узнать его невозможно. И сразу успокоился, и решил повременить немного со своей затеей. Ниночка вдруг как-то посмотрела на него подозрительно. И неожиданно попросила подать ей телефон.

— Сейчас, конечно. — Он встал, загораживая ей стол, на котором лежал ее мобильник, быстро вытащил из него аккумулятор. Подал. — Вот, пожалуйста...

Она долго пыталась реанимировать телефон, лишенный батареи. Тыкала вялыми пальцами во все кнопки подряд, хмурилась, жала на кнопку отключения, потом включала. Все было бесполезным.

— Что-то со мной не так, — проговорила Ниночка слабым шепотом, отложила телефон в сторону. — Видимо, успокоительные средства только сейчас начали действовать. Я сегодня их столько приняла! Ужас! Вам лучше уйти, Михаил.

Ага! Щ-щас! Он для того суетился, чтобы уйти в тот момент, когда она не сможет оказать сопротивления! Глупая баба!

— Что вы делаете?! — Ее голова запрокинулась на диванную подушку, когда он полез к ее губам с поцелуями. Нина прошептала: — Не смейте...

А он смел! Он смел делать с ней сейчас все, что захочет! И сейчас и потом! Особенно потом, когда она уже не будет одурманена волшебной пилюлей, а просто будет мягкой и податливой, послушной и нежной. Но это потом! Сейчас же он должен сделать подготовку для того, чтобы...

Звонок в дверь проткнул его мозг огненным щупом. Он так дернулся, что выронил ее фотоаппарат, который нацелил на Ниночкину обнаженную грудь. Судорожно подхватил фотоаппарат с пола, отряхнул, тут же очистил память и вдруг протер его полой ее халатика, который распахнул пять минут назад. Взгляд его заметался. Схватил телефон, который он собственноручно превратил в бесполезную игрушку. Михаил вытащил аккумулятор из кармана, тщательно протер, вернул в телефон, включил его. Сразу пришло три сообщения. Ей трижды звонил... Лавров! Вот это засада!

Звонок между тем продолжал надрываться. Кто-то настойчивый. Сколько он еще может не открывать? Линев задумался. Свет в окнах горит, значит, Ниночка дома. Телефон теперь включен, значит, Лавров тоже получит сообщение и перезвонит. А не он ли это за дверью?!

Живот снова скрутило. Но он все равно на цыпочках прошел к двери и припал к дверному глазку.

Лавров! Точно он! Его череп блестит в свете тусклой лампочки на лестничной клетке.

Что же делать?! Что?! Если он сейчас откроет ему и впустит, то как объяснит состояние Ниночки?! Этот малый не глуп, он сразу поймет, что что-то не

так. И про подружку Машу вспомнит, и про то, что предшествовало ее падению из окна.

Что делать?! Что?

Лавров оставил в покое звонок и принялся молотить в дверь кулаками. И начал громко звать Ниночку по имени-отчеству. И грозить, что сейчас вызовет полицию, если она не откроет.

Линев вернулся в комнату. Застегнул на Ниночке халатик, внимательно осмотрел все. Нет, ничего подозрительного, указывающего на его злой умысел, не было. Но рисковать все равно не стоило. Надо было бежать отсюда. Поэтому, надев куртку, обувшись и начав медленно открывать замок, Линев приготовился к нападению.

И когда, дернув на себя дверь, Лавров вошел в квартиру Нины Николаевны Гореловой, он получил сокрушительный по силе удар по голове. Единственное, что он успел сказать, проваливаясь в обморок, это:

— Какого черта?

ГЛАВА 20

Жэка смотрел на друга, распластанного на чужом кресле с мокрым полотенцем на голове, и беззвучно шевелил губами. Это он так ругался. Грубо, матерно, зло.

Вот какого черта ему надо было в этой квартире? Это он так про Лаврова думал. Что он тут забыл?! За честь добропорядочной леди решил вступиться? Так она вроде и не против была! Сама впустила в квартиру какого-то мужика! Пила с ним чай, потом

уснула прямо на диване. Мужик ушел. Правда, уходя, он врезал как следует Лаврову, не ожидавшему нападения.

Вопрос — почему врезал? Его тут же задал Лавров, как очухался. А Жэка ему ответил, цедя по слову, что мужик, видимо, перепугался какого-то лысого упыря, рвущегося в квартиру.

— Почему упыря-то? — обиделся Саня, болезненно морщась, когда Лера поправляла мокрое полотенце на его голове.

— Чего ты тут забыл, Саня? — свирепел Жэка с каждой минутой.

Ему вдруг стало неприятно наблюдать, как Лера хлопочет вокруг пострадавшего. Он знал, конечно, что она влюблена в него, но...

Но она ведь еще такая маленькая! Почти ребенок! Его ребенок, черт побери! А Саня, он же взрослый мужик. Матерый ловелас, он же...

Твою мать! Как все быстро меняется! Он почему-то ни о чем другом сейчас думать не мог, и Лаврова слушал вполуха. А все больше ругал себя, что позволил Лерке поселиться у Сани. Пошел у дурехи на поводу и позволил. И она теперь прыгает вокруг него, стрекоза. Лопочет что-то уморительно ласковое. А Сане будто по фигу. А ему — отцу — ножом по сердцу. Еще и оттого, что Сане, по ходу, по фигу!

— Чего ты тут забыл?! — в десятый раз спросил Жэка.

— Я волновался за хозяйку квартиры, — произнес друг слабым голосом. Кивнул на Леру. — Она мне рассказала интересную историю.

— Она мастерица истории рассказывать! — фыркнул Жэка и прикрикнул на дочь, склонившуюся

над Лавровым чрезмерно низко. — Что в ее истории тебе не понравилось, Саня? Что собачки погибли? Да, жалко животных, спору нет. И даже если принять в расчет, что убил их этот мужик, это не наша с тобой юрисдикция, понял? Есть специальная служба, называется охрана животных или природы. Не помню! Так вот они могут раздуть скандал по этому поводу. И хозяйка погибшей собаки. А она спит себе и в ус не дует! Чего ты-то переполошился?

— Потому что она спит, — вяло пожал плечами Лавров.

Второй раз за месяц получить по голове — это жестоко. У него шумело в ушах, а глаза застилало красным туманом. Но ехать в больницу он категорически отказался.

— И что плохого в том, что она спит? — неуверенно спросил Жэка.

Ему, конечно, тоже не нравилось, что хозяйка квартиры проявляет беспечную безмятежность и дрыхнет без задних ног на диване, по соседству с креслом, в котором болезненно охал Лавров. С другой стороны, может, снотворное приняла? И сон застал ее там, где она и сидела. А? Может такое быть? Может. Она у себя дома. Где хочет, там и спит. А они незаконно, между прочим, ворвались. И...

— Могут быть проблемы, Саня, — пожевал губами Жэка и указал на дверь. — Думаю, нам лучше свалить отсюда поскорее. Пока она не проснулась и не начала визжать.

Неожиданно Лера его поддержала. Сочла их присутствие в доме Нины Николаевны незаконным, даже статью какую-то припомнила из Уголовного кодекса. И добавила, что зачет по этой теме сдавала.

— Она тихо-мирно спит, — еще раз пощупала она пульс у Гореловой. — Пульс, как у девочки. Она не избита, не растерзана, одета в халатик. Все нормально. Может, правда, снотворное приняла и спит себе. А мы тут суету разводим вокруг нее. А она потом на нас же и заяву накатает. Валим...

Жэка одобрительно улыбнулся. Про себя подумал, что Лерка вся в него — умная, рассудительная. Еще бы вокруг Сани поменьше плясала, вообще было бы здорово.

Они погасили верхний свет, оставив включенным ночник в гостиной Нины Николаевны. Захлопнули дверь и вернулись в квартиру Лаврова. Окна квартиры на первом этаже, где проживал Линев, были темными.

— Может, это и не он вовсе был? — сказал Жэка, расположившись в кухне Лаврова с пивом и креветками, которые они с Лерой так толком и не поели. — Ты видел лицо?

— Нет, — нехотя признался Лавров, все еще придерживая полотенце Нины Николаевны у виска. — Я не видел, кто напал.

— Вот! — ткнул в него пальцем друг. — Это мог быть кто угодно, дружище! Это мог быть какой-нибудь женатый мужичок, перепугавшийся, что его жена кого-нибудь по его следу послала. Или еще кто-то, с кем он не жаждал встречи. Почему обязательно это должен быть Линев?

— Не обязательно, — осторожно качнул головой Саня и тут же поморщился, голова трещала. — Но это он, я уверен.

— На этот вопрос нам с тобой точно ответит только сама хозяйка квартиры, когда выспится, — хо-

хотнул Жэка, откупоривая вторую бутылку пива, которую Лера, между прочим, покупала для Лаврова. — Вот завтра она проснется, ее и спросим...

Но Нина Николаевна неожиданно не захотела вовсе говорить на эту тему. Сделала строгое лицо, забирая у Лаврова полотенце, которое он с утра пришел ей вернуть, а заодно и задать вопросы. Недовольно поджала губы. И когда Саня спросил, с кем он столкнулся в дверях ее квартиры, когда пришел, недовольно прошипела:

— Это не ваше дело, молодой человек! Лучше бы искали убийцу моего мужа, чем пользоваться моей беспомощностью и лазить по моим шкафам.

И она выразительно потрясла перед его носом высушенным полотенцем.

Вот так-то! Жэка оказался прав на все сто! Саня вернулся домой, завалился на диван и час пролежал, уставив невидящий взгляд в потолок.

Чего он, в самом деле, суетится? Делом чести было найти виновников трагедии с Машей. Они с Жэкой их нашли. И заказчицу, и исполнителя. Оба дали признательные показания, находятся теперь под подпиской о невыезде. Семейный адвокат Филиченковых подсуетился. Дай волю Лаврову, он бы Эльзу до суда под замок посадил, чтобы вкусила она все прелести тюремной жизни. Но судья счел, что данное преступление не является тяжким. Подозреваемые активно сотрудничают со следствием, так что была выбрана подписка, не арест.

— Отделаются условным, — нехотя проворчал вчера Жэка, допивая Санино пиво и доедая креветки. — Вот увидишь, будет условное наказание. Эльза вообще может отделаться штрафом.

— Что сказал Говорков по поводу требований? Что он требовал от Маши?

— Говорит, что требовал отказаться от Владимира.

— И все? — недоверчиво покрутил головой Саня. — Не верю!

— Я тоже. А доказательств нет. Маша их в унитаз спустила. И даже если заговорит сейчас, доказательств нет.

— Не верю, — повторил Саня. — Не верю, что все это было затеяно лишь из-за материнской любви.

— А из-за чего еще?

— Из-за денег, например. Владимир сейчас у нас где? Правильно, за границей. Зачем он там?

— Полетел в клинику договариваться о Машином лечении. И...

— И что-то он про деньги в самом начале нам с тобой говорил, так? — напомнил Саня.

— Будто бы говорил. Потом замолчал.

— Вот-вот... Деньги, Жэка! Чую, что все дело в деньгах! Что-то оставил ему отец, чего не оставил дочери и жене. Что-то есть там, в той стране, куда улетел наш мачо.

— Что?

— Не знаю! Но посуди сам... На что он будет лечить Машу за границей? Мама даст? Как же! Она Машу ненавидит! На зарплату менеджера банка? Ага! Да! Там деньги на лечение нужны совсем другие, Жэка...

— А если у него есть эти деньги, то зачем он вообще пошел работать в этот банк менеджером? — Жэка поперхнулся этим словом и долго кашлял со смешком. — Придумают же должность клерку! За-

чем работать-то пошел, Саня? Забыл про папины бабки? Не знал?

— Или не мог ими воспользоваться, пока отец жив, а? Как тебе такой вариант? — невзирая на головную боль, оживился Саня. — Игнат, допустим, имел деньги на счетах за границей. Допустим, завещал их сыну. Пока сидел, не мог ими воспользоваться или не хотел. Он же собирался убежать, так? На воле ему эти бабки ох как понадобились бы.

— Погоди, погоди... — Жэка наморщил лоб и потрогал ежик короткой стрижки, к которой, убей, не мог привыкнуть. — Ты хочешь сказать, что Игнат имел деньги за границей, но не позволял никому их тратить, пока был жив. А теперь?

— А теперь его нет. И Владимир, возможно, наследует эти деньги после смерти отца. Мать могла знать или догадываться. Поэтому женитьба сына была ей очень некстати. Женившись, сын мог отказаться делиться. Поэтому она и закрутила всю эту историю. И материнская любовь тут ни при чем.

— Я не знаю, — почесал Жэка макушку. — Может, все так, а может, и не так. Но что это теперь меняет? Машка в больнице с травмами. И...

— И ее здоровье требует длительного восстановления, — проговорил задумчиво Лавров. — А это большие деньги. Возможно, Владимир потратит все, что оставил ему отец.

— И? Куда ты клонишь, не пойму?

— Допустит ли его мама, чтобы он потратил все деньги на Машино лечение? Деньги, на которые она, возможно, рассчитывала?

— А что она может сделать? — Жэка сгреб большущей ладонью креветочные панцири в тарелку,

отнес в мусорное ведро, ополоснул руки под ледяной водой.

— Она? Она может унаследовать их после смерти сына, Жэка, — мрачно закончил Саня. — Если она не унаследовала деньги после смерти мужа, она может унаследовать их после смерти сына...

ГЛАВА 21

Если Эльза не унаследовала деньги Игната, которые тот очень удачно разместил за границей в нескольких банках, то она может унаследовать их после смерти сына. Так ведь? Так! И это справедливо! Игнат не должен был так поступать со своей женой. Он не должен был оставлять ее ни с чем. Даже после того, как она отказалась от его фамилии.

Эльза имела право на эти деньги. Имела! А их было, по подозрениям Лукина, много больше того, что семья успела потратить за минувшие десять лет и что он успел у них отобрать под предлогом кредиторской задолженности.

Там — за границей — хранились миллионы! Не рублей!

И что, теперь все это достанется Володьке? Этому глупцу, влюбившемуся невесть в кого! Эльза, дурочка, попыталась сопротивляться его чувству. Но так неумело, так неряшливо. Наследила, опорочила свое имя. Ему теперь суетись, подчищай все это дерьмо.

Ну, ничего. Он потерпит. Он постарается. Он не позволит Эльзе сесть в тюрьму. Потому что она нужна ему на свободе. Он должен на ней жениться. Непременно! Во-первых, он уже это озвучил всем пар-

тнерам по карточному столу и теннису. Во-вторых, она должна будет унаследовать кучу денег! А на эти деньги он планировал купить маленький остров поближе к экватору. И жить там беззаботно долгие годы, купаясь в роскоши и солнечных лучах.

Но унаследовать деньги Эльза должна как можно скорее. Пока этот засранец не спустил их на лечение своей пассии и еще куда-нибудь. Поэтому...

Поэтому из своей заграничной поездки Володька не должен вернуться живым.

Лукин Вячеслав Иванович смотрел на кончики своих пальцев, сведенных домиком.

Это было очень кощунственно — так думать, жестоко и бесчеловечно, но...

Но думать по-другому он не мог. Он был адвокатом и всю свою жизнь по большей части имел дело с мерзавцами. Кого только ему не приходилось защищать! Убийцы, воры, насильники, наркодилеры... И когда ты пытаешься отыскать лазейку в законодательстве, намереваясь обелить черное, оправдать ее, то волей или неволей часть этой черноты просачивается в твою душу. Заражает ее грязью, цинизмом, алчностью.

Да, он стал именно таким — циничным и алчным, но с безупречной репутацией. В отличие от Эльзы, которая что-то безобразное сотворила со своим именем.

— Что мне делать?

Вопрос, на который осмелился мужчина, сидевший напротив Лукина в его кабинете, заставил Вячеслава Ивановича вздрогнуть. Он отвел взгляд от кончиков своих пальцев, сложенных домиком, посмотрел на человека, застывшего на стуле напротив.

— А что бы вы хотели? — холодно осведомился Лукин.

— Сима сказал, что я могу обратиться к вам за помощью. — Широкие плечи мужчины поднялись и опустились, глаза смотрели требовательно. — Он сказал, что за все уплачено.

— За что за все? — уточнил, не меняя тона, Лукин.

— Ну... Ваши услуги оплачены им. И помощь мне.

— Помощь? — Рыжие брови Лукина поднялись. — В каком смысле помощь вам?!

— Мне надо исчезнуть куда-нибудь. Уехать, раствориться, чтобы обо мне никто не вспомнил и... Я ведь тоже помогал ему. А вы сами посоветовали Симке это не озвучивать. Двое — это уже сговор. Так вы говорили?

— Допустим.

Лукин достал из футляра очки в изящной золотой оправе. Надел, вгляделся в мужика.

Сильный, наглый, бесстрашный. Такой попрет напролом. И может все испортить. Если...

Если только не использовать его себе во благо.

— Вот он и сказал, чтобы я исчез куда-нибудь. Хотя бы до приговора. Это вы будто так ему посоветовали. И обещали помощь.

Взгляд был настойчив и непримирим. Он станет ждать помощи. Станет ее требовать.

— Поможете? — спросил мужик, и его кадык крупной сливой прокатился по горлу под грубой кожей. — Поможете?

— Так, так, так... Сразу оговорюсь. — Лукин снял очки, с раздражением швырнул их на стол. — За помощь вам мне никто не платил, уважаемый, как вас?

— Михаил, — коротко представился гость.

— Так вот, за помощь вам мне никто не платил. С моей стороны это было лишь советом.

— Как же так?! Симка мне звонил! Он... Что, наврал, да?! Наврал?!

Михаил, явившийся к нему в офис спозаранку и прождавший его почти два часа на улице, в настоящий момент являл для Лукина угрозу. Он мог натворить глупостей. Мог наговорить лишнего там, где не надо. И это могло прогрессивно увеличить степень вины Эльзы. И Лукину тогда не спасти ее от заключения! А она нужна была Лукину на свободе. Во всяком случае, пока.

— И что мне делать теперь? Я домой не могу. Я там наследил, — вдруг признался мужик, с силой сцепив пальцы.

— В смысле?

— Я там... Короче, есть одна женщина. Ее муж... Он мне мешал, и я...

— Что?! — Лукин насторожился. — Что?!

— Я помог ему сорваться с обрыва.

— И он? Что? Покалечился? Умер?

— Второе, — нехотя признался Линев.

Он и сам не понимал, зачем рассказывает все это адвокату Серафима. На помощь надеялся. Потому что запутался. Чувствовал, что пропадает. Куда-то летит, в пропасть какую-то. Советоваться больше не с кем. К Симке нельзя. Он не велел. Он сам под подпиской. За ним даже могут следить. И разговоры телефонные прослушивать. А адвокат будто мужик надежный. С ним вроде можно быть откровенным. И помощь... Ему жутко нужна помощь!

— Вы его убили?! — ахнул Вячеслав Иванович.

Это была уже другая история, господа! Он в нее влезать не хотел! Зачем?! Хотя, с другой стороны...

— Я ему помог. Он сам помер, — повторил Михаил. — Потом я убил ее собаку. А вчера, когда был у нее дома, к ней явился бывший мент, ее сосед. И я...

— И его убили?! — Лукин опешил.

Убийство полицейского, даже бывшего? Это никуда не годится! Это уже ни в какие ворота не лезет! Не станет он вязаться с этим уродом. Себе дороже. Найдет кого-нибудь для своих целей. Найдет.

Но мужик неожиданно порадовал:

— Нет, не убил. Он потом из подъезда вышел с полотенцем на башке. Так, приложился просто.

— Он вас видел? — Лукин прищурился, на ходу соображая и строя планы.

— Нет.

— Уверены?

— Разговор подслушал, когда они под моими окнами маршировали.

— Кто они?

— Мент этот бывший — Лавров, его друг из оперов и девка какая-то. Вроде дочка второго.

Лукин знал этих двоих. Еще бы ему их не знать! Когда защищал Игната, он вдоволь наобщался с обоими. Опасный дуэт! Очень опасный!

— Так, значит, вас Лавров не видел... А та женщина, чьего мужа вы?.. Она что? Она вас подозревает в чем-то?

— Нет.

— Точно?

— Точно, нет.

Михаил опустил голову. Больше всего ему сейчас хотелось бы вернуться в квартиру к Ниночке, упасть перед ней на колени, попросить прощения, не вдаваясь в подробности, и зажить потом с ней долго и счастливо, и безмятежно. Но он не мог. Не был уверен, что она не помнила, как он вчера щупал ее грудь и фотографировал. Она ведь еще не успела отключиться до конца.

— Ладно, — принял решение Лукин, поняв, что мужик загнал сам себя в угол и будет теперь чрезвычайно покладистым. — Думаю, я смогу вам помочь. Но...

— Но что? — Линев поднял на него встревоженный взгляд. — Денег у меня нет! Платить мне вам нечем!

— Платить мне не надо. Мне надо, чтобы вы для меня кое-что сделали.

— Что?

Линев выдохнул с облегчением. Помощь будет, денег не нужно. Уже здорово.

— Вы должны будете сделать то, что уже делали.

Лукин положил ладони на стол, мысленно примерил на безымянный правый палец обручальное кольцо. Неважно, как оно будет там сидеть и смотреться. Важно, что он с этого будет иметь!

— Вы должны будете избавить меня от одного человека, — равнодушным голосом сказал Лукин, будто речь шла о назойливой мухе.

— Как?! Как это избавить?!

Линев побледнел, тут же пожалел, что разболтался. С другой стороны, помощи больше ждать неоткуда.

— Вы должны его ликвидировать, Михаил.

— Как это?!

— Ой, да как вам угодно! — фыркнул Лукин. — Хотите, сбросьте его с моста, толкните под поезд, скиньте с обрыва, что вам привычнее...

На последних словах Михаил невольно втянул голову в плечи. Зря разоткровенничался раньше времени, зря! Ведь просьба адвоката могла быть и другой, так?

— Кто? — спросил он вместо того, чтобы отказать рыжему пройдохе.

— Молодой человек вам известен. — Лукин снова сложил пальцы домиком. — Вы активно помогали своему брату избавлять этого молодого человека от его любовницы.

— Филиченков? Владимир? — ахнул Линев.

— Да, да, он самый. А чему вы так удивляетесь? Думали, что, подсовывая фотографии ему под «дворник», играли в занимательную игру? Нет, Михаил, дело, в котором вы завязли, очень серьезное. Очень! И оно... Оно не закончилось с арестом вашего брата. Оно имеет продолжение. Кстати, загранпаспорт у вас есть?

— Да. И шенгенскую визу мне Симка зачем-то год назад сделал. В подарок на день рождения. Хотя я и не летал никуда, — ответил Линев, опуская голову.

Он понял, что влип так, как и не думалось. Если убийство Ниночкиного мужа никто не сможет доказать, а его помощь Серафиму практически не подпадает под статью, то этот заказ...

Это уже тюрьма!

— Вот и отлично! Мы с вами вылетаем сегодня вечером. Оставьте свой номер телефона. Сообщу, где

заберете билет. Багажа — минимум, — принялся отдавать указания Лукин.

— Вячеслав Иванович, а как же дальше со мной?

— В смысле? — рассеянно отозвался Лукин.

— Мне же надо где-то спрятаться, — напомнил Линев.

— Ну... Придумаем что-нибудь. Потом. После дела. Потом...

Ответ адвоката, а главное, его рассеянный вид и тон раздраженный, почти рассерженный, очень не понравились Линеву. Он для этого рыжего прохвоста средство для достижения цели. Средство, расходный материал.

Минимум багажа? Что это значит? Что он столкнет Володю Филиченкова на рельсы, а потом вернется в Россию? Куда в Россию? Ему же надо спрятаться! А если его засекут? Арестуют? Как раз этот минимум багажа и понадобится? Кто его станет защищать в богатой стране? Лукин? Черта с два! Он вылетит обратно. Он себя не замарает связью с Линевым Михаилом Сергеевичем.

Не-е-ет, господин адвокат! Не так все должно быть! Как-то не складывается картинка помощи, которую ты должен был оказать, с Симкиных слов. Пришел, получается, к нему за помощью. А получил заказ на убийство?!

Не-е-ет, не выйдет!..

— Итак. До вечера.

Лукин не пожал протянутой Михаилом руки, сделав вид, что закопался в бумагах. И это было еще одной его ошибкой. Потому что, как только Линев вышел из адвокатской конторы, принадлежащей Лукину, он тут же поехал обратно к своему дому.

Покаяние! Вот что ему сейчас требовалось, чтобы не совершить больших ошибок, на которые его подталкивали! Покаяние и прощение! К тому же прощать-то его, по сути, не за что. Никто никогда не узнает, что Игорю он помог сорваться с обрыва. А его невольное признание адвокату к делу не пришьешь. Налицо оговор, потому что выполнять страшное поручение Лукина он не станет. Ни за что!

Линев жутко нервничал, когда звонил в квартиру к Лаврову. Вдруг его нет дома? Вдруг он с девчонкой в кровати кувыркается и не пожелает открыть. Линев бы так и сделал. Вдруг не пожелает его выслушать, а сразу уложит мордой в пол и...

— Слушаю.

Бывший опер, болезненно морщась, недоуменно рассматривал Линева, тискающего вязаную черную шапку на его пороге.

— Слышь, разговор есть, — пробубнил Линев и ткнул себя пальцем в лоб. — Это... Я ведь тебя вчера.

— Ух ты! А зачем? — Лавров насторожился и чуть отступил от двери, черт его знает, что ждать от этого медведя.

— Так вышло, — пожал крутыми плечами Линев.

— А сейчас что? Извиняться, что ли, пришел? Считай, что извинился. О мотивах позже. Занят я.

Саня не верил мужику, что топтался сейчас на лестничной клетке. И в дом его впускать не хотел. Сила его кулаков все еще звенела в его башке острой болью.

— Разговор есть, — не уходил Линев. И добавил: — Важный.

— По поводу? Хочешь написать признательное показание, как ты собак вчера убил?

От Сани не укрылось, как вздрогнул и напрягся гость на словах «признательное показание».

— При чем тут собаки? — как будто даже обиделся он. — Убил, не убил! Не человек же!

— Да, человека убить сложнее, — кивнул Саня.

— Вот-вот, — вдруг подхватил Линев. — Вот я и не хочу! Потому и пришел к тебе!

— Почему?! — опешил Лавров.

И полез в карман шорт за телефоном, набрал тут же Жэку. Гость очень странно себя вел.

— Потому что не хочу его убивать! — выпалил Михаил.

— Кого? — Лавров на мгновение отвлекся, буркнув Жэке, чтобы тот срочно приезжал.

— Филиченкова Владимира.

— А зачем? — задал тупой вопрос Лавров, понимая, что тупит, но когда тут такое...

— Не знаю. Но его собрались убить. И сделать это должен я. Слушай, либо я вхожу и все рассказываю от начала до конца, либо я ухожу и разговора этого не было. — Михаил на шаг отступил от двери.

— Ну что же, входи, — и, посторонившись, Саня впустил Линева в свою квартиру...

ГЛАВА 22

Сказочная страна... Сказочная страна... Кто мне покажет, кто расскажет, где она, где она?..

Кто-то уже полчаса напевал ему милым нежным голосом на ухо. Конечно, никто не пел. Это ему просто казалось. Всплыла мелодия из далекого детства, пока он блуждал по тихим нарядным улочкам ма-

ленького уютного городка, кажущегося ему сказочным. Это ему просто казалось, потому что он нервничал. И не просто нервничал, а откровенно боялся. После того как ему вчера позвонил из России Машин друг — Александр Лавров и рассказал кое-что, он просто места себе не находил.

Он не мог поверить и не верил, что это возможно. Чтобы Лукин заказал его?! Не верил! До тех пор, пока не почувствовал вчера за собой слежку. Уже ближе к полуночи почувствовал, что кто-то осторожно ведет его. Сначала кто-то шел за ним по улице от адвокатской конторы, где у него была назначена встреча на десять часов вечера.

Встреча состоялась. Документы он все подписал. Официально вступил в права наследования несколькими счетами, разбросанными по разным странам. Часть документов осталась у адвокатов, часть он забрал с собой. Так было нужно.

Он пошел к отелю пешком, наслаждаясь тишиной, прохладным воздухом и чувствуя облегчение от того, что у него теперь есть деньги. Он сможет оплатить Машино лечение в Германии. Через пару недель, врачи сказали, ее можно будет перевезти.

Ничего, они с Машей выйдут победителями из этой страшной истории. Она восстановится. Он будет рядом. Он любит ее. И...

Вот тогда-то он и посмотрел в звездное небо, огромным куполом накрывшим этот дивный город. Ему вдруг не стало хватать дыхания от почти болезненной нежности. Неожиданно услышал шаги за собой.

Володя резко обернулся, но увидел лишь тень, мелькнувшую за угол. Он почти не обратил на это

внимания и пошел дальше. Потом история повторилась в отеле. Утром за завтраком ему снова показалось, что за ним следят. И на улице тоже, когда он собрался уже садиться в такси, чтобы ехать в аэропорт. В аэропорту это ощущение немного притупилось, он почти забыл о нем. До регистрации еще оставалось время, он решил выпить кофе. И тут снова позвонил Лавров.

— Машка пришла в себя! — заорал он Володе. — Представляешь, она пришла в себя!

Горло сдавило, он попытался что-то сказать, но не вышло. Какой-то странный сип вырвался, непонятный странный сип.

— Понял, — сказал Лавров. — Ты это, береги там себя. Она про тебя сразу спросила. Ты меня слышишь? Сказала, что любит тебя. Слышишь?

— Да, — удалось наконец сказать.

— Там за тобой наш человек незаметно наблюдает, но все равно будь осторожен.

Незаметно! Володя чуть не фыркнул. Так незаметно наблюдает, что высверлил ему весь затылок своим незаметным наблюдением.

— Я Машке сказал, что ты хлопочешь об отправке на лечение за границу и по-прежнему ее любишь. Правильно сказал?

— Да, — снова сказал Володя.

И зажмурился. Он так долго ждал, когда она придет в себя! Так подолгу просиживал возле ее кровати. А она открыла глаза в его отсутствие. И Лавров был первым, кто это увидел. Везет же!

— В общем, я тебя в аэропорту через четыре часа встречаю. И сразу едем к Машке. Идет?

— Да...

Лавров отключился. Володя допил кофе, встал и пошел к туалетам. Скоро начнется регистрация.

О странном ощущении, снова возникшем в затылке, он уже не думал. Лавров сказал, что за ним наблюдает его человек. Поэтому, когда выходил из туалетной кабинки, и не был готов к нападению. И не успел отскочить, когда на него налетел высокий темноволосый парень с ножом. Если бы не второй человек, тут же вцепившийся парню в горло, нож точно вошел бы Володе под сердце. А так лишь прорезал куртку и чуть царапнул кожу на ребрах.

Борьба была недолгой. Володин спаситель, лицо которого показалось ему смутно знакомым, скрутил высокого парня. Уложил его на живот, свел руки назад и перехватил запястья его же ремнем.

— Вот ведь... — мотал он коротко стриженной головой из стороны в сторону. — Чуть не прозевал тебя, парень! Меня бы тогда Лавров на такие вот ремни порезал... Кто ты, уродец несмышленый?!

Он двинул парня коленом в бок.

— Ну! Может, он по-русски не понимает?

— Человек, — на хорошем русском ответил черноволосый парень.

— И зачем человеку понадобилось убивать его? — Щетинистый подбородок мотнулся и указал на Володю. — Кто заказал? Мы что-то упустили, так? Господин адвокат подстраховался и нанял еще одного киллера? Кто заказчик, ну?!

И он больно врезал парню по спине.

— Никто. Я сам, — прохрипел он, сморщившись от боли. Завозился на полу, пытаясь сбросить с себя тяжелые колени. — Пусти!

— Как же! Щас! Мы, мил человек, ждем местную службу безопасности. Она вот-вот будет тут. Во-он она камерка-то, под потолком. Сейчас набегут...

В самом деле, через минуту туалет заполнили люди в форменной одежде, вооруженные пистолетами и дубинками. Для начала их всех троих обыскали и увели куда-то. Потом еще час понадобился для установления личностей. Потом ждали переводчика, не желая пользоваться отличным Володиным английским. Час ушел на разговоры. Когда Володю наконец выпустили вместе с его спасителем, самолет давно был в небе.

— Жэка... — протянул ему руку коротко стриженный мужик. — Заломов Евгений.

— Я помню. — Володя пожал руку. — Вы моего отца вместе с Лавровым... Потом мы вместе с вами ездили по делам...

— Так точно. Но знакомство должно состояться по полной форме, так? Отца арестовал. Тебя спас. Один — один. Идет?

— Идет. — Теперь Володя протянул ему руку. — Билеты надо сдать. Новые оформить. Идем?

Они поменяли билеты на рейс, который должен был быть через час. Сели в кафе, заказали по двести граммов коньяка. Выпили по рюмке, закусили солеными орешками.

— Маша пришла в себя, знаешь? — спросил Жэка после продолжительной паузы.

— Знаю. Слава богу! — Володя провел ладонью по лицу, вздохнул. — Все будет теперь хорошо. Слава богу!

— Тяжело ей будет рядом с тобой, парень. — Жэка снова себе налил. Оглядел полупустое здание аэропорта.

— Почему? — удивился Володя.

Проследил за взглядом Заломова. Тот внимательно рассматривал молодую явно супружескую пару, которая тихо ссорилась за соседним столиком. Мужчина нервно покручивал обручальное кольцо на пальце, будто норовил его снять. Брак обречен, с грустью вдруг подумал Жэка. Жмет ему колечко. Сильно жмет. И голос жены явно раздражает. Морщится, всякий раз как она заговорит, словно от зубной боли.

— Это его жена, — пояснил Володя, подслушав их разговор. — Они разводятся.

Значит, не ошибся, хмыкнул Жэка. И с парнем этим, сидящим напротив, вряд ли ошибается. Тяжело будет Маше рядом с ним. Очень тяжело.

— Почему тяжело? — повторил Володя.

— Потому что тянется за тобой длинный шлейф. — Жэка посмотрел на него сквозь янтарную жидкость в своем бокале. — Наследство, наследие... Я вот только сейчас троих насчитал. Тех, кому твое долгожданное счастье поперек горла.

— Троих? Это кого?

— Мать твоя — Эльза — первая зачинщица. Ею будто бы материнская ревность двигала, только верю с трудом. Деньги, парень... Всем нужны деньги! Решила, видимо, что, будучи холостым, ты скорее с ней поделишься. И Машу решила устранить таким вот чудовищным образом.

— Второй? Кто второй?

— Второй — адвокат ваш семейный. Он, собравшись жениться на твоей матери, решил сделать ее наследницей твоего состояния. И попытался послать по твоему следу убийцу. Только просчитался. Сдрей-

фил мужичок тот. Прибежал с покаянием к Лаврову. И все под протокол написал. А потом в аэропорту с микрофончиком к Лукину подсел, где у них была назначена встреча. И подробно с ним поговорил.

— И что сказал Лукин?

Володя поморщился. Он не очень удивился мерзкой выходке рыжего прохвоста. Помнил, хорошо помнил, как тот благополучно, в течение нескольких лет избавлял их от денег.

— А все, что нужно для заведения уголовного дела, наговорил, — ухмыльнулся Жэка. — Он, конечно, выкрутится. Но семейного счастья с твоей матерью у него теперь не будет. Явно не получится.

— А третий? Этот парень? Или он просто исполнитель?

— Да нет... Как раз он действовал совершенно самостоятельно. Во всяком случае, так утверждает, — хотя в это Жэка тоже не верил.

— И кто он?

— Это парень твоей сестры — Виктор Щупов.

— Кардиолог?! — ахнул Володя и покачал головой. — Но как же так?! Настя, она же... Она же скрывала от него все! Даже свое родство скрывала с отцом... Поменяла фамилию и...

— И после выходки твоей матери решила разоткровенничаться. И проговорилась, что отец оставил тебе что-то. Какие-то деньги за границей. Парень не так прост. Навел справки у знающих людей. Те подсказали, что за границей у Игната хранилось немало. Он... тоже решил, что если ты станешь мертвым, то от этого его невеста только выиграет. Она тогда вступит в наследство. И эти деньги должны будут помочь ему открыть клинику. Смерть сына убийцы — это

возмездие. Она ведь тоже может служить во благо! Клиника, открытая на твои деньги, спасла бы сотни жизней. Конец цитаты.

Жэка вылил остатки коньяка из графинчика в свой бокал. Подобрал последние орешки с тарелочки. Глянул как-то странно на Володю, проговорил нехотя:

— Хотел тебе сказать кое-что...

Володя поднял на него вопросительный взгляд. Говорить этому мужику, спасшему ему жизнь, что, возможно, где-то бродит еще и четвертый желающий его убить, он не стал. Но странное ощущение в затылке вдруг возникло снова. И это было очень навязчиво и противно.

— Что? — спросил он вместо того, чтобы жаловаться.

— Тут такое дело... Была проведена экспертиза всех записок, которые ты получил. Все поддельные. Кроме одной... В ней отец просит тебя сделать Маше предложение. Это он писал, парень. — Заломов тяжело вздохнул, осмотрел зал аэропорта, тряхнул головой, будто пытался избавиться от наваждения. Заговорил снова: — Подняли дело. Проверили результаты экспертизы. Я лично рапорт писал. В общем... В общем, выходит, при побеге ликвидирован был другой человек. Твой отец... Он, по ходу, не умер. И может быть где-то рядом. И соседи Лаврова, возможно, ничего не перепутали, когда видели его во дворе.

— Что он там делал? — поинтересовался Володя и потер ноющий затылок.

— Он-то? За тобой наблюдал! Он может... — Жэка в который раз обвел посоловевшими от коньяка глазами зал ожидания. — Он, может, и сейчас за тобой наблюдает, пацан...

ГЛАВА 1

Психотерапевт Иван Кравцов сидел у окна в мягком плюшевом кресле. Из открытой форточки доносился уличный гул; дерзкий весенний ветер трепал занавеску и нагло гулял по комнате, выдувая уютное тепло. Джек (так его величали друзья в честь персонажа книги про доктора Джекила и мистера Хайда) чувствовал легкий озноб, но не предпринимал попыток закрыть окно. Ведь тогда он снова окажется в тишине — изматывающей, ужасающей тишине, от которой так отчаянно бежал.

Джек не видел окружающий мир уже месяц. Целая вечность без цвета, без света, без смысла. Две операции, обследования, бессонные ночи и попытки удержать ускользающую надежду — и все это для того, чтобы услышать окончательный приговор: «На данный момент вернуть зрение не представляется возможным». Сегодня в клинике ему озвучили неутешительные результаты лечения и предоставили адреса реабилитационных центров для инвалидов по зрению. Он вежливо поблагодарил врачей, приехал домой на такси, поднялся в квартиру и, пройдя в гостиную, сел у окна.

Странное оцепенение охватило его. Он перестал ориентироваться во времени, не замечая, как

минуты превращались в часы, как день сменился вечером, а вечер — ночью. Стих суетливый шум за окном. В комнате стало совсем холодно.

Джек думал о том, что с детства он стремился к независимости. Ванечка Кравцов был единственным ребенком в семье, однако излишней опеки не терпел абсолютно. Едва научившись говорить, дал понять родителям, что предпочитает полагаться на свой вкус и принимать собственные решения. Родители Вани были мудры, к тому же единственный сын проявлял удивительное для своего возраста здравомыслие. Ни отец, ни мать не противились ранней самостоятельности ребенка. А тот, в свою очередь, ценил оказанное ему доверие и не злоупотреблял им. Даже в выпускном классе, когда родители всерьез озаботились выбором его будущей профессии, он не чувствовал никакого давления с их стороны. Родственники по маминой линии являлись врачами, а дедушка был известнейшим в стране нейрохирургом. И хотя отец отношения к медицине не имел, он явно был не против, чтобы сын развивался в этом направлении.

Ожесточенных споров в семье не велось. Варианты дальнейшего обучения обсуждались после ужина, тихо и спокойно, с аргументами «за» и «против». Ваня внимательно слушал, озвучивал свои желания и опасения и получал развернутые ответы. В итоге он принял взвешенное решение и, окончив школу, поступил в мединститут на факультет психологии.

Ему всегда нравилось изучать людей и мотивы их поступков, он умел докопаться до истинных причин их поведения. Выбранная специальность предоставляла Джеку широкие возможности для совершенствования таких навыков. За время учебы он не пропустил ни одной лекции, штудируя допол-

нительные материалы и посещая научные семинары. К последнему курсу некоторые предметы студент Кравцов знал лучше иных преподавателей.

Умение видеть то, чего не видит большинство людей, позволяло ему ощущать себя если не избранным, то хотя бы не частью толпы. Даже в компании близких друзей Джек всегда оставался своеобразной темной лошадкой, чьи помыслы крайне сложно угадать. Он никогда не откровенничал, рассказывал о себе ровно столько, сколько нужно для поддержания в товарищах чувства доверия и сопричастности. Они замечали его уловки, однако не делали из этого проблем. Джеку вообще повезло с приятелями. Они принимали друг друга со всеми особенностями и недостатками, не пытались никого переделывать под себя. Им было весело и интересно вместе. Компания образовалась в средних классах школы и не распадалась долгие годы. Все было хорошо до недавнего времени...

Когда случился тот самый поворотный момент, запустивший механизм распада? Не тогда ли, когда Глеб, терзаемый сомнениями, все-таки начал пятый круг? Захватывающий, прекрасный, злополучный пятый круг...

Еще в школе они придумали игру, которая стала их общей тайной. Суть игры заключалась в том, что каждый из четверых по очереди озвучивал свое желание. Товарищи должны помочь осуществить его любой ценой, какова бы она ни была. Первый круг состоял из простых желаний. Со временем они становились все циничней и изощренней. После четвертого круга Глеб решил выйти из игры. В компании он был самым впечатлительным. Джеку нравились эксперименты и адреналин, Макс не любил ничего усложнять, а Елизавета легко контролировала свои

эмоции. Джек переживал за Глеба и подозревал, что его склонность к рефлексии еще сыграет злую шутку. Так и произошло.

Последние пару лет Джек грезил идеей внушить человеку искусственную амнезию. Его всегда манили эксперименты над разумом, но в силу объективных причин разгуляться не получалось. Те немногие пациенты, которые соглашались на гипноз, преследовали цели незамысловатые и предельно конкретные, например, перестать бояться сексуальных неудач. С такими задачами психотерапевт Кравцов справлялся легко и без энтузиазма. Ему хотелось большего.

Чуть меньше года назад идея о собственном эксперименте переросла в намерение. Обстоятельства сложились самым благоприятным образом: Глеб, Макс и Елизавета уже реализовали свои желания. Джек имел право завершить пятый круг. И он не замедлил своим правом воспользоваться.

Они нашли подходящую жертву. Подготовили квартиру, куда предполагалось поселить лишенного памяти подопытного, чтобы Джеку было удобно за ним наблюдать. Все было предусмотрено и перепроверено сотню раз и прошло бы без сучка и задоринки, если бы не внезапное вмешательство Глеба.

Он тогда переживал не лучший период в жизни — родной брат погиб, жена сбежала, отношения с друзьями накалились. Но даже проницательный Джек не мог предположить, насколько сильна депрессия Глеба. Так сильна, что в его голове родилась абсолютно дикая мысль — добровольно отказаться от своего прошлого. Глеб не желал помнить ни единого события прежней жизни. Он хотел умереть — немедленно и безвозвратно. Джек понимал, что, если ответит Глебу отказом, тот наложит на себя руки. И Кравцов согласился.

К чему лукавить — это был волнующий опыт. Пожалуй, столь сильных эмоций психотерапевт Кравцов не испытывал ни разу. Одно дело ставить эксперимент над незнакомцем и совсем другое — перекраивать близкого человека, создавая новую личность. Жаль, что эта новая личность недолго находилась под его наблюдением, предпочтя свободу и сбежав от своего создателя. Джек утешился быстро, понимая: рано или поздно память к Глебу вернется, и он появится на горизонте. А чтобы ожидание блудного друга не было унылым, эксперимент по внушению амнезии можно повторить с кем-то другим[1].

Джек поежился от холода и усмехнулся: теперь ему сложно даже приготовить себе завтрак, а уж об играх с чужим сознанием речь вообще не идет. Вот так живешь, наслаждаясь каждым моментом настоящего, строишь планы, возбуждаешься от собственной дерзости и вдруг в один миг теряешь все, что принадлежало тебе по праву. Нелепое ранение глазного яблока — такая мелочь для современной медицины. Джек переживал, но ни на секунду не допускал мысли, что навсегда останется слепым. Заставлял себя рассуждать здраво и не впадать в отчаяние. Это было трудно, но у него просто не оставалось другого выхода. В критических ситуациях самое опасное — поддаться эмоциям. Только дай слабину — и защитные барьеры, спасающие от безумия, рухнут ко всем чертям. Джек не мог так рисковать.

В сотый раз мысленно прокручивал утренний разговор с врачом и никак не мог поверить в то, что ничего нельзя изменить, что по-прежнему никогда

---

[1] Читайте об этом в романах Татьяны Коган «Только для посвященных» и «Мир, где все наоборот», издательство «Эксмо».

не будет и отныне ему предстоит жить в темноте. Помилуйте, да какая же это жизнь? Даже если он научится ориентироваться в пространстве и самостоятельно обеспечивать себя необходимым, есть ли смысл в таком существовании?

К горлу подступила тошнота, и Джеку понадобились усилия, чтобы справиться с приступом. Психосоматика, чтоб ее... Мозг не в состоянии переварить ситуацию, и организм реагирует соответствующе. Вот так проблюешься на пол и даже убраться не сможешь. Макс предлагал остаться у него, но Джек настоял на возвращении домой. Устал жить в гостях и чувствовать на себе сочувствующие взгляды друга, его жены, даже их нелепой собаки, которая ни разу не гавкнула на незнакомца. Вероятно, не посчитала слепого угрозой.

Вопреки протестам Макса, несколько дней назад Джек перебрался в свою квартиру. В бытовом плане стало труднее, зато отпала необходимость притворяться. В присутствии Макса Джек изображал оптимистичную стойкость, расходуя на это много душевных сил. Не то чтобы Кравцов стеснялся проявлений слабости, нет. Просто пока он не встретил человека, которому бы захотел довериться. Тот же Макс — верный друг, но понять определенные вещи не в состоянии. Объяснять ему природу своих страхов и сомнений занятие энергозатратное и пустое. Они мыслят разными категориями.

В компании ближе всех по духу ему была Елизавета, покуда не поддалась неизбежной женской слабости. Это ж надо — столько лет спокойно дружить и ни с того ни с сего влюбиться. Стремление к сильным впечатлениям Джек не осуждал. Захотелось страсти — пожалуйста, выбери кого-то на стороне

да развлекись. Но зачем поганить устоявшиеся отношения? Еще недавно незрелый поступок подруги, как и некоторые другие события, всерьез огорчали Ивана. Сейчас же воспоминания почти не вызывали эмоций, проносясь подвижным фоном мимо одной стабильной мысли.

Зрение никогда не восстановится.

Зрение. Никогда. Не восстановится.

Джек ощущал себя лежащим на операционном столе пациентом, которому вскрыли грудную клетку. По какой-то причине он остается в сознании и внимательно следит за происходящим. Боли нет. Лишь леденящий ужас от представшей глазам картины. Собственное сердце — обнаженное, красное, скользкое — пульсирует в нескольких сантиметрах от лица. И столь омерзительно прекрасно это зрелище, и столь тошнотворно чарующ запах крови, что хочется или закрыть рану руками, или вырвать чертово сердце... Только бы не чувствовать. Не мыслить. Не осознавать весь этот кошмар.

Джек вздрогнул, когда раздался звонок мобильного. Все еще пребывая во власти галлюцинации, он автоматически нащупал в кармане трубку и поднес к уху:

— Слушаю.

— Здорово, старик, это я. — Голос Макса звучал нарочито бодро. — Как ты там? Какие новости? Врачи сказали что-нибудь толковое?

— Не сказали.

— Почему? Ты сегодня ездил в клинику? Ты в порядке?

Джек сделал глубокий вдох, унимая внезапное раздражение. Говорить не хотелось. Однако, если не успокоить приятеля, тот мгновенно явится со спасательной миссией.

— Да, я в порядке. В больницу ездил, с врачом говорил. Пока ничего определенного. Результаты последней операции еще не ясны.

В трубке послышалось недовольное сопение:

— Может, мне с врачом поговорить? Что он там воду мутит? И так уже до хрена времени прошло.

— Макс, я ценю твои порывы, но сейчас они ни к чему, — как можно мягче ответил Джек. — Все идет своим чередом. Не суетись. Договорились? У меня все нормально.

— Давай я приеду, привезу продуктов. Надьку заодно прихвачу, чтобы она нормальный обед приготовила, — не унимался друг.

Джек сжал-разжал кулак, призывая самообладание.

— Спасибо. Тех продуктов, что ты привез позавчера, хватит на несколько недель. Пожалуйста, не беспокойся. Если мне что-то понадобится, я тебе позвоню.

Максим хмыкнул:

— И почему у меня такое чувство, что если я сейчас не отстану, то буду послан? Ладно, старик, больше не надоедаю. Вы, психопаты, странные ребята. Наберу тебе на неделе.

— Спасибо. — Джек с облегчением положил трубку. Несколько минут сидел неподвижно, вслушиваясь в монотонный гул автомобилей, затем решительно встал и, нащупав ручку, закрыл окно.

Если он немедленно не прекратит размышлять, то повредит рассудок. Нужно заставить себя заснуть. Завтра будет новый день. И, возможно, новые решения. Перед тем как он впал в тревожное забытье, где-то на задворках сознания промелькнула чудовищная догадка: жизнь закончена. Иван Кравцов родился, вырос и умер в возрасте тридцати трех лет...

Оглавление

Литературно-художественное издание

ДЕТЕКТИВНАЯ МЕЛОДРАМА
Книги Г. Романовой

Романова Галина Владимировна

ПОДВЕНЕЧНЫЙ САВАН

Ответственный редактор *О. Басова*
Художественный редактор *А. Дурасов*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *Н. Билюкина*
Корректор *В. Назарова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.12.2015. Формат 70х90 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Journal». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,67.
Тираж 13 000 экз. Заказ № 1916.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.*

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел.: (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел.: (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел.: (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО«РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3. Тел.: +7 (383) 289-91-42.
В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев,пр. Московский, 9 БЦ «Форум». Тел.: +38-044-2909944.

Полный ассортимент продукции Издательства «Э» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ISBN 978-5-699-86337-2





В детективных мелодрамах *Галины Романовой* переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями. Чувственная мелодрама с закрученным криминальным сюжетом…



Отец, получивший десять лет назад пожизненный срок, бежал. Володю это потрясло. Дома повисло гнетущее молчание после истерики матери и сестры. Единственной радостью была Маша. А через несколько дней пришло известие, что отец убит при задержании. Постепенно жизнь входила в привычное русло. Володя снова стал улыбаться, снова беззаботно любить Машу. Но однажды он получил записку: «Сделай ей предложение», – было написано рукой отца. Что за бред? Его кто-то разыгрывает? Тот, кто хорошо знал отца, его почерк? Зачем? Как бы то ни было, Володя сделал Маше предложение. Не потому, что так велел мертвец, а потому что, любил ее, был по-настоящему с ней счастлив. Хотя толком они не успели узнать друг друга. И Володя ей еще не признался, чей он сын… Но ему и в голову не м… он семь……